

*Должно приучить россиян
к уважению собственного.*
Н.М.Карамзин

ISSN 0869-6322

2001

К 90-ЛЕТИЮ
АКАДЕМИКА
М.В.КЕЛДЫША

ПИСЬМА
П.А.КРОПОТКИНА
Д.В.СОСКИСУ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ПРОШЕНИЯ
РОДСТВЕННИКОВ
ДЕКАБРИСТОВ

СТИХОТВОРЕНИЕ
ДЕКАБРИСТА
В.Л.ДАВЫДОВА

ПЕРМСКАЯ
КОРМЧАЯ
1. ОПИСАНИЕ

Historical Archives • Das historische Archiv
• Archives historiques • Archivo Historico

№ 1

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

2001

№ 1

Выходит 6 номеров в год

ДЕВЯТЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

К 40-летию
полета
Ю.А.Гагарина

Судьба
двоюродных братьев
В.И.Ленина

Дневник
барона
Н.Н.Врангеля

Как готовилось
издание
«Русской Правды»
П.И.Пестеля

Письма
на швейцарский
фронт

В.Н.Татищев
о застройке крепости
Черный Яр

Учредители:

ФЕДЕРАЛЬНАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА РОССИИ,
АНО ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»,
ООО «ИСТОРИЯ-СЕРВИС»

Главный редактор:

А.А. ЧЕРНОБАЕВ

Редакционный совет:

Б.В. АНАНЬИЧ, Н.Н. БОЛХОВИТИНОВ, О.В. ВОЛОБУЕВ,
В.П. КОЗЛОВ (председатель), С.В. МИРОНЕНКО, В.С. МЯСНИКОВ,
Р.Г. ПИХОЯ, Н.Н. ПОКРОВСКИЙ, А.Н. САХАРОВ, А.К. СОРОКИН,
А.Д. СТЕПАНСКИЙ, А.О. ЧУБАРЬЯН, В.В. ШЕЛОХАЕВ, С.О. ШМИДТ

Редакция:

В.Ю. АФИАНИ (зам. главного редактора), О.И. ГОРЕЛОВ
(зам. главного редактора), Г.И. НАУМЕНКО (отв. секретарь),
М.И. ОДИНЦОВ, А.Н. СВАЛОВ, Ю.В. СИГАЧЕВ

ISSN 0869-6322

Свидетельство о регистрации № 01426 от 07 апреля 1999 г.

Адрес редакции: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-17-52

Издатель: Издательство «Российская политическая энциклопедия».
Адрес издательства: 129256, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, корп. 2.
Тел./Факс: 181-34-57. E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru

Оглавления нашего журнала можно получить через службу ИНФОМАГ
в режиме ON-Line через сервер РосНИИРОС по следующим URL:
<http://www.ripn.net> gopher://gopher.ripn.net

Для получения оглавлений журнала через электронную почту следует
направить письмо с командой help по адресу: ims@ripn.net

Полная информация о службе ИНФОМАГ может быть получена в ответ
на команду help по адресу: infomag@grant.mipt.msk.su.

© «Исторический архив», 2001

Перепечатка материалов допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Исторический архив» обязательна

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Десять лет назад, когда воссоздавался журнал «Исторический архив», его официальные учредители и сформировавшийся вокруг них небольшой круг энтузиастов были объединены одной, к тому времени основательно позабытой идеей, имевшей, тем не менее, почти двухсотлетнюю традицию в отечественной журналистике и исторической науке — идеей воссоздания исторического журнала, целиком посвященного документальным публикациям исторических источников разных эпох, преимущественно дотоле не издававшихся.

Эта идея получила благодатную почву в общественной атмосфере тех лет, когда тяга к прошлому удовлетворялась не только сенсационными историческими исследованиями, но и новыми возможностями доступа к российским архивам.

На пересечении этого интереса и новых возможностей и был воссоздан журнал «Исторический архив». Ему и его редакции было нелегко многие годы, т.к. в нашем мире идеи — еще далеко не все, что необходимо для нормального издания журнала, а возможности связаны не только с доступом к архивам, но и с финансированием. Приятно отметить, что, пережив период становления, в новое столетие журнал вступает окрепшим.

Окрепшим не только в своем материально-техническом обеспечении. Не менее важно и то, что он создал сам себе лицо академизма, остается беспристрастным в подаче фактического исторического материала, удержался от соблазна занимательности, не связанной с содержательной стороной публикуемых документов.

Конечно, не стоит преувеличивать сделанного. Редсовет и редколлегию журнала волнуют вопросы тематики документальных публикаций на его страницах, тревожит редакционный портфель, расстраивает неровный археографический уровень воспроизведения и конвоирования публикуемых документов. Существуют и организационные вопросы подготовки и издания журнала, которые решаются, но и вновь возникают...

Вступая в новое столетие, мы осознаем необходимость обновления. Это касается не только содержания журнала, но и его редакционного совета, редколлегии. Мы благодарны их прежним составам за поддержку, помощь в подготовке журнала и надеемся, что наши связи никогда не ограничивались и не будут ограничены этими структурами.

Новое столетие создает и новые вызовы. Мы постараемся находить им адекватные ответы. Вместе с вами, дорогие читатели, которым в XXI веке мы искренне желаем всего того, что емко вмещает забытое, но прекрасное русское слово, — благоденствия.

Председатель редакционного совета,
член-корреспондент РАН
В. П. КОЗЛОВ

«ПЬЮТ ПАРТИЙЦЫ И КОМСОМОЛЬЦЫ, И ВСЕ, ВСЕ»

Справка Информационного отдела ЦК РКП(б)
И.В.Сталину. 1925 г.

Нельзя сказать, что история борьбы с алкоголизмом не привлекала внимания исследователей. Имеется довольно обширная литература как по истории проблемы в целом¹, так и по борьбе с пьянством и алкоголизмом в годы нэпа². Тем не менее многосторонняя и по-прежнему актуальная проблема (моральная, медицинская, экономическая и т.д.) заставляет вновь и вновь возвращаться к ней³.

Одним из перспективных аспектов проблемы является взаимообусловленность увеличения потребления алкоголя с процессами крутых социально-экономических преобразований, к которым можно отнести и период нэпа. На взаимосвязь модернизации экономики и сопутствующих ей факторов (увеличение миграции населения, маргинализация, отрыв от традиционной культурной «почвы» и т.д.) с пьянством обращают внимание и в других странах⁴. В последнее время опубликованы интерес-

¹ См.: Брандт Б.Ф. Борьба с пьянством за границей и в России. Киев, 1897; Латышев А.И. Как появились на Руси кабаки и борьба с пьянством в России и за границей. Анапа, 1914; Петрищев А.Б. Из истории кабаков в России. Пг., 1917; Шевердин С.Н. Из опыта борьбы против пьянства и алкоголизма // Вопросы истории КПСС. 1985. № 9; Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара. Л., 1989; Похлебкин В.В. История водки. IX—XX вв. М., 1991; Русская водка. М., 1997; Прыжов И.Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М., 1997 и др.

² См.: Алкоголизм в современной деревне. М., 1929; Шепилов Д. Алкоголизм и преступность. М., 1930; Воронов Д.Н. Алкоголь в современном быту. М.—Л., 1930; Лотова Е.М., Павлучкова А.В. К истории создания и деятельности Всесоюзного общества борьбы с алкоголизмом // Советское здравоохранение. 1972. № 2; они же. Опыт антиалкогольного воспитания в школе в 20—30-х годах // Там же. 1976. № 9; Пархоменко А.Г. Государственно-правовые мероприятия в борьбе с пьянством в первые годы Советской власти // Советское государство и право. 1984. № 4; Коржихина Т.П. Борьба с алкоголизмом в 1920-е — начале 1930-х годов // Вопросы истории. 1985. № 9; Яров С.В. К вопросу о причинах роста алкоголизма в 1920-х годах // Народная борьба за трезвость в русской истории. Материалы семинара. Л., 1989; Лебина Н.Б. Рабочая молодежь и антиалкогольное движение 1920-х годов // Там же; История статистики. Вып. 1. Моральная статистика 20-х годов (преступность, самоубийства, алкоголизм, наркомания и др.). М., 1991 и др.

³ См.: Корченев В. Алкогольные страдания России: быть или пить? // Государственная служба. 2000. № 3. С. 113—120; Жириновский В. ЛДПР и антиалкогольная политика. М., 1998 и др.

⁴ См., например: Юханссон Л. Труд и алкоголь. Алма-Ата, 1988.

ные аналитические статьи на эту тему, прослеживающие взаимосвязь модернизации экономики и пьянства⁵.

Более углубленному изучению проблемы мешает отсутствие статистики потребления алкоголя в России с 1917 по 1925 г. Напомним, что формально в это время (с 1914 г.) действовал «сухой закон». Но о широком распространении пьянства косвенным образом свидетельствует статистика наказаний по статье самогонварение, которое шло на четвертом месте после краж, грабежей и убийств⁶. На это же указывают многочисленные постановления ВЦИК (ЦИК) и СНК, вышедшие с 1920 по 1925 г., об ужесточении борьбы с самогонварением. Например, в 1922 г. было конфисковано 22000 самогонных аппарата, в 1925 г. — 73000⁷. За 1925 г. официальная статистика дает цифру 0,88 литра абс. алк. на душу населения (в 1913 г. душевое потребление составляло 4,7 литра абс. алк.). По данным Г.Фурмана, производство водки увеличилось с 1925 г. по 1929 г. с 510000 литров до 5100000 литров. Душевое потребление (годовое) возросло с 5,4 литра до 8,8 литра (в пересчете на абс. алк. — с 2,15 до 3,6 литра). К тому же не прекращалось самогонокурение (шинкарство).

Как уже отмечалось, «сухой закон» был введен в России в 1914 г. Он был фактически подтвержден декретом СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г.⁸ Декрет СНК РСФСР от 9 августа 1921 г. разрешал продажу лишь вин крепостью не более 14^{оо}. Таким образом, усиление потребления алкоголя в 20-е годы лежало не в юридической области, а в экономической, социальной и духовной. Кроме указанных выше факторов, сказались и другие. Усилилось переглагоментированное производство и продажа спиртного, подогреваемые высокой прибылью, получаемой нэпманами, заменившими, по существу, монополию государства в этой сфере. Высокая стоимость изделий промышленности и низкая стоимость сельскохозяйственной продукции («ножницы цен») подталкивали сельских жителей к поиску «обходных путей» получения прибыли — к переработке хлеба на самогон. Практически неконтролируемая частная торговля приводила к тому, что были налажены «теневые каналы», связывающие нелегального производителя и потребителя алкоголя. В качестве причин расширения пьянства в 20-е годы исследователи приводят также расширение общественных функций пивных, увеличение свободного времени, переход на денежную оплату труда, жилищный кризис¹⁰.

Расширение пьянства, неэффективность запретительных мер, вред некачественных нелегальных спиртных напитков, необходимость крупных оборотных средств для проведения индустриализации — все это стало причиной введения в августе 1925 г. винной монополии и разрешения продажи водки. Публикуемый документ относится к указанному времени. Документ обнаружен в фондах РГАСПИ и освещает некоторые аспекты проблемы пьянства в России.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук О.И.ГОРЕЛОВ.

⁵ См.: Горин Н. Русское пьянство как социально-культурный феномен // Власть. 1998. № 3.

⁶ См.: История статистики. Вып. 1. Моральная статистика 20-х годов (преступность, самоубийства, алкоголизм, наркомания и др.). М., 1991.

⁷ См.: Горин Н. Указ. соч. С. 56.

⁸ См.: Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 34—38.

⁹ См.: Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 22.

¹⁰ См.: Яров С.В. Указ. соч. С. 42—43.

О пьянстве среди рабочих

Тов. Сталину

31 августа 1925 г.

Секретно**I. Степень распространения пьянства**

Пьянство среди рабочих масс имеет широкое распространение и за последнее время значительно усиливается, принимая массовый и прогрессивный характер. Об этом говорит ряд парторганизаций, как, например, Нижегородский, Тульский, Саратовский, Ив. Вознесенский губкомы, Криворожский, Екатеринославский, Донецкий окружкомы и др.

XVI Тульская губпартконференция отметила, что «пьянство развивается, оно усилилось в 40 раз по сравнению с прошлым годом».

ЦК Текстильщиков заявляет, что «в процессе неоднократных выездов на места, был обнаружен целый ряд фабрик и даже целых районов, зараженных пьянством. Особенно пьянство преобладает в Тамбовском, Ярославском, Вятском, Оренбургском, Дагестанском и др. текстильных районах».

Секретарь Криворожского Окружкома сообщает, что «среди рабочих рудников, в том числе и коммунистов, усиливается пьянство».

Из Томска пишут, что «почти все рабочие наших заводов пьют. Так, из 262 рабочих-кожевников пьют в большом количестве 20,6%, в среднем (т.е. умеренно) 28% и изредка напиваются 11%, а всего пьют 87%» («Правда» 20/VIII).

В некоторых фабричных районах пьянство настолько усилилось, что, несмотря на большое количество гос[ударственных] и кооп[еративных] магазинов, водки и вина не хватает. Особенно это наблюдается перед большими праздниками и во время получек. Рабочий из Коломинского завода пишет, что магазин рабкоопа за два дня (16—17 июня) продал вина больше на 20 ведер. В Орехово-Зуево — в дни получек вина и, особенно, русской горькой не хватает до 30%. «Спрос рабочих на вино в таких случаях удовлетворяется торговцами, открывающих «шинки» и продающих русскую горькую почти на 40% дороже ее стоимости» (св. ОГПУ).

Пьянство заметно проникает также и в среду работниц и молодежи. Так, например, в Ленинграде «медицинское обследование рабочих подростков Васильевского р[айо]на выявило большой % подростков, употребляющих спиртные напитки». В Москве в Кр[асно]-Пресненском районе — 362 чел. пьющих вино (алкоголиков), обратившихся в течение 5 мес[яцев] т.г. за помощью к врачу — мужчин было 334 и женщин — 28. Наибольшее число пьющих падало на возраст от 40 до 45 лет, но были и в возрасте 18—20 лет.

Московским институтом по изучению профзаболеваний им. т. Обу-ха было произведено обследование целого ряда московских предприятий. Результаты этого обследования показывают, что среди рабочих

имеется громадный % (от 28,4 до 77,6) пьющих. Причем среди них есть женщины и молодежь. Ниже мы приводим сводную таблицу.

№№ пп.	Название предприятия	Обследовано рабочих	Из них:											
			Алкоголиков		Привычно пьющих		Пьющих умер.		Напив. иногда		Пивших раньше		Всего пьющих	% к общ. числу рабочих
			м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.		
1.	20-я типография	319	—	—	—	—	86	6	80	1	9	—	182	57,0
2.	5-я типография	95	7	—	—	—	10	—	40	—	—	—	57	60,0
3.	Дмитровск. фарф. ф-ка	916	2	—	—	—	131	4	120	—	11	—	271	29,2
4.	Фарф. з-д «Изолятор»	317	3	—	—	—	116	10	33	2	9	—	173	54,5
5.	Дегунинс. хим. завод	184	—	—	1	—	68	—	—	—	9	—	78	43,0
6.	Кожзавод «Труженик»	288	—	—	6	—	155	—	39	—	20	—	220	76,3
7.	З-д «Лак-краска»	219	—	—	8	—	143	13	—	—	6	—	170	77,6
8.	З-д «Борец»	319	182	2	—	—	—	—	—	—	—	—	184	57,7

После таких цифр распространения пьянства среди рабочих, неудивительно, что «пивнушки и винные погреба вырастают в городе, как мухоморы в лесу», как пишет рабкор из Орехово-Зуева, где хотя и «хорошо идет вперед культработа и производство, но ... от них не отстают кутеж и пьянство и на вопрос: «Кто кого перегоняет?» Рабкор отвечает: «Известно, пьянство».

В заключение приведем выдержку из письма крестьянина Попова, работающего на Артинском заводе (Урал), которое рисует неприглядную и жуткую картину пьянства рабочих. Так: «Не знаю, как в других местах, а у нас в Артинском заводе ужасно развилось пьянство. Кумышку теперь не пьют, а пьют брагу. Пьют прямо до безумия. На улицах пьяные, пьяные и пьяные без конца. И не только в праздники пьют, а и даже в будни, пьют все: большие и малые, партийцы и комсомольцы, и все, все. А сколько безобразия творится, каждый праздник ножовая рез-

ня, прямо ужас, что такое. Народ говорит, что эти приметы к войне. Перед Германской войной, говорит, вот так же пировали сильно, как и теперь».

II. В какие формы выливается пьянство

Пьянство рабочих, большей частью, происходит в дни получек, а также во время праздников и дней отдыха. Пьют, как дома, так и в пивных, на прогулках за городом и т.д. Вот, несколько примеров: «Во время получек около гастрономических магазинов всегда пьяная очередь», — пишет рабкор Лысьвенского з[авода] (Урал). «В дни получек в винных магазинах Тейковского ЕПО (Ив. Вознесенск) за покупкой вина стоят длиннейшие очереди, до 200 чел[овек], а ночью много рабочих пьяные валяются на улице» (св. ОГПУ). «В дни получек пивные, находящиеся по соседству с заводом, наполняются рабочими...» (Ленинград).

Рабкор из Вятск. обл. пишет, что рабочие стеклозавода «Свет» «получив жалованье от кассира бежали прямо в пивную пропивать деньги, не уплатив даже членского взноса в профсоюз».

В праздничные же дни местами наблюдается повальное пьянство рабочих, заканчивающееся драками и поножовщиной. Пьяными попойками, обычно, сопровождаются все заводские праздники, экскурсии, прогулки за город и т.д.

Такие сообщения имеются из Казани, Ярославля, Перми и др. В Баку, например, клуб им. «Парижской Коммуны» провел две экскурсии, причем «участники — члены различных кружков — заранее готовились к пьянке и закупали водку. А с вечера отправлялись в степь, где кутили и дебоширили. Рабочие свыклись с подобными экскурсиями, и когда на заводских стенах появляется афиша: «Все на экскурсию, все на свежий воздух» — рабочие, обычно сплевывая и качая головой, говорят: «Опять будет пьянка» (газ[ета] «Бакинск[ий] Рабочий» 12/VIII-25 г.).

Рабочие сахарного завода в Полтавской губ. справляли 8-летний юбилей союза сахарников, причем это торжество сопровождалось повальным пьянством.

В Ив. Вознесенской губ. раб[очие]-текстильщики в ознаменование годовщины пуска ф[абрики] «Зарядье» устроили в саду текстильщиков — рабочее гулянье с повальным пьянством.

Такие «семейные вечера» текстильщикам понравились и их стали устраивать по цехам.

Иногда пьянство прикрывается какими-либо благими намерениями, как, например, в Донбассе, на Красномайском з[аводе], при клубе им. Калинина было устроено рабочее гулянье, сбор от которого должен был поступить в пользу «юных ленинцев». На этом гулянье плата за вход была установлена по 3 р., причем купившему билет — в премию выдавалась бутылка русской горькой и закуска. В результате этого гулянья, как пишет рабкор, Юрченко (член партии) в буфете клуба в «кредит» — перепились не только рабочие Красномайского завода, но и рабочие прилегающей шахты. Пили все и старики, и дети, и начальство, и подчиненные, беспартийные и партийные. Женщины напивались до бесчувствия. Эта оргия продолжалась два дня (7 и 8 июля). После гуля-

ня, пьяных развезли на казенных лошадях по домам, а буйных завозили в милицию. На эти подводы попало и немало партийцев...»

Все эти факты говорят, что рабочие пьют не только в одиночку по пивным и квартирам, но и коллективно, «организованно», во время праздников и рабочих гуляний, при содействии парт[ийных] и профорганов предприятий и поддержке хозяйственников.

Приведенными случаями формы пьянства, однако, далеко не исчерпываются. Очень часты случаи, когда рабочие пьют прямо в стенах завода. Партколлектив з[аво]да «Красный Треугольник» (Ленинград), например, отмечает, что «пьянство среди рабочих развилось не только вне завода, где-нибудь на стороне, а в самом заводе».

«Некоторые рабочие напиваются даже в стенах завода так, что мастера принуждены выводить их под руки», — пишет рабкор с кабельного завода им. Басканова (Москва).

III. Результаты пьянства

Пьянство в сильнейшей степени отзывается на моральном и физическом состоянии рабочих и тяжело отражается на производстве. С усилением пьянства драки и поножовщина среди рабочих сейчас стали обычным явлением, и в ряде фабричных районов праздничные пьянки не обходятся без жертв, ранений и убийств. Так, в рабочих районах Орехово-Зуевского уезда в пасхальные дни (апрель [19]25 г.) среди рабочих было повальное пьянство, сопровождавшееся дракой, во время которой в ход пускались ножи. На Волховстрое, за время с 5 по 20 апреля, отмечено 10 драк и скандалов на почве пьянства. На Урале, в дни пасхи, отмечалось поголовное пьянство рабочих Верхне-Камских и Пермских заводов и после праздников в г. Пермь в больницу было доставлено до 60 рабочих, получивших ранения в драках. На Мотовилихинском заводе во время драки было убито 2 и ранено больше 100 человек.

Пьянство рабочих особенно тяжело отражается на семьях рабочих. Пропивая свой заработок — рабочий обрекает себя и свою семью буквально на голодное существование. В Саратове, например, «в дни полочки жены и дети спешат на заводы, чтобы успеть перехватить у отцов и мужей часть денег. Сами рабочие, зная это, стараются улизнуть от них и сейчас же из конторы бегут в пивнушки. Пока они пьют там, домашние рыщут по всем закоулкам». На собрании партактива Зареченского р[айо]на (Тула) многие товарищи жаловались, что «часто мужья не приносят полочку женам, пропивая ее».

Пьянство, обычно, влечет за собой невыход на работу, простой в производстве, порчу материалов, а иногда и машин. Например, в Шпашнских ж.д. мастерских (Урал) отмечается рост прогулов, причем, как на одну из причин этих прогулов указывается на попойки — пикники в лесу, после которых рабочие не выходят на работу. Что прогулы наблюдаются в результате пьянства — показывают такие данные по некоторым Московским предприятиям.

В 20 типографии «Красной пролетарки» — невыход на работу по неуважительным причинам наблюдается, именно после получек, когда больше всего рабочие выпивают.

Вот, например, некоторые цифры.

Невыход на работу по неуважительным причинам
(указаны дни получки)

	30/IV	16/V	30/V	1/VI	14/VIII	
[...]ª дня до получки	19	10	10	14	10	
— “ “	13	13	11	15	13	
— “ “	11	14	13	18	8	
В 1-й день получки	39	15	35	62	50	
— 2 “ “		26	11	13	25	39
— 3 “ “		6	10	11	6	22

(Сведения даны секретарем ячейки т. Игнатовым).

В Ив. Вознесенской губ. на М.Дмитровской м[ануфакту]ре 1/VII все подмастерья явились на работу в пьяном виде и не работали целый день. На второй день по этой же причине на работу не явилось 40% подмастерьев. Пьяный токарь во время работы на этой ф[абри]ке испортил медный вал.

На ф[абри]ке «Зарядье» во время пасхальных дней рабочие из-за пьянства бросали работу и в каждом отделении стояло по 1—2 станка.

На Медвежьегорском лесзаводе (Череповецк. г.) дежурный кочегар, будучи пьян, ушел с дежурства и в результате сгорел локомотив (по св. ОГПУ).

Тульский губком констатирует, что «пьянство отвлекает рабочие массы от политической и общественной жизни». (Инф. письмо № 1/4). «Пьянство разлагает рабочих и тяжело отражается на семье» (отч. за март).

«Оно (пьянство) понижает классовое сознание рабочего класса, отзывается пагубно на его бюджете, переносится на молодежь» (прот. през. ГК № 4).

Актив Тульской организации на собр. своем от 9/III-25 г. заявляет, что «пьянство является некоторой угрозой в деле закрепления союза рабочего класса с крестьянством».

IV. Отношение рабочих к пьянству. Борьба с пьянством

Отношение наиболее сознательной части рабочих к пьянству в тех общественных формах и размерах, которые оно принимает, резко отрицательное. Об этом отмечают, как сводки ОГПУ, так и сами рабочие и рабкоры в своих письмах в редакции газет. Рабочие указывают на обилие пивных и винных складов, выросших в последнее время в рабочих районах. Особенно сильное недовольство наблюдается среди жен рабочих. Златоустинская К.К. сообщает, что «есть заявления о закрытии пивных лавок во время получек, притом, в большинстве случаев заявления эти поступают со стороны женщин-работниц, которые настойчиво требуют закрытия пивных».

Имеются случаи, когда недовольство продажей водки и вина выливается в недовольство соввластью и РКП.

ª Слово неразборчиво.

В Ив. Вознесенской губ. на одном из собраний рабочих ф[абри]ки им. Демьяна Бедного по вопросу о пьянстве, работницы заявили: «Неужели мы — 5000 раб. не можем просить власть о закрытии винной торговли в рабочем районе». Некоторые из рабочих на это заявление отвечали: «Раз торговля государственная, то и просить бесполезно» (св. ОГПУ).

Некоторые рабочие не ограничиваются только констатированием вреда от пьянства, но и делают конкретные предложения, как вести борьбу с пьянством мерами культурно-просвет. характера: улучшением работы клубов, устройством в них музыкальных вечеров, проведением широкой агитации и т.п.

Часть рабочих указывает на необходимость принятия тех или иных административных мер. Например:

1. Закрыть ларьки с вином в рабочих районах или же уменьшить количество винных магазинов, трактиров и пивных и расширить сеть столовых.

2. Штрафовать пьяниц.

3. Пьяниц сокращать в первую очередь.

4. Не давать пьяницам ответственной работы.

5. Устраивать показательные суды.

6. Не давать на руки пьяниц получки, а давать их женам.

7. Прекращать торговлю вином в дни получек и т.д.

Следует и отметить, что по отзывам некоторых рабочих, борьба с пьянством административными мерами, вроде закрытия пивных и винных лавок в дни получек, не дает результатов, а лишь служит обогащением для шинкарей и самогонщиков, «которые, пользуясь закрытием винных лавок и пивных, предлагают медвежьи услуги всем жаждущим алкоголя и сдирают за это дороже, чем позволяли себе при винной торговле. Винная торговля терпит убыток, а самогонщик расширяет свои курильни и пьянство поражается пьянством». (Из письма рабочего Кулебяцкого гор. завода).

Серьезной борьбы с пьянством среди рабочих почти нигде не ведется. Она ведется путем обсуждения вопроса о пьянстве в местной печати или запрещения торговли вином в магазинах во время получки. Парт и профорганы на местах вопросом о борьбе с пьянством среди рабочих специально почти не занимались. Исключением является Тульская организация, где вопрос о пьянстве среди рабочих обсуждался и в губком, и в некоторых райкомах и на парт. активе в губ. организации.

Сущность принятых мероприятий Тульской парторганизацией в основном сводится к следующему: а) Для систематической борьбы с пьянством Губком создал комиссию при Губпрофсовете; б) В своем инфписме № 1/4 Тульский ГК по вопросу о пьянстве предложил ячейкам: «со всей настойчивостью и серьезностью повести работу по разъяснению рабочим массам их задач. Привлечь к этому женщин-рабочих, врачей, пионеров, комсомол и все партийные силы; в) ГК проводил широкую кампанию среди рабочих, в которой использовал газеты, кино, лекции, доклады и поставил перед парт. и проф. организациями за-

дачу создания вокруг этого вопроса общественного мнения. Актив Тульской организации полностью одобрил мероприятия ГК (пр. № 5 от 9/III), а совещание секретарей с активом Зареченского р-на перенесло кампанию в цех. группы и просило ГК собрать наиболее характерные факты для иллюстрации вопроса и осветить итоги кампании на общем городском собрании актива организации.

По другим организациям мы наоборот находим указания о том, что борьбе с пьянством внимания не уделяется. Так, например, в Донбассе «Недостаточно ведется борьба с распространенной пьянкой, ведущей зачастую к растратам и др. преступлениям, на которые организации реагируют недостаточно быстро» (Из доклада инструктора ЦК т. Быкина).

Бакинский к-т в своем последнем отчете пишет: «Обращает на себя внимание развивающееся из месяца в месяц пьянство среди рабочих, служащих и комсомольцев. Отсюда необходимо сделать вывод, что мы, по своей бедности и в людях, и в средствах, не можем достаточно охватить всех духовных потребностей человека (Отчет Бакинского комитета за апрель—июнь мес. [19]25 г.).

По линии профорганов дело обстоит тоже не лучше. Ни один ЦК профсоюзов вопроса о борьбе с пьянством среди рабочих не ставит специально своей задачей. Правда, и здесь мы имели некоторое исключение в лице ЦК текстильщиков, который прошлый год энергично взялся за борьбу с пьянством, издав два циркуляра, давших ряд практических указаний союзным организациям, как вести борьбу с пьянством. Однако, эта работа в 1925 г. «прекратилась и пьянство продолжает развиваться» (Из справки ЦК текстильщиков от 21/VIII-25 г.).

Из имеющихся материалов видно, что в ряде мест большую работу по борьбе с пьянством среди рабочих ведут рабкоры, освещая и разоблачая в печати отдельные факты распространяющегося пьянства. Однако, им приходится преодолевать трудные препятствия. В Баку, например, наблюдался случай избиения шинкарями и самогонщиками рабкора Сурханского гор. района Харлашкина.

Местная партийная и советская пресса, за редким исключением, очень мало уделяет внимание вопросу о борьбе с пьянством. Взять к примеру орган Свердловского ОК «Массовик». За три месяца в этой газете не имеется ни одной заметки о пьянстве среди рабочих. И это при наличии свыше десятка тысяч рабочих в округе, среди которых пьянство распространено довольно широко.

V. Выводы

1. Пьянство среди рабочих масс возрастает и в ряде промышленных районов принимает массовый и прогрессивный характер, проникая и в среду молодежи и женщин-работниц. Распространению пьянства в значительной степени способствуют рабочие кооперативы, снабжая в некоторых местах рабочих в кредит спиртными напитками.

2. Пьянство рабочих больше всего происходит в дни получек, особенно часты случаи пьянства в праздники во время различных торжеств и прогулок. Экскурсии, гулянья и празднования — превращаются, зачастую, в организованное пьянство, сопровождаемое, обычно драками и поножовщиной.

3. Пьянство зачастую проникает и в стены фабрик и заводов, отражаясь не только на самих рабочих и их семьях, но и на производстве, понижая производительность труда, вызывая прогулы, и нередко приводя к порче материалов и поломке машин.

4. Отношение наиболее сознательной части рабочих к пьянству в тех формах и размерах, которое оно принимает — резко отрицательное. Открытие большого числа пивных и винных лавок в рабочих районах, местами вызывает определенное недовольство среди рабочих и особенно их жен и женщин-работниц. Передовые рабочие в лице рабкоров, ведут энергичную борьбу с пьянством рабочих, предавая широкой огласке через печать наиболее уродливые случаи пьянства.

5. Борьба с пьянством рабочих, как социально-общественным злом парт. и проф. организации уделяют недостаточно внимания, но выделяли ее как специальную задачу парт. и проф. организаций. В условиях расширения винокуренной промышленности, пьянства среди рабочих масс может в дальнейшем принять угрожающие размеры.

6. Вышеизложенное показывает, что борьба с пьянством среди рабочих масс, (неизбежно усложняющаяся противоречиями между необходимостью возрождения винокуренной промышленности и задачами поднятия культурного и производственного уровня рабочих) должна стать очередной задачей в работе партийных и профессиональных организаций.

В основном борьба эта должна вестись в следующем направлении:

а) вокруг вопросов борьбы с массовым пьянством среди рабочих мобилизовать широкое общественное мнение и привлечь к этой борьбе все общественные организации, ячейки РКП и РЛКСМ, женотделы и культурные силы;

б) шире развернуть культурно-просветительную работу политпросветов, органов здравоохранения и профорганизаций по разъяснению вреда массового пьянства, обратив особое внимание на оживление рабочих клубов, организацию экскурсий и гуляний, введя их в быт рабочих [...] и не допуская использования их для массового пьянства;

в) запретить рабкоопам снабжать рабочих в кредит спиртными напитками;

г) не допускать пьянства в стенах предприятий, усилив борьбу с ним мерами административно-репрессивного характера, преследуя в особенности за порчу материалов и машин;

д) устраивать показательные суды над злостными пьяницами, приносящими особо материальный ущерб производству;

е) уделить особое внимание борьбе с пьянством среди выборных и ответственных должностных лиц в массовых рабочих организациях и на производстве.

Зав. Информационным отделом ЦК РКП(б)

Рошаль

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 907. Л. 77—79. Заверенная машинописная копия.

^a Слово неразборчиво.

«ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ТЕХНИКИ ПОЛЕТОВ ШЛО ГОРАЗДО БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ЭТО МОЖНО БЫЛО ОЖИДАТЬ»

К 90-летию со дня рождения академика М.В.Келдыша

10 февраля 2001 г. исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося советского ученого в области математики и механики, академика АН СССР, трижды Героя Социалистического Труда Мстислава Всеволодовича Келдыша (1901—1978).

По иронии судьбы, когда шестнадцатилетний Мстислав стал студентом физико-математического факультета МГУ, его отец, академик архитектуры В.М.Келдыш, был разочарован: «Сын вместо реального дела занялся какой-то математикой...» Оказалось, что вся жизнь его сына была направлена на то, чтобы эту самую математику, изучая ее и обогащая новыми открытиями, из заоблачных научных высей переместить поближе к насущным земным проблемам.

М.В.Келдыш стал не только блестящим теоретиком, виртуозно владеющим тонкими методами математического анализа, но и инженером-механиком, обладающим отличной интуицией. Его исследования по математике, приведшие к получению фундаментальных результатов, возникали из необходимости решения ряда актуальных проблем сугубо практического характера. Он сделал первый шаг в направлении развития прикладной математики — науки, само понятие которой раньше рассматривалось как нечто второстепенное, а сейчас являющейся одной из ведущих дисциплин современной науки. Прикладная математика — наука не сама по себе, она именно «прикладывается» к чему-то, помогает решать разные, порой без нее неразрешимые задачи.

М.В.Келдыш родился в Риге, в большой (у него было еще три брата и три сестры) дружной семье. Отец — Всеволод Михайлович Келдыш — был известным специалистом-строителем, которого называли «отцом русского железобетона». Он первым применил этот перспективный материал при создании строительных конструкций. В качестве консультанта или эксперта он участвовал практически во всех крупных стройках первых пятилеток, в числе которых были ДнепрогЭС, Московский метрополитен, мосты через Москву-реку и многое другое. Активную трудовую деятельность академик архитектуры В.М.Келдыш закончил только в 80 лет.

Замечательным, очень добрым человеком была мать М.В.Келдыша — Мария Александровна, обладавшая высоким интеллектом и неиссякаемой энергией. Именно она заложила у детей с самого раннего возраста основы духовности, высокой культуры, грамотности, научила их видеть и понимать красоту мира. Детей учили иностранным языкам (французскому и немецкому), развивали у них интерес к искусству, который они сохранили на всю жизнь.

Особенно любил Мстислав Всеволодович живопись. У него имелась великолепная коллекция репродукций, в которой можно было встретить многие шедевры русских и западноевропейских мастеров. Он прекрасно знал произведения французских импрессионистов, помнил, в каких музеях хранятся те или иные полотна. Его суждения, отличавшиеся глубоким пониманием индивидуальности художника, тонкой наблю-

дательностью и чувством цвета, не раз поражали окружающих. «Даже в своем увлечении живописью Келдыш был профессионалом», — вспоминает академик АН СССР И.М.Макаров¹.

В 1931 г., блестяще окончив физико-математический факультет МГУ, М.В.Келдыш стал сотрудником Центрального аэрогидродинамического института (ЦАГИ) имени Н.Е.Жуковского. Здесь он работал 15 лет, пройдя путь от рядового сотрудника до ученого с мировым именем.

Уже одна из первых работ, выполненных Мстиславом Всеволодовичем в ЦАГИ — исследование теорий удара тел о жидкость и движения тел под поверхностью жидкости, имела важнейшее прикладное значение, так как одним из основных направлений авиастроения в 1930-е гг. было создание гидросамолетов различного типа.

К крупнейшим достижениям М.В. Келдыша периода его работы в ЦАГИ относятся исследования явлений, получивших названия флаттера² и шимми³. Являясь недостаточно изученными, они представляли собой грозную опасность для развития авиации. Келдышу удалось постичь суть этих явлений и найти методы и способы их устранения. Его работа «Шимми переднего колеса трехколесного шасси», изданная в 1945 г., до сих пор служит образцом инженерного исследования, выполненного на высочайшем научном уровне.

Большое внимание уделял Мстислав Всеволодович созданию вычислительных средств. Он считал, что именно вычислительная математика определила лицо двадцатого столетия. Хотя он сам и не занимался научно-техническими проблемами конструирования ЭВМ, его личный вклад в сам факт появления в нашей стране электронно-вычислительной техники, в ее широкое внедрение и совершенствование в последующие годы очень значителен.

В 1938 г., в возрасте 27 лет, Келдыш защитил докторскую диссертацию, за год до этого ему присвоили звание профессора. С середины 1930-х гг. Мстислав Всеволодович продолжил педагогическую деятельность, начатую еще на последних курсах университета. В течение почти 20 лет он с блеском читал обязательные и специальные курсы по математике в МГУ, руководил аспирантами, вел семинары. Семинар М.В. Келдыша пользовался огромным авторитетом у специалистов, играл важную роль в математической жизни столицы. Многие видные ученые испытывали на себе благотворное влияние идей и школы Келдыша.

В 1946 г., в 35 лет, он стал академиком. Начиная с этого периода, деятельность Мстислава Всеволодовича почти полностью сосредоточилась на ракетно-космической технике, вычислительной математике, атомной энергетике. Его актив-

¹ Макаров И.М. (р. 1927) — советский ученый в области автоматического управления, академик АН СССР (1987), специалист по теории систем автоматического управления, принципам расчета и построения технических средств автоматизации. Лауреат Государственной премии СССР (1984).

² Флаттер (от англ. Flatter — махать крыльями, вибрировать) — возникновение при определенной (критической) скорости полета самовозбуждающихся колебаний, обусловленных взаимным расположением центра масс и центра жесткости крыла и оперения. Явление было обнаружено в середине 1920-х гг. При определенных режимах полета летчики ощущали резкое нарастание вибрации, после чего самолет разваливался на куски.

³ Шимми (по названию модного в конце 1930 — начале 1940-х гг. в Америке танца) — самовозбуждающиеся колебания носового колеса шасси самолета (колесо как бы «вытанцовывает»). При разгоне самолета носовое колесо неожиданно начинало вилять из стороны в сторону, в результате чего самолет съезжал с полосы и зарывался носом в землю.

ное участие в решении атомной проблемы, в которой он «ставил расчеты», во многом способствовало тому, что Советский Союз в невиданно короткий срок нарушил монополию США в обладании атомным оружием.

С этим временем (1946 г.) связано и его знакомство с С.П.Королевым⁴, которое впоследствии переросло в крепкую дружбу. Они вместе вошли в историю космонавтики как Главный конструктор и Главный теоретик.

М.В.Келдышу, С.П.Королеву и И.В.Курчатову⁵ — «трем К», как их часто называли, — принадлежит исключительно важная роль в создании ракетно-ядерного щита нашей страны, особенно актуального в годы «холодной войны».

В 1955 г. М.В.Келдыш и С.П.Королев обратились в правительство с докладной запиской, в которой обосновывали научную и техническую возможность создания и запуска искусственного спутника Земли (ИСЗ).

Запуск был успешно осуществлен 4 октября 1957 г. Он не только открыл человечеству дорогу в космос. «Запуск Советским Союзом первого искусственного спутника Земли открыл первую из многих новых страниц науки о Вселенной, которые человек только начал перелистывать», — говорил М.В.Келдыш в своей лекции, прочитанной в Королевском обществе в Лондоне в 1965 г.

На борту второго искусственного спутника, выведенного на орбиту 3 ноября 1957 г., уже были размещены физические приборы, измерительные системы и контейнер с подопытным животным — собакой Лайкой.

Третий ИСЗ, запущенный в мае 1958 г., с полным правом можно назвать первой автоматической научной лабораторией в космосе. Благодаря размещенной на нем аппаратуре, был осуществлен большой комплекс фундаментальных исследований физических особенностей верхней атмосферы Земли, структуры и свойств околоземного космического пространства. Возникла новая область науки — космическая физика, у истоков которой стоял М.В.Келдыш. Под его руководством формировались многоплановые и целенаправленные программы научных исследований в космосе.

Особо заботился Мстислав Всеволодович о самом широком применении в баллистико-навигационном обеспечении полетов космических аппаратов электронно-вычислительных машин. Под его руководством в Институте прикладной математики (ИПМ) был создан специальный вычислительный центр по обработке траекторной информации и выдаче управляющих команд. Наряду с другими подобными центрами, он стал одним из элементов контура управления полетами космических аппаратов.

Меньше чем через год после запуска первого ИСЗ были осуществлены первые полеты космических ракет к Луне. Мстислав Всеволодович руководил экспериментом по фотографированию обратной стороны Луны. Снимки, полученные автоматическими станциями «Луна», а позднее — снимки более высокого качества, переданные с аппаратов типа «Зонд», дали возможность составить карты лунной поверхности, соз-

⁴ Королев С.П. (1906/07—1966) — советский ученый и конструктор в области ракетостроения и космонавтики, академик АН СССР (1958), дважды Герой Социалистического Труда. Под руководством Королева созданы космические корабли «Восток», «Восход», на которых впервые в истории совершены космический полет человека и выход человека в космос. Лауреат Ленинской премии (1957).

⁵ Курчатов И.В. (1903—1960) — советский физик, академик АН СССР (1943), трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). В 1943 г. основал и возглавил институт, впоследствии получивший название Института атомной энергии АН СССР.

дать лунный глобус. Программа исследования Луны, курируемая Келдышем, позволила реализовать эксперимент по доставке на Землю образцов грунта Луны, начать лабораторные исследования лунного вещества.

Мстислав Всеволодович неоднократно подчеркивал важность продолжения изучения Луны как ближайшего к нам небесного тела, которое еще многое может рассказать нам о природе Земли.

Большое внимание уделял Мстислав Всеволодович программе исследования ближайших к Земле планет — Венеры и Марса. Под его руководством и при непосредственном участии в начале 1970-х гг. была разработана стратегия лунно-планетных космических исследований на период до 2000 г., в которой нашли отражение важнейшие направления научных проблем, связанных с изучением солнечной системы.

М.В.Келдыш тщательно вникал в программу исследований в околоземном космическом пространстве, уделяя большое внимание проблемам создания орбитальных комплексов и пилотируемым полетам, а также использования космоса в практических, народно-хозяйственных целях. Он много сделал для решения задач прикладного использования космоса, был у истоков создания систем метеорологических спутников, спутников для целей геодезии и картографии, связи, изучения природных ресурсов Земли.

В 1961 г. М.В.Келдыш был избран президентом Академии наук СССР. Избрание его на высший научный пост в стране явилось признанием не только выдающихся научных заслуг и разносторонности таланта крупнейшего ученого, но и его блестящих организаторских способностей. Он умел без громких фраз и суеты, с минимальными затратами времени организовать и направить работу больших коллективов людей, вселить в них уверенность в успехе порученной работы.

Работать с Мстиславом Всеволодовичем было непросто, но неизменно интересно. Он относился с высокой требовательностью к себе и другим, не терпел неконкретных высказываний, пустословия и очковтирательства. Умел быстро разбираться в сущности обсуждаемых проблем, найти главное звено, отбросив все второстепенное, неважное.

Несмотря на высокий пост, он оставался очень скромным человеком. Ни тени зазнайства, ни капли самоуспокоенности, удовлетворения сделанным — каждодневный упорный труд. Хорошо знавшие его люди поражались, как много Келдыш успевает сделать, а он жаловался, что в сутках всего двадцать четыре часа.

Умер Мстислав Всеволодович неожиданно. 24 июня 1978 г. остановилось сердце ученого. А еще накануне, будучи в институте, он обсуждал вопросы, которыми предстояло заняться на будущей неделе, назначал даты совещаний...

Именем академика М.В. Келдыша названы: кратер на видимой стороне Луны в северо-западной его части, малая планета, обращающаяся через четыре с половиной года вокруг Солнца, Институт космических исследований АН РФ, часть Института прикладной математики и научно-исследовательское судно.

Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД) располагает богатым арсеналом разноплановых фонодокументов, среди которых есть и записи ветеранов ракетно-космической техники, сделанные во время личных бесед с ними, и записи выступлений видных деятелей космической отрасли на различных конференциях, симпозиумах, совещаниях.

В канун 90-летней годовщины со дня рождения академика Мстислава Всеволодовича Келдыша журнал «Исторический архив» публикует записи двух его выступлений — на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном Дню космонавтики, и на пресс-конференции в Доме ученых, посвященной запуску советской космической автоматической станции «Луна-10». Своим негромким, приятного тембра голосом Мстислав Всеволодович рассказывает о состоянии

и перспективах развития космонавтики, исследованиях с помощью автоматических космических летательных аппаратов, научных данных о поверхности Луны. Его выступления невелики по объему, но содержат максимум научной информации, изложенной в доступной пониманию массового читателя форме, четким ясным языком.

Вниманию читателей предлагается также выступление летчика-космонавта СССР Г.М.Гречко на Королевских чтениях по космонавтике. Из его рассказа о жизни и деятельности М.В.Келдыша вырастает «такой вот большой человек».

Публикацию подготовила Е.Ю.БАШИЛОВА.

№ 1

Выступление президента АН СССР М.В.Келдыша на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном дню космонавтики

12 апреля 1965 г.

Большие успехи, достигнутые в Советском Союзе в ракетостроении и конструировании космических аппаратов, позволили наметить дальнейшие перспективы изучения и освоения космического пространства.

Стало ясно, какая огромная роль должна принадлежать человеку в будущих межпланетных полетах. Даже после запуска первого ИСЗ, полета лунных космических ракет полет человека в космическом пространстве казался фантастической мечтой.

Но движение вперед техники полетов шло гораздо быстрее, чем это можно было ожидать. Менее чем через четыре года после запуска первого спутника, 12 апреля 1961 г. был осуществлен первый полет человека в космос советским летчиком-космонавтом Ю.А.Гагариным¹ на корабле «Восток», явившейся следующим важнейшим этапом в освоении космоса.

Для осуществления полета в космос человека советские ученые должны были решить новые труднейшие задачи: создание мощных ракет-носителей для надежного вывода на орбиту корабля-спутника весом пять — шесть тонн, создание системы спуска корабля на Землю, обеспечивающей безопасное приземление в заданном районе, обеспечение жизнедеятельности человека в условиях полета.

Осуществление космических полетов и межпланетных сообщений, использование космической техники для решения практических задач, важных для развития цивилизации, невозможно без глубокого физического исследования космического пространства, без изучения условий на других планетах, без всесторонних исследований жизнедеятельности организма в условиях космического полета или в условиях, с которыми мы встретимся на других небесных телах.

Поэтому чрезвычайно важными являются многие лабораторные и научные исследования и непосредственные измерения в космическом пространстве, непрерывно ведущиеся на спутниках серии «Космос», на спутниках системы «Электрон» и космических зондах, уходящих на расстояние в сотни миллионов километров в глубины Вселенной.

Такие факторы в космическом полете, как невесомость и перегрузки, повышенная радиация, метеорная опасность, казалось, могли быть непреодолимой угрозой при космических полетах. Исследования показали, что метеорная опасность практически отсутствует; радиация в обычных условиях не столь велика, чтобы нельзя было создать сравнительно легкую защиту. Однако возможно значительное временное усиление радиации, связанное со вспышками на Солнце, и поэтому для знания и предвидения радиационной обстановки чрезвычайно важно создание методов изучения и прогноза солнечной активности.

Солнечная активность и излучение, приходящие из далеких областей Вселенной, оказывают громадное влияние как на процессы земной атмосферы, так и в самом космическом пространстве. Не зная их, нельзя пустить корабль в далекое космическое плавание.

Мы теперь знаем, что в межпланетном пространстве непрерывно происходят физические процессы, понимание которых имеет важнейшее значение для геофизики, космогонии и космонавтики. Значительно изменились и расширились наши представления о верхних слоях атмосферы. Открыт целый ряд новых компонент газового состава атмосферы, получены надежные данные по плотности, давлению и температуре, имеющие важное значение для геофизики. Они также имеют непосредственное значение для космонавтики при определении траектории входа в атмосферу космических кораблей и для определения времени существования космических кораблей-спутников, состояние ионосферы, а значит — времени распространения радиоволн, изменения погоды, явления полярных сияний, магнитных бурь. Радиационная обстановка в сильнейшей степени зависит от деятельности Солнца и вторгающихся излучений в верхние слои атмосферы.

Понимание и предсказание этих явлений — это задача науки, имеющая грандиозное значение для практических нужд человека.

В этой связи полеты человека в космос, а в ближайшем будущем целых космических экспедиций, позволят еще глубже проникнуть в таинственный мир процессов, протекающих во Вселенной.

Новые достижения ракетной техники в конструкциях космических кораблей, совершенствование радиосвязи, систем управления космическими кораблями, систем спуска с орбиты и посадки на Землю позволили советским людям делать все новые и новые пионерские шаги в развитии космических полетов человека. Год, прошедший с последнего Дня космонавтики, ознаменовался двумя новыми выдающимися полетами советских космонавтов на кораблях «Восход». Это многоместные корабли, обладающие новыми возможностями маневрирования и управления, снабженные совершенными системами связи, позволяющими безопасно осуществлять полеты на больших высотах.

Создание кораблей «Восход» — это новый шаг в развитии космической техники.

№ 2

**Выступление президента АН СССР М.В.Келдыша
на пресс-конференции в Доме ученых, посвященной запуску
советской космической автоматической станции «Луна-10»***16 апреля 1966 г.*

Создание первого искусственного спутника Луны — это новый этап, открывающий дальнейшие перспективы в изучении и освоении Луны.

Мягкая посадка и полеты по окололунным орбитам открывают возможность для всестороннего исследования Луны. Осуществление мягкой посадки и вывод космического аппарата на орбиту спутника Луны требовали решения сложных научно-технических задач. Необходимо было обеспечить большую точность выведения космической станции на траекторию полета к Луне, обеспечить контроль и управление движением станции, точную ее ориентацию по небесным светилам, и с помощью ракетного двигателя осуществить строго дозированное торможение около Луны.

Разница в осуществлении мягкой посадки и выведении на орбиту спутника Луны заключается в том, что при мягкой посадке траектория полета направлена к центру Луны и торможение производится до нулевой скорости непосредственно у поверхности Луны. А при выводе космической станции на орбиту спутника Луны траектория полета проходит мимо Луны, и в заранее рассчитанной точке тормозной двигатель снижает скорость космического аппарата, переводя аппарат на эллиптическую окололунную орбиту.

Для получения орбиты, близкой к расчетной, требовалось обеспечить очень высокие точности ориентации аппарата, системы управления и работы двигательной установки. Станция «Луна-10» была выведена на орбиту с минимальным расстоянием от поверхности Луны 355 км и максимальным расстоянием — 1000 км. Плоскость орбиты составляла в начале угол 72 градуса с плоскостью лунного экватора. Период обращения спутника 2 часа 58 минут. Для создания спутника Луны требуется значительно меньшая величина тормозного импульса, чем при посадке. Это позволило существенно повысить полезный вес на окололунной орбите и установить приборы для целого ряда научных исследований Луны и окружающего ее околокосмического пространства. Отсутствие у Луны атмосферы позволяет производить со спутника Луны съемку многих слоев лунной поверхности, путем регистрации гамма-излучения, рентгеновского флуоресцентного и инфракрасного излучения. Важные сведения о гравитационном поле Луны будут получены из наблюдений эволюции орбиты спутника. Космическая станция «Луна-10» оснащена большим комплексом научной аппаратуры для уточнения величины возможного магнитного поля Луны, изучения химического состава ее поверхности, радиационной обстановки в окололунном пространстве и исследования других важных научных вопросов.

Президент АН СССР М.В.Келдыш. 20 мая 1961 г.
РГАНТД. Арх. № 1—19815.

Со станции «Луна-10» регулярно поступает телеметрическая информация. Был проведен сеанс радиозахода, когда станция, излучая немодулированные сигналы зашла за Луну. Измерения и передача научной информации продолжаются. Но уже получены первые научные данные, дающие сведения о составе пород лунной поверхности, радиационной обстановке в окололунном пространстве, магнитных явлениях, о плотности метеорного вещества и плазмы вблизи Луны.

Измерения полного потока тепловой радиации, для которого земная атмосфера не прозрачна, с включением небольшого спектрального интервала, позволит уточнить наши знания о температуре и излучательной способности лунной поверхности. С помощью новых данных ученые надеются производить картографирование типа лунных пород по их химическому составу.

С борта космической станции «Луна-10» и искусственного спутника Луны прозвучала мелодия партийного гимна «Интернационал».

Создание искусственного спутника Луны открывает много новых возможностей для науки.

РГАНТД. Арх. № 363. Фонодокумент.

№ 3

**Выступление на Научных чтениях
по космонавтике, посвященных памяти С.П.Королева
и других советских ученых — пионеров освоения
космического пространства, летчика-космонавта СССР,
дважды Героя Советского Союза Г.М.Гречко²**

28 января 1986 г.

Я хотел бы вспомнить некоторые моменты, которые так или иначе мне посчастливилось пережить, небольшие эпизоды, из которых, как мне кажется, тоже вырастает такой вот большой человек.

Я работал баллистиком в КБ, которым руководил Сергей Павлович Королев. Мы считали траектории ракет, считали на самых тогда современных вычислительных средствах. Это были пятидесятые годы, поэтому самыми современными были такие электромеханические машинки. Образно говоря, это был арифмометр, в который был встроены электромотор. И вот, на них мы считали, а тригонометрические функции брали из шестизначных таблиц. И таким вот образом все хорошо считалось.

Но когда встал вопрос о запуске первого спутника, возникли трудности. Выбор параметров траектории запуска был поручен мне, точнее, я руководил расчетами, а считали расчетчицы. И самым важным моментом в работе с расчетчицами было не дать им между собой переговариваться, потому что мы заставляли несколько человек одновременно рассчитывать для большей надежности, а потом сверяли результаты. А они всегда старались договориться, чтобы у них, значит, не было разного результата.

Ну вот, началась такая привычная работа, и все шло хорошо, но когда стали считать траекторию ведения спутника, оказалось, что нам не хватает точности. Не хватало шестизначных таблиц, мы перешли на восьмизначные, и расчетчицы взбунтовались. Я-то был тогда совсем молодой инженер, и они решили, что это моя прихоть просто, дело даже до профкома дошло.

Дело с расчетом, тем не менее, медленно, но верно заходило в тупик. Чтобы выбрать траекторию, нужно было считать много вариантов. И варианты считались, и днем и ночью, мы не уходили из КБ, ночью я спал прямо на своем рабочем столе. Оптимальные результаты расчетов поступали, но очень, очень медленно.

И вот в это время сотрудники Мстислава Всеволодовича Келдыша предложили нам методы проведения расчетов этих траекторий на первой тогда в Советском Союзе электронно-вычислительной машине. Они ее сами освоили, первые расчеты они проводили баллистические, и провели у нас курсы, научили программировать. И мы стали ходить на эту машину, расчеты у нас были достаточно сложные, и нам давали час

времени. Одна траектория считалась пять минут, и мы за час уже могли выбрать оптимальные параметры. Совсем другой уровень появился, правда, машина была еще капризная. Она была на электронных лампах, и ей не хватало охлаждения, поэтому даже зимой считали на ней с открытыми окнами. В помещении было холодно, за пультом управления сидели в одежде, а для таких новичков, каким я тогда был, на выключателе вентилятора, который помимо окна охлаждал помещение, висела такая табличка:

Вентилятор — друг труда,
Пусть работает всегда!

Чтобы кто-нибудь не выключил и тем самым не нарушил тепловой режим машины.

И вот оптимальная траектория спутника была выбрана, задача была решена. Одновременно с нами и тоже во многом под руководством Мстислава Всеволодовича Келдыша на этой же самой машине днем и ночью велись и расчеты в области атомной энергетики. Те, кто работал вместе с Мстиславом Всеволодовичем по данной проблеме, еще скажут об этой стороне его деятельности.

Мы же, решив эту нашу проблему, перешли уже от спутников к первым межпланетным полетам, начали рассчитывать траектории полетов к Луне, а затем к Венере и Марсу. И тут вдруг мы обнаруживаем, что когда у этих планет оказывается южное склонение^а, то нам из нашей северной территории летать туда на юг оказывается очень сложно. Приходилось загигать траектории ракет и это резко сказывалось на возможности выведения полезного груза^б.

Опять мы, практические работники, работники КБ, зашли в тупик. Как же нам все-таки обеспечить отправку межпланетных аппаратов нужного веса?

А в это время в Институте прикладной математики под руководством Мстислава Всеволодовича Келдыша уже была разработана новая возможность. Это называлось у нас «вариант со звездочкой», а в прессе это называлось «старт с орбиты ИСЗ». Этот новый метод старта позволял и расчеты проводить должным образом, и нужные веса обеспечить.

И дело успешно дальше пошло.

То есть, как только мы, практики, оказывались в тупике, так сотрудники Мстислава Всеволодовича тут же приходили на помощь. У них уже имелись для нас новые методы, программы, новые теоретические решения.

^а Южное склонение — отрицательная координата в экваториальной системе небесных координат, отсчитывается от экватора до небесного тела, измеряется от 0 до — 90 градусов.

^б Полезный груз — находящиеся на борту космического корабля отсеки и устройства, непосредственно определяющие его целевое назначение.

И вот мы встретились с очередной трудностью. Нам нужно было считать орбиты спутников с высокими апогеями^а. Это были спутники, и до сих пор летающие — «Молния», «Электрон». На их орбиты действовали уже не только атмосфера Земли, но и Луна и Солнце, и учитывать это, считая впрямую на электронно-вычислительной машине, было уже нельзя, не хватало мощности машины.

То есть, не прошло и десяти лет, как эта машина нас выручила, и вот опять мы упираемся в то, что задача не решаема.

И опять к нам приходит сотрудник Келдыша, который приносит нам новую теорию «Расчет орбит в эскулирующих элементах», задача вновь становится решаемой и мы выбираем оптимальные траектории.

Тут я хочу вспомнить такой довольно смешной случай. Когда еще Мстислав Всеволодович был студентом, то его профессор Лузин³, с которым он занимался, сказал его отцу, известному ученому в области строительства: «У меня занимается в университете на математическом факультете ваш сын, он идет ко дну». Конечно, можно понять чувства отца. Но потом Лузин объяснил: «Он идет ко дну, потому что в нем пропадает чистый математик, он занялся инженерными задачами, он идет ко дну».

И посмотрите, чем же оказалось это «идти ко дну» для нашей передовой техники. Каждый раз, когда мы, практики, упирались в тупик, под его руководством находились программы, машины, методы решений. Вот какое «дно» оказалось у этой проблемы. То есть, для чистого математика это было катастрофой, а для нас, практиков, создание Института прикладной математики, который развивается и сейчас, явилось решением необходимых для страны проблем, которые без науки мы решить не могли.

И ведь как быстро все меняется! Не прошло и десяти лет, как быстроедействие машины стало уже не хватать, а ведь первая машина делала более десяти тысяч операций в минуту.

И никому бы мы в то время не поверили, что будут машины, совершающие миллион операций в минуту, уже к миллиарду подходят, и опять их не хватает для расчетов! А то, что эти машины можно поставить на стол и не нужно охлаждать любыми способами в гигантском зале — в это тоже было трудно поверить.

Хочу рассказать еще такой случай, произошедший уже на космодроме. Мстислав Всеволодович не был кабинетным ученым, который работает только в институте, в академии, в Москве. Он выезжал и на космодром. Он умел решать не только сложные прикладные задачи, но и разные вопросы, очень ценные для практиков. Он умел делать прикидки, которые с необходимой точностью могли определить порядок величины.

И вот был такой случай. Нас с Платоновым⁴ — сотрудником Мстислава Всеволодовича Келдыша — вызывают вдруг к руководству космо-

^а Апогей — наиболее удаленная от центра Земли точка орбиты ИСЗ.

дрома. Мы жили тогда в бараках, врытых в землю. Мстислав Всеволодович жил в гостинице, с довольно-таки толстыми стенами. Жара тогда стояла сорокоградусная, и нам казалось, что в гостинице прохладнее, стены ведь нагреваются меньше. Но оказалось, что и там жара доставала.

Когда мы вошли туда, там были Келдыш, Воскресенский⁵, другие товарищи, но они не сидели, как нам сначала показалось, в галстуках, они были без галстуков, без костюмов, и, если честно, то и без рубашек.

Вопрос у нас был очень важный. Буквально через несколько дней должна была стартовать очередная межпланетная ракета. И вдруг выясняется, что настройка солнечно-звездного датчика такова, что вместо захвата Солнца и Канопуса^а этот датчик мог бы захватить Солнце и Юпитер. Из-за этого коррекция траектории пошла бы неправильно, и задача была бы не выполнена.

Вот нас с Платоновым и попросили, чтобы мы быстро и качественно ответили на вопрос — так это или не так, опасно или не опасно, надо что-то делать или не надо.

Конечно, проще всего было бы обратиться в Москву, провести расчеты, но это было бы и долго, и не оперативно. Точность была бы высокая, а оперативность низкая. Нужны были какие-нибудь приближенные методы. И, помня о том, что такими приближенными методами владел Мстислав Всеволодович, мы с Платоновым пришли к нему. Долго думали, искали выход и в конце концов решили задачу. Нашли большой глобус, нанесли на него координаты этих светил, а потом, сняв с плаща Мстислава Всеволодовича пояс, этим поясом мерили углы, которые составляют Солнце с Канопусом и Юпитером. И действительно, оказалось, что запускать ракету было опасно. Пришлось сдвинуть дату старта, переставить уставку^б.

Вот таким методом задача была выполнена.

Еще хочу сказать несколько слов вот о чем. Возглавляя межведомственный научно-технический совет, Мстислав Всеволодович мог сделать самое трудное. Известно, что межведомственные вопросы всегда решаются очень трудно, тяжело. Здесь нужны или ассигнования, или аппаратура, или грозные приказы, и эффективность не всегда достаточная. А вот когда такие вопросы приходилось решать Келдышу, он звонил своим тихим голосом по телефону и задачи тут же решались. Даже тогда, когда это касалось многих ведомств.

Я помню такой случай, когда в день запуска третьего спутника потребовалось топливо повышенного удельного веса. Через министерство химической промышленности нашли, где такое топливо есть. Через

^а Канопус — звезда южного полушария неба, вторая по яркости после Сириуса.

^б Уставка — числовая информация, необходимая для проведения того или иного маневра космического аппарата в целом, либо для изменения параметров состояния отдельных его систем, устройств.

авиационное министерство были заправлены этим топливом самолеты-заправщики. Они прилетали и рядом с космодромом садились, хотя место для посадки не было предусмотрено. Первый самолет выпустил тормозной парашют, был боковой ветер, его увело с полосы. Второй самолет, видя это, не стал опускать парашют, пронесся рядом, буквально крыло в крыло с первым, но топливо было доставлено. Тут же железнодорожники подогнали цистерны, хотя сейчас даже иногда читаешь, что с цистернами трудно, вовремя они не приходят. А тогда, когда было нужно, достаточно было одного слова Мстислава Всеволодовича, и цистерны пришли, топливо было привезено, охлаждено, заправлено, и заданные параметры спутника были осуществлены.

И еще хочется сказать вот что. Ведь когда запускали спутники — первый, второй, третий, встал вопрос о научных программах в космосе. И вот то, что наша страна имела развернутую, полнокровную, разностороннюю космическую программу — это тоже заслуга М.В. Келдыша.

И когда, вернувшись из второго полета в 1978 г., я был принят Мстиславом Всеволодовичем в институте (это были буквально последние месяцы, если не дни его жизни), он активно продолжал работать, интересовался всеми подробностями полета. Хмурился, слыша о трудностях, смеялся над веселыми случаями, но вообще, я смотрю — он доволен. И тогда я спросил:

— А в чем дело?

Он говорит:

— Ведь от «Салюта-4» до «Салюта-6» — гигантский технический скачок: это второй стыковочный узел, транспортные корабли, заправка топливом, а в научном плане нет соответствующего увеличения решенных задач, полученных данных.

Чувствовалось, что в этом направлении он видит дальше проблему.

Через несколько дней он назначил очередное совещание. Он был пунктуальным, точным человеком. Но это совещание не состоялось. Оно было отложено по единственной причине, способной сорвать совещание у Келдыша — его смерти.

РГАНТД. Арх. № 450. Фонодокумент.

Примечания

¹ Гагарин Ю.А. (1934—1968) — летчик-космонавт СССР, полковник, Герой Советского Союза (1961). Окончил Военно-воздушную инженерную академию им. Н.Е.Жуковского (1968). 12 апреля 1961 г. впервые в истории человечества совершил полет в космос на космическом корабле «Восток». Участвовал в обучении и тренировке экипажей космонавтов. Погиб во время тренировочного полета на самолете.

² Гречко Г.М. (р. 1931) — летчик-космонавт СССР. В 1955 г. окончил Ленинградский военно-механический институт. До вступления в отряд космонавтов в 1967 г. работал в КБ, а после полетов — в Институте физики атмосферы АН СССР. Совершил полеты на «Союзе-17» и орбитальной станции «Салют-4»

(январь—февраль 1975 г.), «Союзе-26, -27, -28» и орбитальной станции «Салют-6» (декабрь 1977 — март 1978 гг.), «Союзе Т-13, Т-14» и орбитальной станции «Салют-7» (сентябрь 1985 г.). Общее время, проведенное в космосе, составило 134 сут. 31 ч. 12 мин. 52 с. Г.М.Гречко — дважды Герой Советского Союза, награжден тремя орденами Ленина, орденом академии ФРГ «Роза ветров» с бриллиантом, золотой медалью им. К.Н.Циолковского АН СССР, медалью «За трудовое отличие» и др. Действительный член Международной астронавтической академии. Полковник запаса.

³ *Лузин Н.Н.* (1883—1950) — советский математик, основатель научной школы по теории функций, академик АН СССР (1929).

⁴ Вероятно, имеется в виду *Платонов В.П.* (р. 1939) — советский математик, академик АН СССР (1987). Имеет труды по алгебре, алгебраической геометрии, алгебраической теории чисел. Лауреат Ленинской премии (1978).

⁵ *Воскресенский Л.А.* (р. 1913) — советский специалист в области РКТ, доктор технических наук (1959), Герой Социалистического Труда (1957), профессор МАИ им. С. Орджоникидзе. Под его руководством разрабатывали методики испытаний ракет и ракетносителей.

ИСТОРИЯ ВНЕ ФАКТА И СОБЫТИЯ

Из дневника Ф.Е.Ширнова. 1932—1938 гг.*

«Исторический архив» уже рассказывал о научном проекте «История от первого лица. Изю дня в день...», который разрабатывается в Российском независимом институте социальных и национальных проблем¹. Воссоздавая прошлое по субъективнейшему из источников — дневнику, отдавая предпочтение запискам людей, которых принято называть «обыкновенными», «маленькими», «простыми», инициаторы проекта не столько ищут новые факты, сколько стремятся представить внутренний мир личности как событие истории.

О Федоре Ефимовиче Ширнове (фрагмент его дневника публикуется ниже) известно лишь то, что написал о себе он сам. Родился он в 1888 г. в Литве, в семье русских крестьян-переселенцев. В юности бродяжничал, сменил множество видов деятельности. Научившись в сельской школе складывать буквы в слова, всегда, — выполняя просьбу отца, который тоже вел дневник, — заносил увиденное на бумагу. Занятно, что Федор Ефимович позаимствовал из записной книжки отца все, что касалось его самого, Ширнова-сына. Поэтому его заметки начинаются с описания собственного появления на свет — обстоятельство, для дневникового письма совершенно невозможное, но для стиля Федора Ефимовича, родственного стилю барона Мюнхгаузена, — рядовое: близкое знакомство с дневником наводит на мысль, что из чьих-то чужих текстов (или судеб) перекочевали сюда и другие события, не столь, правда, важные, как рождение человека. Увесистый том, вместивший в себя период с 1888-го по 1938-й год, хранится ныне в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Никаких сведений о том, как попал туда этот фолиант, описи не содержат. Для публикации в журнале отобраны 30-е годы: с 1932-го по 1938-й.

Похоже, именно в 30-е гг. Федор Ефимович переписал и переплел свои заметки, озаглавив их «Дневник-рукопись» и снабдив эпиграфом: «Хотелось чтоб сие бесмертно было» (именно так, с одним «с» — в документе). Одна из последних страниц текста, для которого небывалые события — норма, содержит утверждение, что он послан Иосифу Сталину. На самой последней — 1058-й по счету — странице старательно нарисован гроб, украшенный флажками и надписью по торцу: «СТАЛИН. Ты Родной для нас всех». Едва ли Федор Ефимович вкладывал в рисунок двойное содержание, но понять картинку можно и как знак близости конца, который автор предчувствует, жалуясь на сильно пошатнувшееся здоровье, и как издевку над священным именем, и как что-то еще, третье, вроде ритуального отождествления с любимым вождем и в самой смерти. Новый, трудно поддающийся определению (подстать тому, что высекает из несовместимых начал экспрессионистской метафоры) смысл, который приобретают под пером Федора Ефимовича обстоятельства, — самая яркая черта его затейливо незамысловатого повествования.

Что может дать текст-миф, явно пренебрегающий категориями факта и события, науке о прошлом? «Дневник-рукопись» заставляет задуматься о фигуре автора-переписчика, ее роли в историографии. Можно не сомневаться, что переписывание изменило первоначальный текст. В «Дневнике-рукописи» связи с действитель-

* Подготовлено при поддержке РГНФ. Грант № 98-01-00376.

¹ См.: Исторический архив. 1999. № 4.

стью истончены, а то и вовсе оборваны. Но, потеряв в достоверности, и без того спорной в источниках, что написаны от первого лица, текст приобрел в выразительности: Федор Ефимович впустил в повествование путаницу времен, вымысел, откровенное вранье, главное же — сказки и «рассказы» (тоже — с одним «с»), которые он то ли записывает с чьих-то слов, то ли сочиняет сам (и сам же, как дитя, быть может, — верит?). По сути, хроникер-сочинитель беллетризует действительность в соответствии с тем, какой она, по его мысли, могла бы быть. Неудовлетворенность судьбой сквозит в заметном желании приукрасить свой удел; очень уж хочется Ширнову написать «поинтереснее».

Фрагмент текста, озаглавленный «Поездка в Калымскую экспедицию» («Колыма» пишется в дневнике то через «а», то через «о»), относится к временам, когда автор, по его словам, работал в организованном в 1931 г. Управлении речного транспорта Колымско-Индигирского госпароходства в городе Среднеколымске. Не исключено, что «Поездка» — тоже «рассказ», достаточно, впрочем, правдоподобный. Ведь речь идет о конце первой пятилетки, когда начал функционировать Дальстрой, одно из самых мощных хозяйственных подразделений ОГПУ-НКВД². До этого, «к началу деятельности Дальстроя на Колыме было много организаций — бессильных, бесправных, боящихся переступить какую-то черту в отношении со своими завербованными работягами. На Колыме были и конторы «Цветметзолото», и культбазы... Все они работали с вольными людьми, вербованными во Владивостоке»³. Федор Ефимович как раз и описывает маршрут, по которому отправились «осваивать Колыму» завербованные какой-то из этих организаций люди.

Одна из сказок, на которые щедр повествователь, тоже вошла в публикуемый фрагмент — сказка о невезучей Кате Сорокиной, выбросившей в речку икону Николая Чудотворца, после чего плачевные дела девушки вдруг пошли на лад. Особенность некоторых сказок Федора Ефимовича состоит в том, что их сюжеты допускают двойную трактовку. Так, по меткому замечанию В.Гарроса, французского историка и исследователя дневникового письма, героиня, возможно, вовсе и не выбрасывала святыню, а поставила ее на воду, желая спасти от иконоборцев-атеистов (такой обычай действительно исстари существовал на Руси). Тогда чудеса, происшедшие с девушкой, объясняются иначе, чем это делает автор, да и реальность, вовлеченная в повествование, воспринимается по-другому. Сквозь описанный слой событий словно бы проступает иной, более глубокий и существенный, связанный с основами народной жизни. Сказка, вне всякого сомнения характеризующая тип мышления автора, призванная, возможно, заполнить провалы памяти, свидетельствующая о неподвижном, как бы застывшем чувстве истории, вдруг освещает действительность с неожиданной стороны, предлагая свой ключ к восприятию реалий того времени. Все это, вместе взятое, подтверждает положение о дневнике как об источнике, ценном не в качестве хранилища фактов, а в качестве своего рода каталогизатора; такие тексты — граница, разделяющая обыденность и творчество, то есть та самая зона, по М.М.Бахтину, которая порождает все новые и новые вопросы и тем самым преобразует объект исследования.

Склонность автора к преувеличениям, к фантазиям такова, что, иной раз, кажется — он из тех, кому необходимо выдумать себе другую жизнь. Тем страшней правда настоящей жизни, когда она заявляет о себе: убогий быт, неприкаянность, смерть любимого сына, после которой «у меня в жизни почувствовалась какая-то пустота, уже стремление к той жизни, к которой я старался и писал для наследства

² См.: Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. С. 86.

³ Шаламов В. Перчатка или КР-2. М., 1990. С. 211.

дневник, чтоб оставить свою память своему поколению, [у] меня все прервалось, и я решил дописать до 50 лет и в дальнейшем прекратить»⁴. Эта-то правда и толкает Ширнова к переселению в вымышленный мир, так что документ, совершенно чуждый, на первый взгляд, рефлексии, носит тем не менее выраженный экзистенциальный характер.

Федор Ефимович — талантливый рассказчик, но писатель — «первобытный», малограмотный, великолепно невежественный. В его рукописи говорят корни слов, отделенные от приставок, царит головоломный синтаксис, а слова «солнце» и «сердце» не склоняются. Приключения языка не менее интересны в этом тексте, чем приключения автора. Единственная правка, которую позволил себе публикатор, — точки в конце предложений, после которых стоят теперь прописные буквы (Федор Ефимович неплохо обходился и без этого, полагаясь на протяжении всего текста почти на одни только запяты). В результате «Дневник-рукопись» — свидетельство трагедии жизни — воспринимается как исторические комиксы, лубок. Но комизм не только не отменяет серьезности проблем, которые ставит этот почти ирреальный документ, но и (известное свойство смеха) подталкивает к нетривиальным поворотам темы: национальный характер и его скрытые парадоксы; психическое здоровье нации, проявляющееся, в частности, в своеобразном восприятии исторического времени в качестве времени «сказочного», «чудесного»; проблема исторической памяти у русских, наводящая некоторых исследователей на мысль о своего рода склерозе⁵; «сказочность» мышления как почва, благоприятная для восприятия утопических идей; «детскость» народного сознания, то ли беззащитного перед пропагандистским воздействием, то ли воспринимающего его как нечто принципиально поверхностное; так называемая «советскость» — и не столько в связи с культом Сталина (настроение, которым окрашены многие страницы), сколько в связи с характерным для советской России культом литературной деятельности. Наконец, проблема индивидуализма, опрокидывающая расхожие представления как раз о «советскости», как о своего рода безликости: недаром же безвестный Федор Ширнов счел, что подробнейшая хроника его «я» будет интересна первому лицу государства.

Так или иначе, история вне факта и события есть история поставленных по-новому проблем. И вопрос о том, что дает такой документ науке, не останется без ответа, если вспомнить положение теории информации, согласно которому «величина потенциальной информации зависит от наличия альтернативных возможностей»⁶.

Итак, относиться к публикуемому тексту с доверием нельзя. Но и отвергать изложенные в нем события, какими бы невероятными они ни представлялись, не стоит. В любом случае есть резон задуматься над тем, что такое событие, факт. Для Федора Ефимовича Ширнова, например, событие равнозначно приключению. А для исследователя текстов личного характера, возвращающих в науку живое человеческое «я», личность — акт письма, который часто считают единственной правдой дневника. Да и есть ли что-либо и кто-либо в науке о прошлом, кроме фигуры того, кто, склонившись над тетрадкой, описывает происходящее, и его тени — переписчика?

Публикацию подготовила кандидат филологических наук Н.М.КОРЕНЕВСКАЯ.

⁴ РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 973.

⁵ См.: Дезер М. Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 145—156.

⁶ Лотман Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. С. 20.

Дневник-рукопись^а

1932 год

Поездка в Калымскую экспедицию

Когда на третий день, раздался на вокзале свисток паровоза и поезд отошел я уселся на свое место у окна, в каком-то разбитом состоянии принялся читать газету свой любимый «Гудок» но в нем ничего не понимал, смотрел на строчки и не видел их, и в этом однообразном грохоте колес у меня в сердце отзывалось, что то веселое. Смотрю в окно мелькающих деревьев, которые мне казались необыкновенно милыми и красивыми как бы прощались со мной на долгое время. Поезд в пути опаздывал по случаю оползней на кругобайкальской железной дороги. И я не имел возможности увидеться с своим приятелем в городе В[ерхне]-Удинске, где я работал еще в 1924—25 годах в Селенгинском гос пароходстве.

Во Владивосток я прибыл вместо двенадцатого — четырнадцатого мая в три часа утра. Город спал, только слышны были [голоса], веселых матросов поющих песни, на стоявших в бухте пароходах нарушающих порою тишину этой нежной волшебной ночи спокойного моря.

В Управлении штаба нашей экспедиции работы не прекращались, т/к готовили к отправке первый пароход с грузом людьми и материалами считая его, как разведывательным судном, во главе этого парохода был назначен капитан Сиднев как старый и опытный моряк.

25/VI, 26/VI. Перед тем, как отправиться, всех отъезжающих работников, согласно списка, нужно было пропустить через медосмотр и санпропускник и точно проверить списки, по которым при посадке проходила строгая проверка состороны капитана, дабы не попали работники без медосмотра, которые на пароход не принимались и возвращались обратно в штаб.

Наши работники речного транспорта, немного подкачали ввиду их нетрезвого состояния, и много позволяли лишнего в их словах, но это все было им прощено ввиду далекой поездке и на срок три года.

Вечером в день отъезда, немилосердно лил дождь и несмотря, на мой новый дождевик, ехидно пробирался, за воротник заставлял меня по временам вздрагивать, от холода водяной струйки стекавшей по спине. Дул холодный противный ветер. Пароход несся под парами полным ходом, среди не проглядной тьмы этого шумного Японского моря. В глазах мелькались по сторонам, то справа то слева красные и зеленые огни, встречных судов. Я напряженно вглядывался в перед в темную бездну и не видя ничего, кроме чуть белеющихся гребешков волнующегося моря.

В каюте мне было скучно. Все спали. Только суетился, бегая с фонарем из одного трюма в другой мой кладовщик — комсомолец Шурка Яканин. Вертелся он с утра до ночи и с ночи до утра не зная отдыха и

^а Заголовок документа.

покою. Он всегда был готов, на берегу, в море на рейде. Он только хмурил свои чуть заметные рыжеватые брови при виде какого либо безпорядка в складе. Волновался если даже кто либо из едущих наших работников, при получении продуктов плюнет в трюме. Он в то время краснел, морщился, набрасывался на виновника и стыдил его за не тактичный поступок в продовольственном трюме, и что если это будут проделывать все, что что ж тогда получится и вочто превратиться продовольственный склад. Но когда Шурка выходил из трюма и на палубе встречался с теми товарищами, которым он только, что читал натации, он обыкновенно снова подходил к ним брал их подруку уже весело замечал своим обычным добродушным тоном, каким говорил не по службе. А ты Володя! Не будь в претензии, что он накричал, без этого нельзя. Служба, службой, а дружба дружбой — дружок.

Шурка наполнял таким образом жизнь, незная скуки, не тяготясь однообразием его работы поглощенным службой, казалось он был вполне доволен и счастлив. Ничто его ни куда не тянуло, он даже не вспоминал про оставленную его семью в Москве жену, детей, и мать. У него была одна мысль и забота, чтоб все едущие товарищи были все довольны и радостны. Но не совсем удачно, не ожиданно раздался страшный треск, пароход вздрогнул всем своим корпусом, как то странно покачнулся и казалось сразу остановился. Все на мгновение замерло. Пассажиры недоумевающие и испуганные смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами и никто ни чего не могли проговорить. Я выбежал из каюты поднялся по леснице, на палубу и взбежал на капитанский мостик, откуда меня быстро попросили сойти. Сперва я ничего не сообщая, что случилось и охватил страх, который я всеми силами старался побороть, сердце у меня упало, бросило в жар, потом потемнело в глазах по телу пробежал холод, но я старался держаться спокойно.

Не проглядная темень, по прежнему окутывала наш пароход, стоявшим среди моря. На палубе и твиндеке¹ творилось не понятное. Море шумело ветер жалобно свистел в снастях и среди этой непроглядной ночи. Пароход приподнимаемый небольшими волнами снова еще раз и другой тяжело ударился в подводный камень. Удары сопровождалось таким наводящим ужас треском во всех частях судна, что казалось оно не вынесет этой пытки и вот вот сейчас разломится пополам. О! Матушки. Гибель. Раздалось гдето скорбное восклицание, среди едущих пассажиров собравшихся кучками на палубе. Разобьет нас на этом камне. Иш куда угодили так оно и будет, пропадем. Вот тебе и Колыма тогда будет. Вот и заработки. Вот и песцовые воротники, медвежьи шубы и много денег. Так она и чувствовала, когда отъезжала. Аль ехать аль не ехать, когда еще садилась на пароход. Полно те тетка Анисья заметил Шурка-комсомолец стоявший около борта с фонарем в руке, довольно тебе панику создавать полезай ка ты лучше в трюм и можешь спать, ничего тут антимию разводить. У трапа держась одной рукой, стоял, наш плотник лысый, ему уже было лет под шестьдесят он чего то хлюпал, держа новые галоши, крепко прижавши под мышкой левой руке. Дедушка лысый, ты чего это так затужил да чуть ли не плачешь, спросил Шурка-комсомолец. Плакать не плачу, а слезы то у него нехотя плывут, помирать то неохота, внучат у него много, все жить только, что

начали в счастливой стране. Все это хорошо, что ты дедушка так сознаешь. Но слезы лить и нагонять тоску на себя и других тебе стыдно ведь ты не маленький. Ни какой опасности нет, а что матросы понадели спасательные круга и распоряжением капитана спустили спасательные шлюбки, то это нужно про всякий случай, малоль что может быть ведь мы не на суши, а на море. Слышно раздался голос с капитанского мостика по рупору очистить и освободить палубу от едущих пассажиров. Вахтенный суетится приказывая всем на свои места и не волноваться.

Тут и я немного сдрефил, опасность чувствуется, но виду ни кому и ни какого не подаю. А только мысль одна, что если в случае чего, чтоб спасти людей. Ветер усиливался всплески воды волн с шумом разбивались о бока парохода. Ах еслиб он скорее сошел! С тех пор, как мы налетели на камень, прошло больше двух часов, но в эту памятную ночь эти минуты казались вечностью. Капитан спустился с мостика, пробегаая мимо меня, кивнул головой что опасность миновала. Подбежал ко мне Шурка-комсомолец без пиджака соспасательным кругом. Что это тебе сказал капитан? Все пока в порядке опасность проходит ответил я.

С палубы в открытое отверстие капитан кричит в машинное отделение. Как помпы? Все в порядке? И опять поднялся на мостик. Звонок один другой. Машина застопорила. Капитан передавая приказания в машину через переговорную трубку. Идет? Нет, и словно в подтверждение, что не идет пароход беспомощно ударился о камень. Удар этот тяжелый был ужаснее прежних бедняга-пароход, точно прикованный не подавался. Еще звонок. Машина заработала. Идет-ли. Несколько секунд ответа небыло. Что уснули голос с капитанского мостика. Тронулся кто-то закричал на палубе. Идет еще веселей крикнул неизвестный голос и через секунду, раздался голоса трогается. Сползает. Капитан торопливо дает распоряжение самый полный ход вперед. Слышно было, как пароход с усилением шухнул по камню и словно обрадовавшись свободе вздохнул всем корпусом и быстро двинулся в низ носом в воду, а затем рассекая темные волны бурного моря. Не выразимая радость и счастье охватило меня громкий вздох облегчения пронесся на палубе и грустная вызывающая улыбка, весело заиграла у меня на лице.

Пароход неся под парами среди мрака ночи узлов по девять в час словно раненный лебедь плывущий по волнам зализывая свои раны.

После всех этих пережитых ужасов и проведенного несколько часов крепкого сна мы с Шуркой-комсомольцем сидели у себя в каюте и составляли меню, на следующую пятитдневку. Море опять начинало шуметь, пароход покачивал, барометр показывал на шторм. Иллюминаторы в каюте были плотно закрыты, которые, то погружались вводу, то выходили из нея сквозь матовые стекла дневного света.

На палубе кроме матросов и команды парохода ни кого не было видно пассажиры сидели в своих каютах и твиндеках. Ходить по палубе было трудно. Она словно вырывалась из под ног и нужно было особое умение выбирать моменты, чтоб по ней пройти.

Волны моря уже поднимались, что горы Казбека. Мы с Шуркой-комсомольцем струдом пробирались по палубе, чтоб посмотреть, в каком положении находятся наши товарищи. Ужина в тот момент готовить было не возможно и пришлось выдать на руки, каждому товарищу

из консервированных продуктов. Спускаясь по лестнице в низ, войдя внутрь твиндэка, чувствовалась сырость душно и пахло скверным кисловатым запахом не проветренного помещения. Из за сильной качки никто из пассажиров не кушали и не хотели, они спокойно все как угарные лежали в своих кроватях и только охали.

В левом углу, около двери лежала жена нашего слесаря Анисья, чегото стонала и квоз зубы ругалась сосвоим мужем. Черт ее понес на эту Колыму, да еще морем, провались оно в три тарары. Силушки у ней нет, пропадает. Есть не ест, а на рвоту так и тянет, то и смотри, что все кишки повытянет. О господи, спаси ее душеньку еще хоть немножко пожить, на материке то жизнь теперь какая настала, только жить да радоваться. Надож быть такому греху, чтоб ехать на этом самоплаве, только, что с камня сорвались, на бурю налетели. Послушала-же я свово дурака мужика Иванушку, не доедешь околеешь. Черт ты полосатый, пьяница ты косматый, чего же ты это лежишь аль все еще хмель у тебя не прошла с Владивостока, кричала Анисья своему мужику, сходил бы к капитану он добрый все его хвалят. Пусть к берегу повернет. Муж все время молчал и спокойно лежал на своей койке, ему действительно болела голова но тут он не вытерпел и ответил Анисьи. Дура ты набитая. Куда к берегу тебе повернуть, когда мы уже третьи сутки едем от берега ты бы лучше выпила рюмочку и все прошлоб у тебя. Я вот, нет нет хвачу оно и хорошо спиться даже он не помнит как мы сидели на камне если бы ты не рассказала, а то и не знал бы, вот что значит выпить. А где же ты был раньше, чего мне не сказал. Нака тебе от сундука ключи открой его, подымешь одеяло синее шелковое и там в углу увидишь бутылку, да поскорей. Иван от радости вскочил с койки, на приказание жены. Достал бутылку вина открыл сперва не забыл себе налить стакан, чтоб поправить и налил Анисьи с полстакана, все время поглядывая сколько еще осталось в бутылке, чтоб не обидеть себя Анисья выпила и тутже ткнулась в низ лицом в подушку.

В это время Иван успел с помощью своего друга-соседа опустошить эту бутылку и проверить сколько у Анисьи в корзинке еще осталось, не пролежав и десяти минут Анисьи захотелось посмотреть, что делает Иван. Только это она опустила голову в низ, как вино то у ней все и вылелось на пол (стошнило) и тут в этом оказался виновником Иван, которого Анисья начала ругать, что он ее хотел совсем изжить сосвета. А мне хорошо хотябы еще немножко говорил Иван. А тебе знать не впрок ты слабая. И нечего тебе Анисья меня ругать, он хотел тебе лучше сделать но раз не вышло ничего не сделаешь разве ты забыла продолжал Иван когда приезжал к нам Миколай Микитич рассказывал, что он уже сколько лет ездит, на пароходах по реке Ангаре, в Иркутске и никогда его жену не тошнило, а она ему каждый день на паромод носила обеды, да по рюмки вина пила. Да ты леший старый не оправдывайся и не заговаривай мне зубы тебе бы только самому налопаться, а что жена мучается, так ты никакого внимания на это не обращаешь. Давай сюда ключь от сундука, а то последнее вино выпьешь, ту бутылку которую он достал они с соседом еще тогда выпили, а остальные не трогали. Какие это остальные? Да те которые в корзинке и в сундуке остались. Ах ты бродяга, уже успел все высмотреть. Ну жди теперь то вино кото-

рое в сундуке, до Колымы тебе его не видать, так и знай пьяница несчастный. Сходи к врачу сам давеча говорил, что на пароходе врачи есть, может быть капле каких либо даст. Иван почесал в затылке достал из подголов бутылку вышел на палубу, стал проходить к каюте врача, от сильной качки пошатнулся упал разбил бутылку, вернулся обратно и рассказал Анисьи целую страсть, что, когда он вышел на палубу то вода так и лилась через пароход, чуть было его самого несмыло водой в море, если бы не лебедка, за которую он успел ухватиться, бутылку разбил и до врача не дошел. Придется тебе Анисья терпеть, не одну тебя эта болезнь мучает, пожалуй еще по хуже. Ах вот оно что, взорвало Анисью вскочила с койки схватила кастрюлю да какхватила своего Ивана по голове. Вот тебе будешь знать, как людям хуже чем ей, посмотри алкоголик на ее, ведь она вся мокрая от тошноты и понесла ругать бедного Ивана, если-бы не прервала ее тошнота, то наверное и до сих пор все ругалась.

Подходя к берегам Японии, качка начала утихать. Пассажиры вышли на палубу чтоб вздохнуть свежим морским воздухом и говорили насчет вчерашнего шторма. Люки и люминаторы уже были все открыты и в твиндеке уже не пахло тем зловонным воздухом.

Шурка-комсомолец после отпуска на камбуз продуктов для ужина занялся организацией музыкального кружка из едущих пассажиров и имеющихся на пароходе музыкальных инструментов. Начались игры, музыка, песни, пляска настроение у всех приподнялось и дело дошло до того что старики и те повылезли из твиндека и пошли парами в припляску с припевающими частушками:

Хорошо по морю плыть,
Когда «Сталин» правит.
Шторм и качка ни почем,
Если комсомольцы [...] ^a совсем.
Мы проложили все пути,
В арктике холодной.
Просвятим мы там народ,
Большевистской учебой.
Порт Архангельск Колыма,
Мурманск и Камчатка.
Врангель — Ленина — Анадырь
Диксон и Печера.
Сахалин — Вайгач — Амур,
Карские Ворота.
Лес — пушнина — уголь — сталь,
Золото, металы.
Все пойдет морским путем
Раз наш Сталин за рулем.

Шурка наш комсомолец был настолько доволен, что даже сам несколько раз выходил в круг танцующих ребят. Время у всех пролетало не заметным образом, пароход наш проходил пролив «Лаперуза» остав-

^a Слово неразборчиво.

ляя с левой стороны берега острова Сахалина и с правой стороны Курильские острова.

Море было более спокойное, но туман, все время держался над водой. Стоя на палубе можно было видеть, как показывались небольшие черные головки нерпы или прыгающей по поверхности воды играющей рыбы. Наблюдая в бинокль хотя и с трудом но можно было заметить кита выбрасывающего вверх высокие фонтаны воды, а по правой стороне в тумане ныряющего японского миноносца, высматривающего или просто провожающего наш пароход. При соединении Охотского моря с океаном нас здорово качнуло что с палубы были смыты двое свиней и корову. Пассажиры уже как видно привыкли и не обращали на это ни какого внимания.

При входе в бухту Петропавловск на Камчатке нас встретили с музыкой духовых оркестров вышедших с красными знаменами местных организаций. Рабочий клас города служащие и сотрудники с руководящим составом коммунистической партии (б) приветствовали нас, как юных пионеров едущих для работ и освоения Камчатского края.

Для передышки, после десятисуточного перехода, в столь тяжелое для не привычных пассажиров время и небывалых штормов морского пути капитаном парохода было дано распоряжение всем сойти на берег, где было мною договорено с баней, чтоб помыться могли все те кто только хотел за счет госпароходства т/е за счет правления госпароходства на Колыме.

Вечером Шурка-комсомолец сорганизовал в театре комсомольский вечер встречи нашей и камчатской организаций, где все ввосторге были и довольны, зал был переполнен, конечно в первую очередь и преимущество было предоставлено нашей едущей организации. Некоторые наши товарищи даже были удивлены, что так далеко от центра, а знают почти все то что в центре, что значит общая забота Советского государства — во всех уголках далекого края.

11 июля в четырнадцать часов мы отвалили от берега Бухты и уже качались вволнах Камчатского моря², где много видели плавающих целыми стадами морских зверей, моржей, дельфинов, тюленей и др. Не заходя в бухту Алюторка³ прошли в бухту Провиденье но ввиду темной и туманной ночи капитан пароход поставил на якорь, спустил маленькую лодку крыкнул на одного матроса. Ахонька-малый ты всех удалей, сядька на эту шлюбку, пройди около берега, осмотри что б нам на мель несесть. Слушаюсь капитан. Удалий уехал и где то из тумана было слышно крик, Товарищ капитан, все вижу, что видишь? Около берега интеграл союз, кругом висят олени шкуры много битой дичи и даже болтаются белых медведей головы. Страшного ничего нет. И как проход к берегу возможно для нашего судна кричал в рупор капитан, незнаю, а лодка прошла отвечал Ахонька. Немедленно возвращайся на борт, болван. Все осмотрел и не заметил как проехал по камням. Тфу ты каналья парень боевой, а безтолковый, никак не поймет. Опять кричит Ахонька, товарищ капитан, близь берега подальше интеграл виднеется чукотская юрта, а около берега сидит тунгус с трубкой в зубах чинит лодку, как

видно по рыбу собирается. Ну и пусть дерет глотку всеравно не поймет, покричит и вернется, всеравно ему делать нечего а ты боцман, проверь все световые сигналы, чтоб были в порядке а то ночью сегодня должен прибыть пароход Лозовский и с утра будем с него брать уголь. Фомку Безстрашного на Вахту поставь он более расторопный, а Гришку Пяткина заставь потдежуривать пока не вернется наш дурак удалой, чтоб помочь лодку поднять и он уйдет к себе в каюту, чтоб уснуть часика три четыре, спокойной ночи проговорил капитан и спустился в низ в каюту старшего помощника.

Шурка-комсомолец услышал крикание уток в бухте, и ему очень хотелось поохотиться и он неотставал от меня прося разрешения спуститься на берег. Мною это удовольствие для Шурки было сделано но с условием чтоб он организовал из всех едущих пассажиров целую группу охотников т/к ружья на пароходе были да и любителей немало поохотиться. Перед восходом солнце вся бухта была окружена охотниками, наступление на уток шло отчаянное, куда бы эти утки невзяли курс полета, везде встречали их перекрестным огнем. Таким образом к 10 часам утра уже было убито сорок семь штук и повар готовил к обеду вкусный суп из уток и хорошее жаренное.

С прибытием парохода Лозовский был объявлен аврал к перегрузке угля с парохода на пароход, работы шли хорошо, но только было неприятно то, что лил проливной дождь, все перемокли и пришлось всем дать, по стакану портвейна чтоб согреться и аппетитно покушать.

После того как мы покинули бухту Провиденье, прошло несколько суток и мы уже подходили к редко плавающим льдам. Воздух сменился на пароходе стало холодно, это уже давала знать начинающая холодная Арктика, с греющими лучами солнце, в течении круглых суток.

Пароход наш уже шел не больше одной двух миль в час т/к не давал нам уже быстро двигаться торосистый лед. Пароход подходил к мысу Сердце-камень, где нас застопорило и мы простояли пятнадцать суток в борьбе сольдами. Шурка-комсомолец и тут сумел дух всем едущим поднять под гармошку напевать.

Не гордись ты сердце-камень,
Своими торусами льдов.
Не упорствуя силой ветра,
Не устрашишь большевиков.
Две недели мы терпели,
Три недели ждем проход
На шестой просить не будем
Измельчим все в порошок.

В каюте первого класса, у нас ехала жена одного инженера, интересная дама, все время ходила по палубе с ларнетом и никогда эта Гран-Дама, не была чем либо довольна, все не по ея духу и вкусу, то грохот льда ей отдыха не дает и она немогла спать, то виды ей нравились, то обед или ужин не вкусный то ей скучно, что пароход стоит и не может выбраться изольдов, то она телеграму, от дочери из Москвы не получила, а если и предложит Шурка-комсомолец, что либо помочь в общест-

венной работе, то она заявляла, что в такой обстановке она работать не будет.

У меня была получена телеграмма от начальника, чтоб я составил списки на некоторых товарищей, которые будут возвращаться обратно, в Архангельск⁴, для какой цели мне было неизвестно. Но только требования начальника были на тех кто не хотел работать, бузили и разлагали других. Конечно не миновала и наша гран-дама.

При объединении всей экспедиции во главе с ледорезом Литке, было устроено совещание всех капитанов и начальника нашего госпара; где твердо было решено часть едущих работников на Колыму вернуть обратно с зимующими пароходами Шмидтом и Калымой с которыми мы должны были встретиться в Калючинской губе⁵.

15/VIII. Наш караван судов, пробиваясь между вечного плавающего льда вышел из него в более редкий лед и мы шли уже вне всякой опасности о том что зимовать не придется и всетаки, как бы небыл труден наш путь, но 4 сентября мы прибыли в б[ухту] Амбарчик. Началась разгрузка судов, но совсем благополучно, т/к начались сильные шторма, опрокидывались кунгасы⁶, топились грузы. Разгрузка была приостановлена и морские суда ушли в Чаунскую губу на зимовку а я с пароходом Ленина уехал по реке Калыме, в город Средне-Калымск. Не доезжая ста километров до города, река стала и покрылась льдом, пароход остался на зимовку в так называемой местности [...]а; все едущие работники ушли пешком, меня чегото лихорадило и я чувствовал себя совершенно больным. Но отставать мне не хотелось и я решил тоже отправиться пешком. Кое как с трудом мне удалось добраться до заимки «Банское» покрыл расстояние 20 км за 13 часов. Остановился у гр[ажданки] Ягловской Н.И. которая меня встретила и видя состояние моего здоровья скверное послала мне на полу кровать, согрела мне чая. И я уже спал без задних ног с одними передними. На утро я уже не мог встать на ноги без костылей. Наталия Ивановна с ее старшей дочерью, меня отвели за сарайчик и там оставили меня одного для своих нужд.

Сию это я, на бревешке и вижу как из кустиков узкой тропинкой бежала ко мне белая куропатка, прибежала почти к моему носу шагах в трех остановилась. Меня заело, что куропатка и та не боится меня, схватил ком снега и бросил в нее, куропатка удалилась по той же тропинки, я собравши силы, хотел сам дойти до хаты, но немог и ждал пока пришла хозяйка с дочерью и отвели меня домой. Когда я рассказал про все что сомной случилось и куропаткой то старший сын Николай разсмеялся, хорошо, что еще глаза не выклевала. Это счастье твое, но это что, по чище еще у них бывает. Вот они в прошлую весну еще при жизни его отца ездили в рыбалку, на берегу оставили мешок с продуктами, а сами ушли на середину реки ставить сети. Возвращаясь обратно, а около мешка сидел медведь. Отец начал на него кричать, махая веслом но Мишка и недумал, он спокойно вытаскивал из мешка хлеб рыбу ел и кости от рыбы, как нарочно оставлял и бросал в них, а когда все поел, свернул мешок в комок и бросил в них, а сам ушел в кусты. А то и так

^a Слова неразборчиво.

было когда сильные ветра и холодно то на рыбалках они стараются поймать рыбу, и закапывали в снег, чтоб ее не выветривало и не терялся вкус, в это время этот хитрый мишка с помощью песцов и рыжих лисиц, не редко и горностаев, которые воровали эту спрятанную рыбу и относили ее дальше в кусты и прятали в снег или в мох, не затрачивая лишнего для них времени. Но зато в последствии, эти маленькие зверьки, бегали кругом мишки смотрели на мишку, который пожирал все натасканное добро. А почему Вы не убиваете их спросил я Колю. Мишек у них не убивают потому, что они ничего не делают. И даже им радостно бывает если они в лесу встречаются с ним но только не любили эти мишки одного, если кто либо причалит лодку к берегу и нос лодки защищает на берег и оставит ружье, в лодке то уж мишка обязательно ружье поломает, лодку опрокинет все находящее в лодке повыбросает в воду и сам уйдет в лес. Спустя неделю я немножко поправился и Николай меня на собаках отвез на заимку Кульдино и оттуда меня доставили в затон Лобуя.

15/X. Уже стояли сильные морозы. Рабочие жили в палатках и всеми силами старались строить юрты, которые уже в новому году были построены и все рабочие были размещены. Так, что затон Лобуя, где до нашего приезда считался диким высоким берегом, на котором уже было построено 28 юрт, больница, Радиостанция, столовая, баня, мех-мастерские, электростанция и др. вспомогательные постройки и из ничего получилось что-то с пяти сот населением душ, где на берегу реки Колымы и устье реки Лобуи ни когда не ступала человеческая нога, вдруг загорелась лампочка Ильича, застучали молотки, взвился красный красный флаг, загудели гудки пароходов и заброшенная в старое время река Колыма воспряла от долгой спячки. Теперь по ней плавают целый речной флот судов.

1933 год

С опозданием прибывших судов в б[ухту] Амбарчик и за невозможностью их выгрузки ввиду штормовой погоды затон Лобуя остался без продуктов. Хотя часть их и была доставлена, но этого было недостаточно, а поэтому начались заболевания цынгой, которой и заболел я сам и слег в постель.

15/II. Меня положили в больницу, где я пролежал почти до мая м[еся]ца и постановлением В[рачебной] К[омиссии] П[ароходства] мне было предложено немедленно покинуть Колымский край.

Управление меня задержало по работе в Ликвидкоме ввиду передачи Госпара в ведение Дальстроя, почти до августа. Пароходов в то время в ср[едне] Колымске небыло, все были переброшены в б[ухту] Амбарчик для разгрузки морских судов и уехать было не начем, кроме, как на весловой лодке. Помощи состороны администрации ждать было нечего и мы собравшись изуродованные цынгой больные в числе 4-х человек [решили] ехать на лодке.

6/VIII. Мы выехали в 4 часа после обеда из ср[едне] Колымска в низ по течению реки Колымы, надеясь на доброту реки, которая якобы нас взялась доставить в б[ухту] Амбарчик. Первая остановка это была в

заимки Збарцево, где рыбаки в летнее и зимнее время занимались ловлей рыбы и временно жили в этих маленьких халупках.

Время уже было восемь часов утра по местному времени, начинало светать, и мы после нашего отдыха собрались в дальнейший путь.

Приехав до з[аимки] Кульдино: небольшая передышка. Незаходя ни куда в избу мы тут-же на берегу вскипятили чайник достали копченой юколы⁷ поели и поплыли дальше. На реке было тихо и спокойно небыло даже и ветринки как мы называли. Семашкевич смеялся, что если нам придется ехать всю дорогу так, то это будет хорошо хотя проедем дольше но зато верно. Верно то верно возразил я, но не забудьте, что пароходы нас не будут ждать, выгрузятся да и уйдут что мы там будем делать на берегу подыхать, что ли? Да, это тоже, загвоздка, так что лучше былобы если нам помогал ветерок в тыл, оно бы и легче и быстрее мыплылиб.

Проехали заимку Банское, где я жил почти неделю, когда в Калыму ехал и немог ити, да еще в памяти осталась та куропатка, которая не боялась меня. Кешка с Юлией про это еще не знали. Семашкевичу я как-то еще в Лобуе рассказывал про эту куропатку и как ее прогнал обратно в кусты. Перед вечером мои товарищи гребцы, кто одной рукой, кто двумя работали без укоризненно я сидел как безрукий у руля управлял лодкой. Старались доехать до заимки [...] ^a, чтоб заночевать т/к ночь была темная и небо было покрыто темными тучами сбирался дождь, поднялся ветер и река уже зашумела своими мелкими гребешками. По среди реки уже плыть было ночью опасно и мы держались ближе к левому берегу под крутыми скалами гор, проходивших берегом реки. Вдруг лодка наша во-что-то уперлась и дальше нисместа опускаем весла в глубь, недастают дна. В чем-же дело, непоймем, и ни чего в ночной темноте не видим Юлия наша, трусиха, пустила слезу, это виноват леший он нас завел в такое место, что ни взад ни вперед. Мы хотя и больные, но разбирал нас смех. Юлия злилась и нас ругала, что мы не пали духом. Семашкевич начал веслом водить поводе и весло у него задело какieto тонкие нитки, но говорить нам ничего не говорил, а запел о попались мы больные, стой. Не уйти нам из сетей. Мы запутались в них крепко, бес нас водит наверно метко. Придется ждать нам утра сдесь. Река шумела волны разбивались о скалистые берега и нам угрожало опасностью быть разбитыми.

Семашкевич с Кешкой веслами начили сети опускать в глубь реки чтоб нам проехать, но ни как не могли. Пока не выяснили причины, которая оказалась в нашей лодке это небольшой но толстый гвоздь зацепившийся за сети.

Приехали к месту так называемое, Семипроточье. Знаки пароходные в темноте небыли видны, и мы угодили в одну из проток, которая нас завела неизвестно куда. Только мы спохватились тогда, когда наехали на мель и протока исчезла.

Семашкевич вылез из лодки осмотрел, что дальше ехать некуда, надо ждать утра. Вытащили лодку, на топкую густую грязь сами по колено

^a Слово неразборчиво.

в грязи выбрались на берег и вынуждены были ждать утра в этой обманутой туманной протоке окруженной не высоким но густым лесом тайгою. Но это нас несмушало, что попали в такой просак в таежных условиях. Даже местные обитатели и те рассказывали как им приходилось запутываться в тайге и пропадали по нескольку дней, а нам неведомым путешественникам, да еще впервые в этих краях и не удивительно попасть в такие не приятные места. Не удалось и не надо, только обидно за то, что мы больные. Как бы небыло, но мы уже к берегу. Кешка ошупью собрал сучки, развели огонь, едим и смеемся. Вот и чумаки далекого севера, сидим и не тужим что находимся в затруднительном положении. Теперь уже у нас в голове одно, как бы выбраться, а уж про пароход забыли, что можем опоздать. Два ружья у нас топор, пила, веревка сажени две хлеб еще есть, соль тоже спички пачки две махорка несколько старых газет для сигарок, рыба соленая и юкола есть, а что больше нам еще здоровье, то оно уже потеряно и возврату ему нет пока значит надо про все забыть и только думать, как доехать до морских пароходов.

Занималась заря. Юлия принялась чистить рыбу. Кешка собирал дрова, Семашкевич делал два весла взамен поломанных, а я уж как почти без рук, сидел около огня и подкладывал дрова, чтоб горело хорошо. Юлия что мне крикнула в полголоса но я не обратил ни какого внимания, тогда она подбежала ко мне и сказала что она услышала около лодки какой то шорох и как быттобы, кто то шевелиться. Кешка спустился в низ с крутого берега и в страхе торопился подняться обратно к нам. Лицо у него было бледное он немог проговорить слова. Юлия бросилась к нему, что с тобою. Кешка начал рассказывать, что около лодки нашей лохматое, безногое. Семашкевич схватил топор я ружье опустили в низ и видим, что около лодки самый настоящий мишка копается, по брюхо в грязи и хочет опрокинуть лодку но ему не удастся когда Семашкевич закричал на него, то мишка видит, что опрокинуть лодку не может, начал поганец выбрасывать все из лодки в грязь. Стрелять с дробовика не было ни какой цели, только обозлишь зверя и неизвестно, что может в дальнейшем быть. Но мишке как видно надоело возиться в грязи и он начал вылезать из грязи прямо к нам, мы в пятную на берег вооружил кто чем мог. Но мишка ушел по берегу в противоположную сторону.

Пока Юлия готовила завтрак, мы привели к порядок лодку, просушили вещи намоченные уложили и уже все было готово к отплытию оставалось, только позавтракать идем это мы к берегу чтоб подняться как навстречу нам с криком с берега кувыркнулась Юлия, оцарапалась вся через валежник, что с тобою Юлия. Медведь подошел к нашему становищу хотел было ее схватить лапой но она бросилась от него в низ на реку. Ну чтож это такое! Откуда же их тут набралось, деваться не куда. Во попались, в руки зверей, черт их не видал. Кешка тихонько взобрался и чрез кусты смотрел как мишка завтракал около нашего огня, когда он поел все что было начал всю посуду бросать на реку чтож оставалась нам делать, уезжать, а то грешным делом еще на нас может напасть. Жалко сковороды в дороге нужна уж она, да чайник, а остальное по заимкам достанем говорил я своим друзьям.

Давай скорей в лодку, а то он там, что то трещит не медведь ли к нам спускается. Не успели мы еще хорошо выбраться из этой грязи, как около воды на берегу показался мишка. Мы повернули круто лодку в сторону к другому берегу, чтоб скорей уплыть, а мишка косолапый видит, что мы уже ушли далеко, давай в нас бросать, плавник, да стакой силой и ревом, что брызги воды долетали до нашей лодки. Чем мы уходили дальше, тем наш мишка все больше сердился и начал бросать вводу строевые бревна, но нас нагнать ему не удавалось, а тем более, когда образовался крутой скалистый берег и как видно наш мишка пошел в обход. Юлия сидела в лодке и проклинала эту протоку а сама все поглядывала на оцарапанные ноги руки и с синяками под глазами. По пути Юлия с нами ругалась если только мы заводили разговор о какой либо остановке, на берегу, где либо в лесу она нехотела, больше встречаться с медведями и соглашалась лучше плыть голодной на одном сухом хлебе.

В Карлукове мы встретили наши катера, которые тащили по три больших баржи с грузом в ср[едне] Калымске и на ходу узнали что пароходы еще не разгрузились но и нам еще нужно было ехать почти пол пути. Река все становилась шире и шире мы торопились погода в нашем пути благоприятствовала почти до самой Сухарной, после чего началась штормовая и признаться сказать, уже для нас было опасно плыли мы уже двадцать пятые сутки и в самом устье реки впадающей в океан, настолько нас стало бросать волной, что мы могли держаться около самого берега, но когда мы повернули к другому берегу, чтоб переехать, то уж, тут дело пахло на ладан только что переехали и начали подплывать к берегу, как сильной волной нас выбросило далеко на скалистый берег, вода осела назад, а мы остались на каменистом берегу. Лодку нашу повредило, и дальше ехать нам не пришлось отправились по берегу пешком переночевав в пути две ночи мы добрались до бухты Амбарчик и в пяти милях от берега увидели на рейде стоявший пароход «Хабаровск».

31/VIII. Мы отвалили с б[ухты] Амбарчик. Больных нас, всего собралось больше сорока человек отправились с места благополучно спасибо товарищу Шифрину он нам отпустил, на дорогу продукты и нам уже теперь, только нехватало одного здоровья, которое мы ждали с большим чувством, когда приедем во Владивосток. Но судьба наша была настолько злая и безцеремонная, что недала нам доехать до места, а заставила нас больных остаться, на зимовье у мыса Билинкаса⁸. Пароход наш зажало льдами заковало морозом и уже капитан объявил нам всем неминуемо зимовку, так что три парохода были поставлены друг с другом рядом, а Челюскин желая пробраться к острову Врангеля от нас утек но и его судьба была опасная в то время, ввиду прибывшего с моря большого количества льдов.

Все пассажиры были переведены на зимовку в трюмы, где жизнь для нас была тяжелой. Печи-временки дымили в трюме было полно дыма больные кашляли, кырхали, медикаментов нехватало. Но только все спасение это было со стороны доктора Ляпунова и Скорокадом-

ского которые принимали все от них зависящие меры, чтоб нас сохранить и доставить всех благополучно.

Наступила полярная ночь, непроходило и одной минуты без этой надоедливой пурги вьюги и свиста ветра, который нагонял этим своим завыванием нам отчаянную скуку и больные себя чувствовали скверно даже отвратительно.

Приходил к нам в помещение капитан успокаивал нас, обещал нас вывести, на аэроплане, на берег. Но это было только обещание. Жизнь была тяжелая. Пароход воды пресной нам не давал и наши больные товарищи вынуждены были возить на салазках сами лед, из выветренных торусов льда, чтоб сготовить пищу или попить, а также и в отношении питания, если бы не доктор Скорокадомский который приказывал отпускать за наш счет свежие продукты, как оленье мясо, или свиного своего убоя, которых вскармливали на пароходе, и то много было случаев смерти, часть людей было выброшено за борт, а часть похоронена на берегу между мысом Билингсом и Яканом.

1934 год

Новый год мы встречали весело. На пароходе ставили ребята спектакли наш товарищ Ермолай играл на гармошке, несмотря на то что он был болен, в общем не тужили, а жили сегодняшним днем, а что будет завтра то увидим и вот бывало, только это попьем чаю и кричим, а нука Ермошка сыграй иркутянку, а я попробую отчибучить, всегда смеялся наш [...] ^a. Да повеселей приударь на все меха, пусть, пусть гармошка арет по громче, может быть, кто дома услышит да подумает как мы в арктике живем, пусть не тужат обо нас, дайкась он станцует какой либо выкрунтас. Какой это такой выкрунтас спрашивали друг друга. Да такой который он только, что танцевал, а если нужно и еще отобьет, что в Цырке акробат и пошел вокруг кольцом, наш старый боцман Биндерей. А ты Митька что голову повесил, выходи не чего то много думать. Пусть лорды много думают, а нам нечего у нас есть кому заботиться, пока мы больные да кривые, а поправимся все вернем. Давай давай перед ужином протрясись хорошенько. После ужина политграмоту будем слушать сегодня капитан про Север нам будет читать, есть чего послушать, читает резко четко, каждый безграмотный поймет, а если что, повторит тебе несколько раз и заставит понять, посмотрите на Фому безстрашного за три месяца как научился, попробуйка с ним теперь поговорить. Давича задал вопрос второму механику а тот мык мык и не мог ответить. Вот что значит наука. За ужином нам прочитал старпом телеграмму полученную с мыса Северного, чтоб сзавтрашняго дня приготовили площадку для посадки самолета, который начнет перевозить больных. Откуда только взялась у больных сила, что кто только мог еле двигаться изьявлял согласие помогать в этой работе. Дух у всех приподнялся и как бы мы почувствовали о нас заботу, что мы сдесь на зимовке терпим больные разные невзгоды.

^a Слово неразборчиво.

12/II. Началась перевозка все шло хорошо всего было вывезено человек сорок сегодня моя очередь жду. Телеграмма самолет не прилетит, вторая, пароход Челюскин терпит аварию.

13/II, 14/II. Третья телеграмма, Челюскин раздавило льдами пароход пошел ко дну пассажиры и команда спасены за исключением одного. Все высажены на льдине. Продовольствие на два м[еся]ца. У нас всех, ноги так и подкосились, в ужасе сидим и думаем как же теперь быть. Ведь люди на льдине. Надо же их будет спасать. (1029) Мы не сумеем, как больные, а какие меры примет команда нашего парохода тоже трудно было сказать.

С получившимся таким несчастьем у нас на пароходе все было забыто о выезде, а только и думы были одне как бы поскорей спасти людей находившихся на льдине. Ежедневно следим за сообщением из лагеря Шмидта⁹.

Дни начинали прибавляться солнце мы стали видеть, ветры как будтобы стали тише или мы уже привыкли к ним и они нестали для нас быть такими страшными и опасными.

Днем матросы с моим другом Семашкевичем поймали сеткой нерпу, приволокли к пароходу и пустили ее вводу [в] небольшой ямке на льдине. Нерпа бросалась вплавь матросы садились на нее чтоб прокатиться сползали вводу перемочились поизмучились и мокрые как лягушки подымались по трапу в свои помещения.

Немогу забыть и тех минут, когда подрывники взрывали амоналом лед и прошли уже последнюю перемычку и крикнули Ура путь свободный и наш промерзший за зиму пароход двинулся в перед, напрягая все силы выбраться скорей из этого надоевшего за зиму льда.

Когда наш пароход уже очистился отольда вышел на чистую воду, то чувствовалось как его корпус легко дышал, плавно покачиваясь со стороны на сторону и на капитанском мостике видно было как капитан заложивши руки назад похаживал и с веселой улыбкой посматривал в низ на палубу, где мы все были вышедши на свежий воздух и с радостными лицами болтали друг с другом ну как товарищи, болезнь ваша улучшается или ухудшается спросил с мостика капитан? Совсем проходит кричали наши больные. Спасибо товарищ капитан, еще не поедем в арктику? Почему нет. Арктика для нас нестрашна, а страшна эта паганая цынга. Народу едет много, а толку то от них. Застолом все как быки, а на работу что комары, от воздуха падают.

В бухте Лаврентия наш пароход стал на якорь, чтоб взять на борт уголь доставленный пароходом Кировым, а через сутки мы уже стояли в бухте Провиденье. Откуда мы уже шли в полном порядке в Петропавловск на Камчатке. А затем зашли для погрузке парохода в Докастри¹⁰, на Сахалине погода благоприятствовала и через три дня при входе в бухту города Владивостока на берегу красивой долгожданной пристани, гремела музыка Духового оркестра. Я преспокойно ждал пока все высадутся и в последнюю голову меня вынесли, на палубу, а затем по трапу спустили в низ и под руки увели меня на квартиру к некоему гр[аждани]ну Лучкину, чтоб сделать передышку с дороги, а затем отпра-

вили меня на поезд и отправили в Москву под наблюдением врача, ехавшего с Камчатки домой Сарыгина Александр Андреевича, который в дороге следил за мной и в Москве на вокзале сдал меня в Яузкую больницу. Таким образом я закончил свой дальний путь, где пробыл с 1932 г. по 1934 год август месяц. И в честь этого я внес в свой дневник несколько слов прощального чувства с Арктикой.

Прощай ты Арктика холодна
 Прощайте льды и айсберги.
 Прощай моря и океаны,
 Прощайте чукчи [...] ^а.
 Прощай якут и куропатка,
 Прощайте нерпа и киты.
 Прощай Дельфины и касатки,
 Прощайте Рыбы и песцы
 Прощай тунгуз и юкагиры
 Прощайте Вьюга и пурга
 Прощай протока и озера
 Прощайте вечные снега.

Ф[едор] Ш[ирнов]

Присем прилагаю справку с п/х Хабаровск и список заимок где мы — я останавливались вовремя нашего путешествия на лодке по реке Колыме:

Гор[од] ср[едне] Калымск	679 к/м
Затон Лобуя	664 -"
Рыбалка Збарцево	652 -"
Збарцево	649 -"
Кульдино	636 -"
Банская	622 -"
Нижне-Банская	616 -"
Бывшая заимка	609 -"
Петрова заимка	599 -"
Местность Вороньково	588 -"
Верхне-Жирково	577 -"
Жирково	575 -"
Мысовая	551 -"
Урнах заимка	547 -"
Местность Устье-Быстрая	512 -"
Тоня-Яма заимка	527 -"
Чакчану заимка	509 -"
Помазкина заимка	495 -"
Горница заимка	492 -"
Тулуканова Таня заимка	489 -"
Черный мыс	483 -"
Ытыртах	747 -"

^а Слово неразборчиво.

Кытын	465 -"-
Югусь-поман	460 -"-
Кондаково	444 -"-
Улово-Сковородник	436 -"-
Кресты	431 -"-
Бегуново	420 -"-
Комарок	415 -"-
Сурухтах	408 -"-
Евсейка	394 -"-
Горница	386 к/м
Кузаковка	384 -"-
Нясовка	380 -"-
Суханово	376 -"-
Верхний Конзабой	375 -"-
Нижний Конзабой	372 -"-
Карлуково	369 -"-
Устья кривая	362 -"-
Местность Алешкина	350 -"-
Верхние Холмы	339 -"-
Нижние Холмы	389 -"-
Камская	323 -"-
Устье реки Амалон	321 -"-
Мыс-Летник	303 -"-
Мыс-Зимник	301 -"-
Воронская	295 -"-
Дуванская	285 -"-
Лакеевка	271 -"-
Долгое поле	250 -"-
В. Тимкинская	237 -"-
Волочек	229 -"-
Ермолово	222 -"-
Ямки	215 -"-
Нижне-Колымск	200 -"-
Кресты	160 -"-
Камень I	125 -"-
Край лесов	100 -"-
Проклятый берег (собствен[ное] название где разбило нашу лодку)	75 -"-
Шараурово	45 к/м
Бухта Амбарчик	00 -"-

679 -"-

15/XI. Меня отправили в Евпаторий на грязи в Майнаки в сопровождении моей жены, которая ехала сомной как сопровождающая вместо мне назначенного санитаря.

В Санаторий меня возили,
 В грязь Рапу и на Массаж.
 Машиной руки мне вертели,
 Крутили ноги как хотели
 Пальцы дергали, колени,
 Но костылей врачи, никак не одолели.

Так я и провалялся на курорте полтора месяца, как один день. Приехали мы с женой домой на квартиру меня принесли втроем оказалось, что цинга, сильнее всякого врача.

1935 год

Зиму 1935 года я провел в отдыхе, на кровати у себя дома, лечение мне производила жена Наталия Георгиевна, которая утром, и вечером мне готовила горячие ванны, по очереди, то ногам, то рукам, делала мне втирание денатуратом, Летучей мазью и все время поила Валерианкой и бромом ввиду сильного растройства нервной системы и к апрелю месяцу, я уже чувствовал лучше начал ходить сам с помощью палки, костыли бросил и по совету Директора 2-го завода стройматериалов Ивана Никитича Даричева, который 27/IV взял меня к нему на завод на должность коменданта, где я начал работать, втянулся в общественную работу, начал писать злободневные заметки в стенную газету и этим стали подтягиваться, жившие в общежитии рабочие, которые до этих пор жили в плохих условиях. В общежитии была грязь, пьянка, драка, понажовщина, с моим приходом, все начало постепенно изживаться. По вечерам я им читал газеты, разъяснял и рассказывал о своей поездке на север, они с большим вниманием слушали меня и этим самым все хулиганство на заводе изменилось, да ктому же и сменился Директор новый, тоже было обращено внимание на общежитие и двор. Оно и дело пошло, как это должно быть и рабочие довольны были. Хотя почти в каждой стен газете у меня писались заметки о недостатках: как например:

Кровать моя кроватка,
 Неубрана стоишь.
 Убогая кроватка,
 Всегда меня стыдишь.
 Матрац всегда измятый
 Подушка на полу.
 А столик прикроватный
 От грязи льет слезу.

Механик где ты!
 Проходят дни и ночи,
 Пробегают месяца.
 Упросить ни как не сможем,
 Мы механика дельца.
 Умывальник протекает,
 Пол гниет и промокает.
 В кубовой полно воды,
 Придется строить корабли.

Клопы.

Все мы знаем не всекрете,
 Что клопы живут на свете.
 В общежитии во втором,
 Их не мало под столом.
 А посмотришь их в кровати
 Ты найдешь их целы рати.
 Уничтожить их нельзя,
 Дезинфекция страшна.

Соцсоревнование в бараках.

Прихожу в барак с работы
 Приношу я грязны боты
 Положу их под кровать
 А ночью боты влезут под матрац.

Чистоплотные уборщицы.

Разудалая Ирина,
 Да хваленая Полина.
 Как работницы труда,
 Не годятся ни куда.
 Одна метет из под кровати,
 А другая из под стола.
 Собирают мусор в месте,
 А чтоб вынести, то ни одна.

Новосельцев осмотрись!

От куда ты это родная,
 Забрела комне дорогая,
 По ночам покоя,
 Не даешь дрянная.
 То укусишь за бок,
 То залезешь в бровь
 Разрешаю жить,
 Лишь за воротником.
 Белья я не стираю,
 И в баню не хожу я.
 Вшей сотню другую,
 В кровати разведу я.

Вот такими шуточками да прибауточками, наши друзья живущие Рабочие, начали подтягиваться и тянуть других. Или вот еще был какой случай: перед выходным днем я приучил всех ходить в баню, под командной старосты Барака, на которого возлагалось строго следить чтобы все помылись, но Новосельцев отказался пойти в баню и остался грязным. А перед баней всегда сменялось чистое постельное белье, и этот Новосельцев не снимая грязного своего костюма в сапогах лег на чистую постель. Товарищи запротестовали, но Новосельцев упорствовал тогда рабочие всем коллективом вынесли его с кровати на двор в тот момент когда лил проливной дождь. Новосельцев заерепенился и начал ругаться. К этому времени подошел я и спросил в чем дело и почему Новосельцев с его кроватью находится на дожде. После чего кровать была внесена в барак и мне с Новосельцевым пришлось поговорить по-

душам. Почему он неходил в баню. Ответ: белья чистого небыло, а грязное есть? Спросил я. Есть. Почему же ты, не отдал постирать? Нечему было. Полина, позвал я уборщицу выстирай человеку белье. С удовольствием ответила Полина. Теперь вот что ребята. У кого есть чистое белье, у меня, у меня и т.д. у всех есть? Да. Дайте человеку на смену до утра, пока ему выстирают пусть он сходит в баню и помоеся. Новосельцев ушел.

Возвратясь из бани, уже ему нехотелось ложиться на грязное постельное белье и он попросил у меня смены.

После этого я спросил у Новосельцева а как он считает его труд и получает ли он за него? Новосельцев ответил, а как же. Правильно говоришь. Тогда потрудись пожалуйста уплотнить уборщицы Полины за стирку твоего грязного белья, пожалуйста, пожалуйста достал из своего сундучка деньги и расчитался за белье. Ну а теперь скажи, как чувствуешь после бани? Хорошо и легко, спасибо ответил Новосельцев. С тех пор уже больше не пришлось мне напоминать ему ходить в баню и наш Новосельцев начал следить за собой и его кровати больше чем другие и к октябрьским торжествам получил премию за чистоплотность. Вот что значит подход к человеку.

Работая на том же заводе, принимая активное участие в общественной работе и своей прямой, мне удалось переоборудовать всю внутренность жилых помещений, отштукатурить, побелить, как изнутри так и снаружи, повесить красивые оконные тюлевые занавески, повесить в каждом бараке часы, зеркало, дорожки, цветы, графины на столах, скатерти, красивые абажуры на лампочках, при бараках скамейки, клумбы цветов, гармошка балалайки гитары шашки шахматы, рояль и потефоны. Портреты, картины и даже градусники, на стенках. Про медпункт тоже не забыли и столовую приучили чтоб кормили как людей, а не как скот. Преподавателей пригласили рабочих научили да на курсы десятки отпустили. Подва года поучили своих механиков мы из курсов получили, мастерами пришли к нам. Перестроились шутя, стахановцы крепко стали у руля, и завод наш загудел, с двухмиллионного годового оборота превратился в тринадцатый миллионный оборот а в 1936 году пошел еще выше, подымайте поскорей чтоб жилось нам всем веселей.

А теперь неплохо описать и про Катю Сорокину про рядовую поденно работающую масленщицу. Как она в Москву попала.

Катя Сорокина женщина была темная, безграмотная, в голодные годы, она пешком пришла в Москву из Саратовской губернии. На работу устроилась у одного в то время еще частного огородника в подмосковной [деревне] сперва Катя работала у хозяина почти за даром из куска хлеба. Потом хозяин начал ей платить, но этой платы Кати не хватало на одежду, просила у хозяина Катя прибавку, но хозяин ей мало то ж что отказал но и выгнал ее совсем с работы. Катя устроилась в городских скверах сторожихой где ей молодой тоже было не подходящей работой ее все тянуло куда либо на завод или фабрику, и вот она устроилась в общежитии одного завода в Москве уборщицей. Церковь Катя не забывала, в сундучке она хранила под замком икону Николая чудотворца. Но видя, что этот чудотворец ей ничего не помогает и после

долгого раздумья, Катя решила с этой иконой растаться. Рано утром когда все еще спали Катя достала из сундука своего икону отнесла на берег реки Яузы и бросила ее вводу, перестала ходить в церковь и молиться богу. Но ничего она невидела лучшего в ее жизни, и она решила достать с реки эту икону, но немогла, сколько она не водила по воде граблями. Катя считала, что Никола чудотворец спасся и ушел с реки, стоит на берегу и думает, что она сделала перед богом большой грех. В это время по берегу шел в завод мастер древцеха Баранов, которого Катя еще не знала, а Баранов знал Катю. Видя что Катя стоит задумавши у берега реки Яузы с граблями и чего то бормочет себе под нос, Баранов подошел к ней спросил ее Катя все рассказала ему и нескрыла ни одного словечка, Баранов похлопал Катю поплечу и сказал [ей] молодец ты Катя, что так поступила с этой иконой, теперь тебе будет легче жить на свете, и велел идти с ним на завод.

Мастер цеха Баранов устроил Катю в цех подсобной работницей, где Катя зарабатывала до двухсот рублей в месяц. Катя была женщина очень способная и сообразительная она все быстро усвоила и заделалась ударницей. Окончила ликбез, научилась читать, писать, и мастер цеха Баранов взял Катю к себе в помощники, Катя еще больше старалась. Видя эту старательную женщину толковой и сообразительной, партячейка завода предложила Кати вступить в партию, где Катя окончила политшколу, а затем послали эту Катю в комвуз, а после окончания, наша Катя уже была назначена Директором одного крупного завода на Урале. Вот что значит забота о человеке, со стороны нашего правительства и сознательных членов партии, которые могут так подходить к этим темным людям, умеют разубеждать в этом вселившемся в кровь поповском дурмане, после чего выходят большие люди и с большими талантами и знанием нашего Великого социалистического общества.

1937 год

Я все еще работал на своем месте и в том же заводе спортизделий, но с реконструкцией реки Яузы наш завод был снесен, а рабочие по ликвидации были уволены.

2/VII. Мне было предложено перейти на работу в контору отдела сбыта Бауманского промтреста, на должность браковщика-приемщика, при фабрике спортигрушка, что помещалось во дворе дома № 10 по Спартаковской площади.

В приеме готовой продукции я еще небыл хорошо осведомлен и неопытным, а по этому, цеха старались меня одуричь и сдать на склады недоброкачественную продукцию, но эта их хитрость была мною вскрыта и в одно прекрасное время у них забраковал всю продукцию Суточного выпуска, не дал визы и не принял на склад. Началась против меня травля но я на это не обращал ни какого внимания и своевременно сообщал в трест докладной запиской о не допустимости таких явлений со стороны фабрики, за обман отдела сбыта и потребителя, несколько раз назначалась авторитетная комиссия, которая признавала, все забракованное мною правильно. После таких компаний Дирекция видела, что ее не пляшет, она стала комне подходить уже более мягко и соглашаться с моим мнением и дело начало налаживаться брак уменьшаться.

Но это еще не все, помощь у меня была это стенная газета, в которой я бил не в бровь, а в глаз. Как например:

Почему наша фабрика,
Работает так плохо.
Отчего эта смена,
Мастеру цеха была так хороша.
А теперь эта смена,
Стала мастеру так скверная и плоха.
Горе Мастеров веселая смена,
Сплошного брака все время полна.
Звезда хотя и формовая,
Бумага тоже не плохая.
Окраска как бы ничего,
А грязных пятен на звезде полно.
Чья-же вся эта работа,
И чья-же здесь должна быть забота.
Если мастер не видал,
В то время, когда в американке
он пиво с прохладцею глотал.
Да и беззаботный начальник цеха промолчал.
То наверное это зло еще не так большой руки
На фабрике имеются браковщики.
А если не недостаток, то и тогда.
Пусть по чаще заглядывает в цеха
Сам фабричный ОТКа.

И вот после пройденных этих трудностей этот год дал убытков только на 6000 рублей, а 1936 год фабрика имела убытков больше ста тысяч. Вот что значит стенгазета и внимательность к работе.

1938 год

Для меня наступил самым трудным и тяжелым не потому, что в этом виноват этот год, а потому, что здоровье мое в этом году пошатнулось в сторону ухудшения и продолжать свой труд и ведение своего дневника-рукописи я уже стал не в состоянии, и по этому сощемающей болью в своем сердце, я заканчиваю свой пятидесятилетний труд и этим жизнь свою, считаю тоже законченной. Но жить мне еще хочется, но бесполезно. Хотя Ум и память еще не изменили, но руки отказались работать а ноги ходить. Сердце начало биться, как то по другому. Раз стукнет, два стукнет, а третий и замолчит рот начнет раскрываться, а тело уж готово совсем в кремацию собраться, только и ждет, когда отдашь последний вздох.

Я извиняюсь перед читателями моего скудного написанного дневника-рукописи, за мою малограмотность. Всего лишь сельская школа, которую я окончил в далекой глухой заброшенной деревне, где я родился и провел свое детство до 14-летнего возраста.

Надеюсь, что кому либо из читателей явится мысль, что за цель, и что побудило меня написать этот дневник, ответ простой. Побудила меня писать записная книжка моего отца самоучки, в которой было записано в кратцах вся начинающаяся моя жизнь со дня рождения. Будучи учеником второго отделения сельской школы когда я изучал заданный мне урок из истории и географии, то отец мне в то время и сказал, что

хорошо быть грамотному в своей деревне и легко будет работать. Вот в это то время я и выпросил у отца его записки о моей начинающей жизни, но отец мне предъявил условия что он отдаст мне с тем условием, чтоб я продолжал вести все записи из моей жизни, неостанавливаясь ни перед какими трудностями в моей жизни. Так с тех пор я и начал писать дальше. Сперва записывал на кусочках бумаги, а затем уже списывал к себе в дневник.

Много раз я разочаровывался в этой писанине, ввиду моего шатания по России и по году по два забрасывал дневник, несмотря на то, что в записные книжки у себя я вписывал, а когда скапливалось по несколько книжек я их собирал, чтоб пожечь, но почемуто вспоминал слова отца и опять принимался за писанину начатого дневника-рукописи. До 1917 года октябрьской революции хотя в кратцах но писал, а уж после, когда я почувствовал более свободно укрепился, на работах меня уже тянуло все записывать, что я видел, слышал, куда ездил что делал и т.д. Но с подорванным здоровьем с поездками, на север, прекратил свой дневник-рукопись.

Хорошо чтоб мне сием,
Принести-бы пользу всем.
Я чуть грамотный, но писал.
Дневник-рукопись я составлял.
Пятьдесят лет я собирал
И в Кремль свой труд я
Великому Сталину послал.

Ф.Ш.

Товарищ Сталин труды Карла-Маркса, Ф.Энгельса и Дело Ленина В.И. закрепил. Власть Советов укрепил, До тех пор, пока будет жить на свете человек и существовать мир, не только на земной планете, но и на Марсе.

«Живи наш Сталин столько лет, сколько будет существовать мир и человек».

Частушки.

СССР Страна Советов,
С каждым днем она растет.
Корни крепкие питает,
Расцветает и цветет.
Капитал живет в заплатках,
На кровавых на полях.
А СССР живет свободным
На обширных на землях.
Капитал ведет войну
На фашистском на кнуту
СССР живет в Раю,
Изучает технику.
СССР Страна свободы
Вы живите все народы,
Развивайтесь все скорей
Чтоб жилось еще бы лучше веселей

Капитал есть черт не смейся,
Краток жизненный твой путь.
То не жизнь, а смерть живая,
Рабочим павшая на грудь.
Хорошо нам жить на свете,
Когда дышится легко
Хорошо читать газеты,
Когда грамотны мы все.
Великая Слава тебе наш
Сталин
Родной наш отец дорогой
Ты
Вдохновитель народу свободы,
Ты
Пробудил народы из тьмы
Товарищ Сталин
Твой голос и заботу
Слышит и чувствует
Каждый в мире человек.

Ф.Е.Ширнов

Конец.

Новобасманная ул дом № 4 кв. 2 Старый — корпус.

РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 296. Л. 975—1058. Автограф.

Примечания

¹ Твиндек — межпалубное пространство во внутренней части корпуса сухогрузного судна (ниже верхней палубы). Служит для грузов или размещения пассажиров и экипажа.

² Речь идет, вероятно, о Камчатском заливе.

³ Правильно: Олюторка (от «Олюторский»).

⁴ Вероятно, оговорка: в Архангельске начиналась другая экспедиция, в которой, якобы, тоже принимал участие автор.

⁵ Правильно: Колючинская губа.

⁶ Кунгас — небольшое парусно-гребное судно. Применяется на Дальнем Востоке для лова рыбы и грузовых операций.

⁷ Юкола — копченая или вяленая рыба у народов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

⁸ Правильно: Биллингс.

⁹ *Шмитд О.Ю.* (1891—1956) — ученый, академик (1935), государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути, в 1933—1934 гг. руководитель экспедиции на «Челюскине».

¹⁰ Правильно: Де-Кастри.

«РЕАКЦИЯ СОЛИДАРНА ВО ВСЕМ МИРЕ»

Письма П.А.Кропоткина Д.В.Соскису. 1901—1916 гг.

Автографы 13 писем известного русского революционера, теоретика анархизма, князя П.А.Кропоткина (1842—1921) выявлены нами в Архиве Палаты лордов в Лондоне (Stow Hill Papers, House of Lords Records Office, London). Письма, нумерация страниц на которых не проставлена, адресованы политэмигранту Давиду Владимировичу Соскису (1866—1943). Сын последнего, Фрэнк Соскис, в 1960-е гг. был министром в правительстве лейбористов и за свои заслуги получил титул лорда. Это объясняет, почему документы семьи Соскисов хранятся в указанном архиве. Приведем краткие биографические сведения об адресате писем П.А.Кропоткина¹.

Д.В.Соскис родился в г. Бердичеве, в семье лавочника. С 14 лет принимал участие в революционном движении и уже в гимназии был ненадолго арестован. В 1881 г., после убийства Александра II, стал свидетелем еврейских погромов в Киеве. В воспоминаниях, написанных полвека спустя, он сарказмом и беспристрастием рассказал о контактах молодых революционеров «с народом», их попытках вести пропаганду среди рабочих. В 1884 г. Соскис поступил на юридический факультет Киевского университета, однако вскоре был исключен из него за политическую деятельность. Недолго продолжалась его учеба и в Петербургском университете: за участие в студенческой демонстрации 17 ноября 1886 г., в день 25-й годовщины смерти Н.А.Добролюбова, Соскис был арестован и выслан в Казань. Здесь ему учиться не разрешили, он уезжает в Одессу, где и становится в 1889 г. кандидатом права. В Казани, куда Давид вынужден был вернуться, он работает адвокатом, главное же — с энтузиазмом участвует в революционной деятельности. После переезда в Киев Соскис был в очередной раз арестован и перевезен в Петербург. Более двух лет провел он в одиночной камере в Петропавловской крепости и в тюрьме «Кресты»; затем, без судебного процесса, приговорен на год тюремного заключения и три года ссылки на родину под гласный надзор полиции. Из Бердичева Давид бежит за границу.

В 1898 г., после нескольких лет пребывания в Швейцарии и Франции, Соскис обосновывается в Англии, с ее традицией терпимости как к тиранам, так и к революционерам. Он женится на Джулиэт Хейффер, дочери музыкального критика газеты «Таймс», эмигранта из Германии. Выступает в качестве адвоката на политических процессах, сотрудничает в русских и английских газетах (его псевдонимы: Д.Сатурин, Д.Альбионов, Д.Форд). На рубеже столетий Соскис отказывается от своих прежних марксистских взглядов и сближается с деятелями Аграрно-социалистической лиги Ф.В.Волховским, Л.И.Шишко, Н.В.Чайковским. Вместе с ними принимает участие в работе «Общества друзей русской свободы» (ОДРС) — организации русских социалистов и английских либералов, выступавших против царского самодержавия. В 1906—1908 гг. Соскис был корреспондентом английской

¹ Подробнее о Д.В.Соскисе см.: Perris G.H. Russia in Revolution. L., 1905. P. 226—273; Hollingsworth B. David Soskice in Russia in 1917 // European Studies Review. 1976. № 6. P. 73—97; «Я бодро смотрю вперед». Письма Г.В.Плеханова Д.В.Соскису. 1898—1900 гг. Публ. Дж. Слэттер // Исторический архив. 1995. № 5—6. С. 211, 213, 216—217.

газеты «Трибун» в России; позже сотрудничал в лондонском «Парламентском комитете за Россию» («Parliamentary Russia Committee»). В 1909 г. комитет содействовал изданию книги П.А.Кропоткина «Террор в России» («The Terror in Russia»). Активную роль в этом деле играл Соскис, о чем, в частности, говорится в публикуемых письмах. Наряду с журналистской деятельностью, Давид Владимирович занимался коммерцией (был директором нескольких небольших фирм, торгующих с Россией) и юридической практикой.

К марту 1917 г. Соскис пользовался широкой известностью в Англии как специалист по России. После свержения самодержавия он давал многочисленные интервью, выступал на митингах в поддержку русской революции. В конце мая принял предложение газеты «Манчестер Гардиан» стать ее корреспондентом в Петрограде. Через месяц получил предложение войти в состав политического секретариата А.Ф.Керенского. После Октябрьской революции Соскис вернулся в Англию. Он отходит от политической деятельности и все внимание уделяет бизнесу, особенно к Палестине.

Письма П.А.Кропоткина Д.В.Соскису относятся к 1901—1916 гг. и характеризуют их достаточно близкие, доверительные отношения. Они представляют несомненную ценность для изучения жизни и деятельности автора и его корреспондента, в целом истории русской политической эмиграции в Англии в начале XX в. Документы публикуются по правилам современной орфографии с сохранением стилистических особенностей оригиналов. Слова, подчеркнутые П.А.Кропоткиным, выделены курсивом.

Публикацию подготовил доктор Джон СЛЭТТЕР (Великобритания).

№ 1

Viola, Bromley, Kent

27 января 1901 г.

Дорогой мой Соскис.

Чрезвычайно приятно было бы познакомиться с приезжим, и я сам был бы рад-радешенек вырваться в субботу. Но перед отъездом¹, даже вечера не могу отдать на отдых. Утром диктую курс² стенографу, а вечером строчу для Энциклопедии³!

Если сможете приехать оба в воскресенье — очень будем рады.

Спасибо большое за статьи.

Крепко жму руку.

П.К.

№ 2

Viola, Bromley, Kent

12 марта 1903 г.

Дорогой мой Соскис.

Многолетней практикой я убедился, что издатели английских review, в особенности Knowles⁴, не только не обращают внимания на рекомендации, но положительно враждебно относятся к авторам, запасающимся ими. Knowles прямо говорит: пусть присылают мне хорошую вещь, я сам должен выбрать. Так и я отвечаю на многочисленные письма, которые

получаю отовсюду по этому поводу. Раза два я попробовал, и убедился, что это — во вред. Оно и понятно. Издатель чувствует себя свободнее без рекомендации.

Все, что можно сделать — следующее. Посылая статью, вы можете сказать в письме: P.K. will, I am sure, be pleased to confirm that my work is reliable^a.

Как живете? Собираетесь вы сюда?

Пишу в больших торопях. У нас дочка⁵ только начала выходить из довольно серьезной болезни.

Соня⁶ шлет вам искренний привет. Мое здоровье — немного лучше: работаю понемногу.

Крепко жму руку.

П. Кропоткин

№ 3

Bromley, Kent

15 февраля 1905 г.

Дорогой мой Соскис.

Это письмо Николаю⁷ уже было почти все написано, когда пришла телеграмма, что все нужно послать вам.

Спешу отправить. Вы, вероятно, тоже согласитесь со мною, что весь тон — не тот, что нужно.

Как живете-можете? Мы — по-старому. Меня, вот, доктор высылает из Англии, или, по крайней мере, гонит на южный берег⁸.

Крепко жму руку.

П. Кропоткин

Приложение

Письмо П.А.Кропоткина Н.В.Чайковскому

Viola, Bromley, Kent

15 февраля 1905 г.

Дорогой мой Николай.

Возвращаю тебе воззвание Волховского⁹ неподписанным. Весь тон его — не тот. Не таким языком должны говорить люди, говорящие от имени русского революционного движения.

Когда обращаются к народу — английскому, франц[узскому] и т.д. и т.д., прося его поддержки революционному движению своей страны, у него просят, прежде всего, нравственной поддержки. Если при этом соберут какие-нибудь деньги, их передадут, кому следует. Но главное, чего просят, это — нравственной поддержки.

Так и сделали мы, обращаясь к Trade Unions в Ливерпуле¹⁰; и их резолюция, и их призыв других рабочих, — для русского рабочего несравненно важнее, чем те фунты, которые были собраны и посланы в Россию.

^a Я уверен: П.К. будет подтверждать, что моя работа — удовлетворительна (англ.).

Так же обратились революционеры и к французскому народу, которого единоподдержка несравненно важнее, как для настоящей минуты, так, в особенности, для будущего, чем-то, что можно было бы собрать.

Не к тем «English friends»^а, которые усомнились, «whether financial aid given by Englishmen to the victims etc.»^б, должен обращаться представитель от «Central Committee of the Russian Party of Revolutionary Socialists»^в, а к английскому народу, и не с мизерным разъяснением насчет «financial aid»^г, а с требованием полной и всяческой солидарности с начинающимся революционным движением.

Это же — воззвание редактора «Free Russia»^д.

Затем, я лично не могу согласиться и с теориями Волховского насчет реакции в Европе, и тем менее подписать их. По мере сил я старался доказать — ошибочно или нет, другое дело, что главной причиной реакции в Европе было торжество бисмарковской Германии¹², и его политики наглого игнорирования воли страны в 1862—1870 годы, торжество милитаризма, империализма и т.д. Не Россия виновата в теперешней реакции в Англии, а скорее наоборот: торжество реакции в Германии и в Англии поддерживает с 60-х годов реакцию в России.

Во всяком случае, это вопрос философии истории, который я не берусь разбирать в воззвании. Все, что можно было бы сказать англичанам, — если касаться этого вопроса — это напомнить им, что реакция солидарна во всем мире и что дружное содействие передовых партий всего мира есть первое условие торжества революции в каждой стране Европы.

Я уверен, что международные социал-демократы, верные своему лозунгу «Пролетарии всех стран и т.д.», тоже нашли бы нужным внести нечто такое.

Здоровье поправляется, но левое легкое еще не очистилось. Выхожу на 1/2 или час на улицу.

Крепок обнимаю тебя.

Твой Петр

№ 4

17 мая 1905 г.

Дорогой Давид Владимирович.

Непременно встретимся. В Лондон мы собираемся в начале будущей недели. Дам знать, где остановимся. А пока — до свидания.

П.К.

^а Английские друзья (англ.).

^б Может ли финансовая помощь, принесенная англичанами жертвам и т.д. (англ.).

^в Центральный Комитет Русской партии социалистов-революционеров (англ.).

^г Финансовая помощь (англ.).

№ 5

20 мая 1909 г.

Хорошо — в понедельник вечером. Принесите свою работу. Моя¹³ — уже почти готова, все продиктовано и написано на typewriter's^a. Нужно только потолковать хорошенько с вами о разных пунктах. Приходите пораньше. А то много работы.

П.К.

№ 6

Viola, Muswell Hill Road, N

26 мая 1909 г.

Дорогой Давид Владимирович.

Работа продвигается, но медленно. Очень много времени взяла классификация материала, и потом — постоянно отнимают приезжие & с.

Посылаю вам *Preliminary Remarks*^b. После нескольких попыток я решил написать этот общий обзор, а наши документы — расположить (как делают в Blue Books^b) в виде *pièces justificatives*^c под отдельными заголовками. Это облегчит работу и — удобнее будет читать.

Говорил ли Вам Вг.¹⁴ или Nev.¹⁵ о затруднениях, встречаемых в Parl[iamenta]ry Committee?

Сейчас придет один shorthand writer^d и [я] продиктую добрый кусок материалов о тюрьмах. Сердечный привет от всех.

П. Кропоткин

27 мая

Сегодня я кончу диктовать стенографу свою часть, и завтра получу рукопись type-written^e.

Нам нужно будет затем встретиться вдвоем и обсудить всю брошюру сообща. *Когда нам это сделать?* Не можем ли мы встретиться в субботу утром (после обеда у меня занято). Если нельзя в субботу, то придется уже отложить до *понедельника*. Решайте.

^a Пишущая машинка (англ.).

^b Предварительные замечания (англ.).

^c Синие книги (англ.). Так называют, по цвету обложки, официальные доклады Британского парламента.

^d Подтвердительных документов (франц.).

^e Стенограф (англ.).

^f Написанную на машинке (англ.).

№ 7

Viola, 1 Muswell Hill Road, N

3 июня 1909 г.

Дорогой Давид Владимирович.

Вот адрес Веры Николаевны¹⁶:

Miss Figner, c/o Mrs. Popp, 8 Evelyn Road, Bedford Park, W.

Что касается до нашего произведения, я уже передал его Нэвинсону. Он прочтет его с Brailsford'ом и передаст Комитету. Так как Комитет разрешил передать его для напечатания двух столбцов извлечения в *Daily News*¹⁷, то я передал рукопись Нэвинсону, который и составит извлечение.

Сердечный привет от всех.

П. Кропоткин

№ 8

5 июля 1909 г.

Дорогой Д[авид] В[ладимирович].

Рад бы душой, но с посетителями и проч[ее], рассылкой памфлета & с., просто совсем сбился, и не в состоянии написать что-нибудь обдуманное. А зря писать не хочется. Крепко жму руку.

П.К.

Сейчас рекомендовал Reuter'у¹⁸ написать у вас¹⁹ статью о готовящемся к сентябрю coup d'état в Финляндии²⁰.

[П. Кропоткин]

№ 9

Viola, Muswell Hill Rd.

Вторник [15 июля 1909 г.]^a

Наконец, дорогой Давид Владимирович, получил сегодня утром первые 6 экз[емпляров] нашего памфлета. А то до сих пор даже не знал, что он вышел в субботу и что его можно получать у Methuen'a²¹.

Нет ли у вас каких-нибудь ходов, чтобы переслать в Россию разным «людям», которые, наверно ведь, и не догадываются обо всех ужасах, так как радикальных газет не читают?

Если есть, то надо бы послать.

А что, если послать письмами в разные редакции? Хотя это будет стоить 7^{D6} каждое, — все-таки м[ожет] б[ыть] стоит это сделать. Как вы думаете? Я бы этим занялся.

^a Книга П.А.Кропоткина «Террор в России» вышла в субботу 12 июля 1909 г. Таким образом, док. № 9 можно датировать вторником 15 июля 1909 г.

^b 7 пенсов.

Я очень рад, что милая В[ера] Н[иколаевна] едет к вашей в Letchworth^a. Вы тоже там будете?

Крепко жму руку.

П. Кропоткин

№ 10

Viola, Muswell Hill Rd., N

4 августа 1909 г.

Дорогой Дмитрий^b Владимирович.

Насчет памфлета, жду *сегодня* или *завтра* ответа от Parl[iamenta]ry Committee. Затруднений, вероятно, не будет.

Разрешения я никому не даю, п[отому] ч[то] если бы я дал, то они могут напечатать *Autorisierte Ausgabe*^c, или что-ниб[удь] в этом роде, и мешать т[аким] о[бразом] другим переводить. А именно этого я не хочу, т[ак] к[ак] завтра уже могут переводить анархисты, и с[оциал]-д[емократы] смогут их потом упрекать, говоря, что я им дал разрешение.

След[овательно], прошу вас убедительно написать вашим берлинским друзьям следующее: Kr[opotkin] giebt *Niemand Keine Uebersetzungsautorisation*. Dieser Pamphlet ist gemeinsames Eigentum^d.

Конечно, в том случае, *если* P[arliamenta]ry Comm[it]tee ответит, что сам никаких прав на него не имеет. Телеграфировать не могу, т[ак] к[ак] тел[еграф] от меня 1/4 часа ходьбы — 1/2 взад и вперед.

2) С удовольствием вышлю вам материалы, но должен еще собрать их. Они разбросаны.

3) Насчет рекомендации, скорее будет, если вы напишете Tarrida del Marmol²² 92 Selwyn Avenue Highham Park N.E. (по-французски или по-английски). Т[ак] к[ак] у Мармол'я связи среди анархистов, то если Mr. Goode — соц[иал]-дем[ократ], так и скажите ему, а то, в такое острое время, смогут выйти недоразумения.

Жму крепко руку,

П. Кропоткин

№ 11

4 августа 1909 г.

Дорогой Дмитрий^b Владимирович.

Получил сейчас ответ от P[arliamenta]ry Comm[it]tee. Будьте так добры, перешлите эту карточку вашим немецким приятелям, ч[то] б[ы] не вышло путаницы.

^a Лэчуорс — город в графстве Хартфордшире, на севере от Лондона.

^b Так в тексте.

^c Авторизованное издание (нем.).

^d Кропоткин не дает никому права перевода. Этот памфлет является общей собственностью (нем.).

Из Бар[селоны] пишут, что немало наших хороших товарищей расстреляно в Барселоне²³. Один наш старый друг, Лорензо²⁴, еще из Интернационала, жив.

Жму крепко руку.

П.Кроп.

№ 12

Villa Vera, Solaro, Sanremo^a

1 августа [1911 г.]^б

Дорогой Давид Владимирович!

Вот у нас и Гарибальди²⁵. Прокофьева умерла в 2 ч. дня в[о] вторник. Умерла спокойно. Как вы живете.

Ваш П.Кропоткин

№ 13

9 Chesham Street, Brighton

18 декабря 1916 г.

Дорогой Давид Владимирович.

Очень нас огорчило известие о смерти нашего старого друга Гольденберга²⁶. Мы с ним были знакомы уже сорок лет, а заочно я знал его уже 1872-й или 1873-й год, когда он стал заведовать нашею зарубежною типографиею — типографиею в Цюрихе.

Я сейчас написал его жене.

Если будут посылать венок от русских эмигрантов, то будьте так добры, пожалуйста, включите нас в подписку.

Об нашем милом Лазаре с удовольствием напишу несколько слов воспоминаний для предполагаемого вами номера «Free Russia»²⁷. Прекрасная идея.

Что это вы вздумали хворать! Надо, впрочем, сказать, что здесь чуть ли не все переболели, и я тоже заплатил дань: какая-то новая лихорадка — средняя между инфлуэнцией и малярией, с прибавкой каких-то новых микробов. Предательская тем, что через день или два человек воображает себя здоровым, тогда, как болезнь продолжается.

Сердечный привет вам и жене от обоих нас.

П.Кропоткин

Stow Hill Papers, House of Lords Records Office, London.

^a Так в тексте. Правильно: San Remo.

^б Дата письма определена следующим путем. Весь вопрос в том, когда умерла М.А.Прокофьева — член боевой организации партии эсеров. Известно, что она принимала участие в конференции партии эсеров в декабре 1908 г. 1911 г. был единственным годом после 1908 и до начала первой мировой войны летом 1914 г., когда Кропоткин провел часть лета за границей. Должно быть, смерть М.А.Прокофьевой произошла в 1911 г.

Примечания

¹ В феврале 1901 г. П.А.Кропоткин уехал в Америку для чтения лекций о русской литературе в Институте им. Лоуэлла, Бостон, штат Массачусеттс (см.: Slatter John. *The Anarchist Prince in the New World // British Journal of Canadian Studies*. 1996).

² Имеется в виду курс лекций, прочитанных П.А.Кропоткиным в Америке, который был потом опубликован под заглавием «Идеалы и реальности в русской литературе» (*Ideals and Realities in Russian Literature*. Л., 1905).

³ Имеется в виду 10-е издание Британской энциклопедии (*Encyclopaedia Britannica*), в которой П.А.Кропоткин был автором статей по географии России.

⁴ *Ноульз Джеймс* (1831—1908) — основал и редактировал научный журнал «Девятнадцатый век» (*XIX Century*). П.А.Кропоткин писал статьи для журнала в течение всего периода своей эмиграции в Англии.

⁵ Имеется в виду *Александра Петровна* (1887—1966) — дочь П.А.Кропоткина.

⁶ Имеется в виду *Софья Григорьевна* (1859—1938) — жена П.А.Кропоткина.

⁷ Имеется в виду *Чайковский Николай Васильевич* (1850—1927) — ведущий член лондонской колонии русских политэмигрантов. В 1870-е годы Кропоткин принадлежал в России к его революционному кружку. Чайковский участвовал в совместной политической деятельности с Кропоткиным во время второго пребывания последнего в Англии (1880—1881). Член Фонда вольной русской прессы (ФВРП) и Общества друзей русской свободы (ОДРС).

⁸ Зимой 1904—1905 гг. П.А.Кропоткин заболел воспалением легких. Врач порекомендовал, чтобы он поехал на южный берег Англии.

⁹ *Волховский Феликс Вадимович* (1846—1914) — участник русского революционного движения, работал вместе с П.А.Кропоткиным в кружке чайковцев, приехал в Лондон в 1890 г. после побега из сибирской ссылки. Считается одним из основателей партии эсеров.

¹⁰ Известие о расстреле рабочих 9/22 января 1905 г. перед Зимним дворцом в Петербурге вызвало огромный гнев и сострадание во всей Европе и Америке. Рабочие Ливерпуля собрали деньги и одобрили резолюции в поддержку убитых и раненых в столице России.

¹¹ «Free Russia» («Свободная Россия») — ежемесячный журнал ОДРС, редактором которого был Ф.В.Волховский, ему помогал Д.В.Соскис.

¹² В 1860-е г. Отто фон Бисмарк, прусский канцлер, объединил немецкие земли под гегемонией Пруссии. Во время этого процесса Пруссия воевала против Австрии и Франции, а Бисмарк достиг своей цели, игнорируя общественное мнение в других немецких землях.

¹³ Имеется в виду рукопись работы П.А.Кропоткина «Террор в России».

¹⁴ Имеется в виду *Брэйльсфорд Генри Ноуль* (1873—1958) — радикальный журналист, который работал для газет «Манчестер Гардиан», «Трибун», «Дейли Ньюс», «Нэйшн». Вся жизнь Г.Брэйльсфорд интересовался Россией, был членом ОДРС и Парламентского русского комитета.

¹⁵ Имеется в виду *Нэвинсон Г.В.* (1856—1941) — радикальный журналист, который работал для всех ведущих либеральных и радикальных газет своего времени. Нэвинсон был в Москве в 1905 г. и в том же году опубликовал в Лондоне книгу о своих впечатлениях под названием «Заря в России» («The Dawn in Russia»). Член Парламентского русского комитета.

¹⁶ Имеется в виду *Фигнер Вера Николаевна* (1852—1942) — русская революционерка, член «Народной воли», организовавшей убийство Александра II. Фигнер была арестована в 1883 г. и сидела в тюрьме до 1904 г. С 1907 по 1917 г. жила в Западной Европе, где пропагандировала дело русского революционного движения.

¹⁷ Ежедневная либеральная газета, издававшаяся в Лондоне.

¹⁸ *Рейтер Юлио Натанаэль* (1863—1937) — финский филолог, работал в Англии с 1891 по 1905 г., преподавал в Лондонском и Оксфордском университетах. Финский националист, в 1900—1905 гг. редактировал в Лондоне журнал «Финский бюллетень» («The Finnish Bulletin»).

¹⁹ Одно время (1909—1910) Давид Соскис редактировал ежемесячный журнал семьи своей жены — «Английское обозрение» («The English Review») и помогал в редактировании журнала «Свободная Россия».

²⁰ В 1909 г. русское правительство, осуществляя руссификацию Финляндии, объявило, что финский парламент будет лишен права обсуждать законодательство «общегосударственного интереса». 30 июня 1910 г. Российская Государственная дума одобрила закон, воплощающий это намерение.

²¹ Мэтюэн — издательская фирма, основанная в 1889 г. для издания современной художественной литературы.

²² *Фернандо Таррида дель Мармоль* — профессор философии в Барселонском университете, видный испанский анархист, был выслан из Испании во время анархистских бунтов 1890-х гг. Жил в Англии.

²³ В конце июня 1909 г. в Барселоне произошла так называемая «трагическая неделя», когда испанские анархисты решили противостоять посредством стачек и манифестаций призыву каталонских резервистов на войну в Марокко. Протесты были подавлены насильственно испанским правительством.

²⁴ *Лорензо Ансельмо* — последователь М.А.Бакунина в I Интернационале, позже член испанского движения за свободное образование.

²⁵ На обороте открытки была фотография Дж. Гарибальди.

²⁶ *Гольденберг Лазарь Борисович* (1846—1916) — инженер, в конце 1860-х гг. присоединился к русскому революционному движению. С 1872 г. в эмиграции, приехал в Лондон в 1895 г. по приглашению фондовцев, чтобы заниматься печатным делом.

²⁷ Номер «Free Russia», посвященный памяти Л.Б.Гольденберга, не вышел: последний номер, в память Ф.В.Волховского, был издан в январе 1915 г.

«В ВАС Я ВЕРЮ. НО ИНОГДА ВАМ НЕ ВЕРЮ...»

Письма П.Н.Милюкова Е.Д.Кусковой.
1922—1936 гг.*

№ 5

Париж

20 ноября 1923 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Ваши две статьи соединю в одну, с выпуском связующих фраз до конца, в котором уже очень много «национальных» идей, в приложении к Бердяеву⁵⁵, Карсавину⁵⁶, Франку⁵⁷ и т.д. довольно неудобоваримых и неудоборекомендуемых. Вместо «национальное дело» поставить просто «Русский институт». Довольно уже Вашего «Русского патриота», которым Вы, по-моему, напрасно решили подписаться.

Жду с нетерпением Вашего письма по организационным вопросам, потому что время не терпит и вся работа задерживается из-за внутренних Ваших берлинских отталкиваний. Я не хочу обойтись ни без Вас, ни без мякотинской группы⁵⁸, и хочу, чтобы та и другая вступили одновременно. А то от Вас ни звука о Вашем отношении к нашим документам, ни о Вашем решении примкнуть в виде Группы потому, что персональные примкновения у нас не допускаются. Речь идет, конечно, не о том, что мы с Вами давно совместно делаем, а именно об организационной связи групп на определенной платформе, с определенной тактикой для практических действий определенного типа. Брайкевич⁵⁹ тоже тянет, но вчера я вытянул от него уже не обещание, а обязательство закончить с образованием группы и с принятием наших документов. По выполнении этих условий, надо немедленно устраивать свидание в Праге для окончательного сговора.

Первую книжку хотелось бы выпустить в начале декабря, но теперь я вижу, что не поспеем, и понимаю важность Ваших замечаний. Но из них опять-таки следует, что Вам надо поспешить и взять в группу, кто есть налицо из возможных участников, оставляя расширение группы будущему.

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2000. № 6. С. 142—157.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 99-01-00196а.

Если же по существу «сложных отношений» нельзя образовать группы и выступить вместе открыто и организованно, тогда я попаду в очень тоже «сложное» положение относительно народных социалистов, которых не хотел бы вводить одних. Из того, что Вы соглашаетесь писать статьи, вижу, что все-таки и в этом случае — отказа организационно присоединиться — Вы будете участвовать в наших изданиях. Вы спрашиваете, серьезно ли это. Очень серьезно! О Ваших темах я написал в Прагу. Они трудны потому, что как раз по этим основным тактическим вопросам мы и сами не вполне еще договорились, а начинать с обнаружения разногласий особенно неудобно.

Маслов⁶⁰ мне пишет, что достал Вам визу: из этого я вижу, что Вы собираетесь ехать в Прагу. Не отложите ли до Общего съезда? Мне бы было удобно назначить его на рождественские дни.

Между прочим, с 2 декабря в «Последних новостях» будет по воскресеньям и четвергам вкладной лист, на котором мы предполагаем развить отделы о России и о русских колониях в Праге, Берлине, Лондоне и в лимитрофах. Не согласились бы Вы организовать доставку хроники из Берлина, также как и части Ваших сведений из России? Было бы во всех отношениях хорошо.

Все пока. Жду письма. Привет Вам обоим.

Ваш П. Милюков

P.S. Тронут очень дружескими преувеличениями по поводу моей речи в Лиге прав⁶¹.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 119—120.

№ 6

1 декабря 1923 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Во-первых, выражаю удовольствие по поводу того, что группа, наконец, образовалась, хотя и «вчерне». Во-вторых, неудовольствие, что Вы поставили своей платформой и тактикой ряд новых затруднений объединения.

Вы очень успешно танцуете на всех мозолях. Насколько это полезно для объединения, судите сами. Но буду отвечать Вам по пунктам Вашего письма, а замечание на Ваши документы⁶² прилагаю на отдельных листках, копию с которых послал в Прагу.

На Ваше предисловие: «страстность» совсем неплохая вещь, но при условии, что ее контролируют. Иначе получаются заскоки. Последние примеры из вашей практики «страстности»: отношение к процессу Конради⁶³ «Дню» приходится отступать на мою же линию, которую Вы не одобряли) и Ваш внезапный «русский патриотизм», у которого пришлось немного отстричь хвост. Не сердитесь на эти примеры: я все-таки Вашу страстность люблю, как начало творческое.

Пункт 1. Ваш комментарий к программе отнюдь не годится для осуждения в качестве варианта нашей программы. Пусть он останется

программой Вашей берлинской группы, — но тоже с некоторыми изменениями. На это пойдут и в Праге, как я вижу из письма, только что полученного уже после отсылки моих замечаний на Ваши проекты. Я настаиваю на том, чтобы приглашению на съезд (раньше 25 декабря я не могу) Вашей группе это не помешало.

Жизненные вопросы, Вами задетые, можно обсудить как темы статей для органа: там, конечно, сговориться по всем этим вопросам совершенно необходимо.

Пункт 2. «Трагедия» с названием меня, действительно, фраппировала. Никогда я не пойду в объединение, носящее такое название. Это не слово, а целая программа, которая вводит в Ваши ряды людей мне чуждых. «Вырвать» этот термин из чужих рук Вам не удастся: для этого нужно нечто более сильное, нежели одна политическая группа. Но ассимилировать Вас с подлинными националистами эта приставка может. Вот, Вы уже запутались в рядах Ильиных, Бердяевых, Карсавиных и других участников «национального дела» и проповедников «национального духа»⁶⁴. В эту компанию я идти не могу. Почему для «пафоса жизни» необходима националистическая идеология, я не знаю. Знаю только, что против этого пафоса я боролся всю жизнь, как против фальшивого и, в лучшем случае, глупого пафоса.

Пункт 3. Отношение к антисемитизму я считал настолько бесспорным в нашей среде, что специальный параграф о нем мне не кажется необходимым; иначе придется говорить и об отношении к национальным меньшинствам вообще.

Пункт 4. Мое мнение см. на особых листах.

Пункт 5. Назначаю на 25-е. Раньше не могу: трудно будет себя заменить.

Пункт 6. Благодарю за обещание доставлять материалы для вкладного листа. Начните немедленно. Физиономия вкладного листа вырабатывается на практике. Телеграммы со штампом дороги, но в совершенно исключительных случаях, конечно, посылать возможно.

Пункт 7. Отчет об Институте (Ваш) помещен⁶⁵. Что же еще нужно. «Патриот» из той же оперы и в Ваших устах — также меня огорчает. Вы, по-видимому, проходите в этом вопросе этапы, которые мне кажутся отдаленным воспоминанием. Когда-то и я собирался «вырвать» — и до известной степени успел в этом, только не в терминологии.

Пункт 8. Надо и необходимо Вас уместить с народными социалистами. Если группы в сущности столь близкие будут ссориться из-за отвлеченных начал или личных столкновений, то что же это будет за объединение.

Покажите же, что умеете действовать в политике «по-европейски», а не по-староинтеллигентски (Вы видите в данном случае я с Вашей оценкой интеллигенции согласен).

Пункт 9. Я очень рад, что Вы «разложили Белград»⁶⁶, и, даже приписывая долю преувеличения Вашей страстности, с интересом и пользой выслушаю подробности. Но зачем непременно и тут обижать народных социалистов. Ждал от Вас большой выдержки по части пребы-

вания в Берлине, но, вчуже трудно судить. Ваше здоровье и нервы важно сохранить, как говорится, для лучшего будущего.

Пумпянский⁶⁷, пойдя в Вашем направлении, совсем ушел от нас. Участвует в «смешанном обществе», стоит за признание и за де Монзи. Тут предел, через который здесь мы переступить не можем, «Ругачки» напрасно ждали, но огорчений Вы причинили мне немало. Нельзя ли хоть до съезда кое-что из Ваших документов убрать. Очень поможете.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 123—127.

№ 7

29 января 1924 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна

Вы рассердились на мое «странное» письмо. Может быть, оно и заключало в себе отголосок некоторого разочарования, произведенного решениями Вашей группы; но, кроме этого, извиняюсь, если что-нибудь там нашли Вас задевшее — там были некоторые деловые вопросы, на которые Вы не ответили. Мне, действительно, нужно было бы знать, продолжает ли группа руководствоваться посланной нам платформой или ввиду неудачи соглашения она считает сыгравшей свою роль. Затем нужно было бы знать, распространяется ли отказ в сотрудничестве также и на брошюры.

«Глубокого возмущения» моей статьей о Беркгейме⁶⁸ я просто не понимаю. Лично к Беркгейму я отношусь хорошо, и уже поэтому не мог намеренно сказать чего-либо обидного по его адресу. Но к роли его я относился неодобрительно и тогда, когда встретил его в Лондоне. Он делал доклад в интимном собрании, который у меня записан вместе с прениями. «Возмутиться» мог бы и я его статьей о признании. И сами Вы признаете его плохим политиком. И я, и Сергей Николаевич, критикуя Пешехонова, буквально сошелся с моей критикой Беркгейма и факты мои все Вы признаете верными: так в чем же дело? Неужели всякая критика кооператоров есть уже оскорбленное величество?

Вы недоумеваете, как можно вести тактическую линию, не считаясь с реальной психологией. Иногда только так и можно вести определенную линию, если не хочешь сидеть в болоте. Примеры: моя тактика относительно армии (правда, вами осуждаемая, но создавшая основную мою тактическую базу). Я — только не пугайтесь, — тактика Ленина в апреле 1917 года. Широкие тактические линии трансформируют психологию, именно потому, что не считаются с нею. Впрочем, ни «тяга к России», ни торговля к этой психологии не относятся: борьба идет ведь только против признания де юре наши парижские «неизнанцы» совсем другого рода, чем Изюмов⁶⁹, Беркгейм и Пешехонов. Они совсем «не подернуты большевизмом». Идти вместе «подернутыми», значит, действительно, не иметь никакой своей линии, максимум того, что тут можно допустить, есть параллелизм двух методов действия «культурнического» и открыто «революционного». В момент, когда политическая оп-

позиция накануне отделения от обывательской, брать сторону Чичерина (старого) против Герцена значит не понимать размаха событий⁷⁰. Печатная реакция на мою статью может только выяснить это и потому для меня только желательна. Не забывайте, что ведь нападающая сторона тут, Беркгейм, я только обороняюсь.

На «консолидацию» партии после смерти Ленина что-то мало похоже⁷¹. Но, даже, если и была консолидация, как результат нашей полемики, то и тогда — как же отказаться от публичного выяснения важного вопроса. Вы же сами мне писали, что собираетесь открыть дискуссию о признании. А я тоща этой дискуссии боялся больше Вас, потому что считал доводы сторонников признания более сильными, чем они оказались. Уверяю Вас, что дискуссия уже теперь рассеяла многие соображения в пользу признания, которые казались серьезными, пока о них рассуждали келейно. И мы теперь ближе к единодушию, чем в начале дискуссии. «Сложное» оказалось более простым, чем думали. Особенно это стало ясно, когда иностранцы запутались в вопросе о признании, для них наоборот, простое оказалось сложным.

События, которых Вы ожидаете в России, говорят тоже за неприимое отношение к вопросу о признании. Такое действие эти ожидания произвели на собравшихся признавать иностранцев. При этих колебаниях принципиальная точка зрения особенно важна, чтобы не потерять компаса. Помните, компас этот дается только революционным отношением к большевизму и не время менять это отношение на воле за границей, когда оно усиливается и грозит существованию большевиков в России.

Не знаю, убедят ли Вас эти соображения, или, скорее, опыт жизни — изменит колеблющееся отношение к признанию на определенно отрицательное. Но знаю, после статей Сергея Николаевича, что в сущности Вы гораздо ближе к нам, чем к негодующим на меня кооператорам.

Сердечный привет вам и пожелания бодрости. Последние слова Вашего письма дышат каким-то малодушием, совсем на Вас непохожим.

Ваш П. Милуков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 128—129.

№ 8

14 августа 1924 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Приходится начать письмо опять с извинения за неаккуратность. Но Вы уже знаете, что не от злой воли. Давно собираюсь отписать, и все не мог выбрать свободной минуты. Прежде всего, огромное спасибо за статью. И за ту, которую вы написали для «Свободной России»⁷², очень хорошую, и за ту, которую Вы прислали для «Последних новостей», и которую я тоже предпочитал бы видеть на столбцах «Свободной России» — так она нужна. Аргунов⁷³, действительно, боится острых тем и тормозит в этом отношении. Ну, мы со временем его уломаем. Ду-

маю, что третий выпуск будет лучше по справедливости Вами разруганного второго.

Спасибо и за «сказки» из России и о России⁷⁴. Сказкам этим в их конкретной форме так же мало верю, как тогда, когда Вы их сообщали из Берлина, тоже с назначением ближайших сроков. Но общий тон их, я думаю, верен, и положение большевиков, действительно, хуже генеральского. В этом духе я писал и передовицу для третьего номера: надеюсь, что там пессимизм и уныние не найдете. Но впадать в бурцевский тон «Русской газеты» я тоже не хочу. Надо сохранять серьезность и солидарность.

Относительно «пражского» тона⁷⁵, я думаю, Вы правы. Постараюсь вперед еще внимательнее его выправлять, чем делал до сих пор. Но относительно поведения социалистов-революционеров и относительно Керенского мы с Вами, боюсь, не стоворимся. Кстати, что же произошло с Вашим намерением защитить Керенского на наших столбцах от моих нападений в «Истории»⁷⁶. Столбцы для Вас открыты и ждут исполнения намерения. За статью Сергея Николаевича спасибо.

Мой доклад о «белом движении»⁷⁷ был разорвавшейся бомбой в стане галлиполийцев. Начальство обеспокоилось, и Кутепов⁷⁸ в заседании Союза Галлшюлийцев погрозил выйти, если Союз заразится «миллюковишной». А зараза уже налицо. Республиканско-Демократическое объединение процветает: в провинции открывается несколько отделений.

Я очень рад, что Вы хотите в Праге и в Брно поднять это дело⁷⁹. В начале сентября я думаю побывать в Праге, и тогда мы поговорим с вами об этом подробно. Кстати, Руднева⁸⁰ Вы привели в восторг какими-то новыми материалами: может быть, и мне не откажетесь их сообщить.

Теперь хочу Вам похвастаться: но только для Вашего употребления, а то выходит и чрезмерное самохвальство (сообщу еще Аргунову — по соредаторским отношениям). От Дионео⁸¹ я получил письмо, из которого выписываю следующие строки: «Мне очень приятно сообщить Вам следующее. Только что возвратился из России Laroton, помощник редактора Daily Chronicle, посланный газетой. Laroton пробыл в России четыре месяца и изъездил ее всю: был в Петербурге, в Москве, на Волге, в Киеве. Он видел «миллионы» народа, большевиков и меньшевиков. Он говорит, что единственный сильный человек в эмиграции, которого боятся в России одни и на которого другие возлагают все надежды, это — Вы». Он сам, вероятно, не подозревает до чего сильно это влияние в России» — сказал мне Laroton. Ваша газета попадет в Россию: Ваши взгляды обсуждаются и с ними считаются. Линию, взятую республиканско-демократической партией, находят правильной. «[...]»^a Вы is the man»^b.

А далее прибавлено (в Вашем духе): «Впечатления Laroton удручающие (его статьи числом скоро появятся в Daily Chronicle). По мне-

^a Слово неразборчиво.

^b Вы мужчина (англ.).

нию Laroton, большевики are at end of the gare»^a. Волнений и бунтов в советской России даже больше, чем мы о них знаем».

Ну, вот, на сей раз довольно. Не оставляйте меня, пожалуйста, своими письмами: они мне чрезвычайно полезны. И не смущайтесь промежутками моего молчания. А затем, надеюсь, до скорого свидания (это не значит, что до встречи Вы перестаете мне писать).

Сердечный привет Вам обоим.

Ваш П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 132.

№ 9

21 сентября 1924 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

В парижском водовороте, — особенно готовясь в последнюю неделю к отъезду — я не успел ответить на Ваши последние, по обыкновению, страшно интересные письма. Теперь железная дорога перенесла меня в совершенно иную обстановку. В 20 верстах от Лиссабона и в 50 верстах от [...] ^b я здесь сижу в старом барском, — или, как гласит легенда, — даже королевском имении, переделанном не очень удачно, под современную ферму, с лошадьми и свиньями, с апельсинами и лимонами, с виноградом и всякими овощами. Хозяйева милы и ласковы до последних пределов. Никакой политики, никаких книг и даже никаких газет, за исключением плохонькой португальской, монархического направления, т.е. оппозиционной к теперешней республике, хотя хозяин и признается — в этот мой приезд — с грустью, что монархия, вероятно, не вернется, ибо весь промышленный класс слишком связал себя с республикой (вот бы сказать Третьякову)⁸², и появился новый правительственный класс чиновников, который ворует казенные деньги нисколько не хуже монархистов — и своих мест никому не отдаст. Словом, — все в порядке...

Нравы — патриархальные. Вчера вечером, в день нашего приезда сюда, был готовый деревенский праздник, и наш сквайр водил нас — показать местную деревенскую публику. Античный, южно-европейский хоровод, увы, заменен гранд роком и фигурами кадрили, тоже в свою очередь, вытесненными фокстротом; национальные танцы под песни едва пробиваются из-под цивилизованного давления большого оркестра пожарных, бойко отдувающих вальсы и арии из опер и лишь иногда снисходящего до народных мотивов. Словом, как видите, обстановка идеальная для отдыха, но выдержать ее более двух недель трудно. Я привез сюда кое-что из работ, но хозяйева таскают нас по прогулкам, и предстоит объезд живописных окрестностей, так что много утомляться не придется.

^a Исчерпали себя (англ.).

^b Слово неразборчиво.

Как только вернусь, возьму визы и направлюсь в Ваши края. Наша республиканско-демократическая компания довела монархистов в Париже до белого колена. Некий Лихачев на докладе Гурко⁸³ ударил Маклакова с восклицанием: «Что Вы сделали с царем?», а тот же Лихачев явился в Земгор⁸⁴, заявивши о своем твердом намерении побить Львова. Демонстрации против Гронского⁸⁵ собственно предназначались для меня, — как, может быть, — упражнения Лихачева. Зашевелился Крупенский⁸⁶, устраивающий два года тому назад покушение на меня.

Наша молодежь, однако, не унывает и рвется в бой, так что мне приходится ее удерживать. Но и она решила, что пока довольно, и намеченная было мной для них лекция о «Четырех Думах»⁸⁷ отложена. В Праге, однако, я дал согласие на лекцию о «белом движении» Харламову⁸⁸ и нашей Группе. Если он разделяет Ваши и Аргунова опасения, то, вероятно, сам решит отменить. Если не отменит, то я читать буду. Готов читать о «Четырех Думах» для республиканско-демократического Клуба. Других тем сейчас не имею и готовить их некогда; тогда обойдетесь совсем без моих выступлений.

Меня больше теперь интересует, что Вы думаете о «Свободной России» и о ее тоне, настоящем и будущем. Аргунов, к сожалению, слишком медлителен и старомоден, так трудно оттащить его от печки. Но надо постараться. Он к тому же очень обидчив, и надо быть с ним осторожным. Поговорив с Вами, я хочу повести на него двустороннюю атаку. Если Вы все еще предлагаете мне свое гостеприимство, то я им воспользуюсь. Пишите по адресу, обозначенному на бланке этого письма. Если напишите немедленно.

Ваш П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 174—175.

№ 10

Париж

26 мая 1925 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Мельгунов⁸⁹ мне сообщил два неприятных известия: во-первых, о болезни Сергея Николаевича, во-вторых, о Вашем решении отойти от «Свободной России». А еще раньше Вы, по-видимому, отошли от меня и от «Последних новостей». Все это меня чрезвычайно огорчает. Больше всего, конечно, болезнь Сергея Николаевича. Все остальное неважно: сходились, расходились и опять сойдемся, когда пройдет Ваше увлечение «Днями». Вы уверены, что я ушел куда-то вправо. Уверяю Вас, что никуда я не уходил, а, может быть, Вы неправильно представляли себе мою позицию. Но чего именно вы от меня хотите и чем Вас не удовлетворял столь решительно, что потребовался фактический бойкот — может быть, разрыв, я, ей Богу, не знаю. Между нами могла быть разница тактических оценок и планов. Но ведь тактика проверяется жизнью и подлежит вечному пересмотру. Зачем же останавливать этот текущий процесс на одной точке и превращать тактику в догму. Мельгунов мне

говорил, что вы и им недовольны и формальным основанием для Вашего заявления об отходе явилась его статья в «Свободной России»⁹⁰, Перечитал эту статью: ничего в ней не нашел принципиально разногласящего с Вашей позицией. Есть, конечно, разница в оттенках, в разнице взглядов на тактику внутренней и внешней интеллигенции. Я лично считаю, что тактика эта должна быть различной и что та и другая часть интеллигенции должна приспособляться к здешней и тамошней обстановке. Как далеко должно и может идти приспособление без риска потерять из виду общую цель, это вопрос особый. Можно допустить, что есть грань, за которой она превращается в вопрос принципиальный из вопроса тактического. Ну, например, я лично до Пешехонова, пожалуй, не дотяну. Но я думал до сих пор, что во всяком случае дотягиваю до вас. Границу-то ведь Вы всегда же сами признавали и для тех, кто работает в России. В чем же принципиальная разница с Мельгуновым?

О самом себе уже не решаюсь говорить, не зная предела наших теперешних разногласий. Вы, кажется, недовольны (чтобы говорить о новом) моей позицией по отношению к Крестьянскому союзу⁹¹. И многие недовольны. Но, во-первых, не следует преувеличивать степень моего доверия к тем непосредственным источникам, которые меня информируют о Союзе. Я прекрасно теперь, пожалуй, и лучше других знаю, как мутен этот источник. Но что же делать, когда все подлинное, приходящее из России, в том или в другом отношении мутно. Я, во всяком случае, не смотрю на все эти крестьянские образования как на фикцию, [...] ^a есть требования признания легальным Крестьянского союза (или крестьянских союзов). Этого для меня достаточно, чтобы не отвергать с места всякой возможности протянуть туда ниточку.

Куда вы хотите везти Сергея Николаевича? Не в Руаяя, где я сам когда-то лечился? Мне тоже советуют в этом году подлечиться там опять. Если не очень гневаетесь, черкните хоть несколько строчек: о политике, если хотите, можете совсем не говорить.

Я на несколько дней уезжаю из Парижа: хочу к сроку закончить немецкий перевод своей книги⁹². Но корреспонденция, во всяком случае, будет мне доставляться,

Сердечный привет Вам обоим от меня и Анны Сергеевны.

ГА РФ. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 23.

№ 11

Париж

25 июля 1925 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Вы хотите «три строки», но поскорее. Но пишу Вам гораздо больше трех строк, но все же не столько, сколько нужно, чтобы ответить на все, как следует. Прежде всего, конечно же, я не поверил, что Вы складываете оружие и решили замолкнуть. Не такой у Вас темперамент. И я

^a Слово неразборчиво.

был прав. Вот она — пламенная статья и я ее, конечно, помешу, и, конечно, с комментарием. В статье гораздо больше страстных слов, чем страстных мыслей⁹³. Равенство Февраля и Октября, разумеется, Вам установить не удастся. Если вести линию дальше от Робеспьера на Наполеона и Людовика XVIII, то это так, пожалуй, дойдешь и до Кирилла. И все будет строго закономерно. Согласитесь лучше, что тут есть единство стихии, но не единство воли, а волю-то мы именно и хотим направить. Основная мысль у нас общая, но есть предел, и «до конца» можно идти, только не останавливаясь на таких «компромиссах», которые здесь ненужны и неосуществимы. Становится здесь на позицию «примиренчества», значит, не усиливать себя в борьбе против Струве⁹⁴, а сильно ослаблять. Пожалуйста, не думайте, что мне по существу страшно. По существу Ваши мысли 1922 года у нас здесь существовали уже в 1921 и даже в 1920. Но обстановка для борьбы здесь и в России разная, и даже, ориентируясь на Россию, этого обстоятельства забывать не следует. Между прочим, не показалось ли Вам, что некоторые из мыслей, высказанных Вам Садыриным⁹⁵, Вы прочитали у меня раньше получения Вашего письма из Берлина? А мысль Дмитрия Ивановича о Волге, впадающей в Каспийское море, я таки из озорства вставил в текст своей речи английским журналистам⁹⁶. Итак, единомыслие у нас большое (в этом отношении больше, чем с Мельгуновым). Но нельзя из-за методов борьбы необходимых в России, но неприменимых здесь, убивать пафос борьбы. Там от нас не ждут многого, но этого пафоса, я думаю, ждут, и добровольного поступления в рабство мне кажется не поймут.

Что касается съезда, мы совпадаем с первыми тремя Вашими предложениями: единовременных заявлений, призыва о нехождении на съезд и пропаганды в профессиональных группах. Но последняя не окажется очень продуктивной: многие здешние профессиональные группы соблазняются, так как дорога уже проторена, организацией их для создания эмигрантского комитета. Что касается четвертого предложения съезда, оно явно очень соблазнительно, но и опасно. Если съезд выйдет недостаточно импозантный (а он, конечно, выйдет таким, если будут одни р.д.), то лучше такого съезда не затевать, ибо он будет равносителен провалу их за границей, во всяком случае больше, и из этого надо исходить. Однако, я не хочу сразу зачеркивать идею Съезда. Может быть, предварительные разведки произвести не мешает, не давая им огласки. Нужны между прочим деньги, а их у нас нет. В поддержку державами монархического движения я пока не верю; деньги у них, несомненно, появились, есть и поддержка в правых неофициальных кругах, но отсюда до поощрения вооруженной интервенции еще очень далеко. Идея съезда соблазняет многие «малые силы», но я не считаю этой затеи такой опасной, как она была при создании Национального комитета⁹⁷. Струве посильно испортил дело и вообще оказался далеко не таким опасным противником, как можно было опасаться. Отшатнув от себя даже умеренно либеральные круги, он все-таки не приобрел симпатий правых, которые умнее и опытнее его и очень недовольны преждевременным раскрытием карт и струвевским медвежьим танцем на всех мо-

золях. Они теперь пробуют замазать, но уже поздно: впечатление сделано. Вы спрашиваете «сильно ли» пострадал наш тираж от «Возрождения»⁹⁸. Не только не пострадал, но выиграл. Здешняя молодежь зеленая, сильно заинтересовалась моей полемикой со Струве, и наши передовицы читались почти с таким же интересом, как «Тайны замка [...]»^a. Струве проявил поразительную беспомощность и даже невежество. Я могу объяснить это только тем, что его книги не пришли еще из Праги, и ему негде завести самых элементарных справок. Такой репутации, как в Праге, Струве здесь никогда не имел, но теперь его авторитет пал совершенно.

Евгению Ивановну разыщем. Да, не будьте так строги к Аргунову. И везите поскорее Сергея Николаевича лечиться.

Сердечный привет от нас обоих.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 37—38.

№ 12

Берлин

28 сентября 1925 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна!

Диктую Вам письмо на машинке, т.к. нездоров и рука нетвердо держит перо. Меня очень огорчает неполучение от Вас отклика на мое коротенькое письмецо, посланное в Мариенбад. Как будто в этом письмеце было кое-что, на что следовало бы отозваться.

Среди житейского хаоса, в котором протекают мои дни, я вообще не становлюсь ото дня на день интереснее (сие относится не только к моим душевным потрохам, но и к моей приятной внешности с распухшим носом), но нет-нет кое о чем и подумаешь. На многое хотелось бы иметь ответы, например: что вы думаете по поводу «Дней», что Вы о них знаете вообще, совсем ли Вы порвали с ними и как сие произошло?

А затем мне необходимо срочно обменяться с Вами соображениями по поводу только что прочитанной мной омерзительной книжки Беспалова⁹⁹. Во время чтения у меня было ощущение — точно меня купают в помойной яме, и господин Беспалов — в роли помойного банщика. Владельцы же сего почтенного банного заведения, — господа пражские эсеры, опубликовавшие эту книгу и рекомендующие читателю относиться к Беспалову с полным доверием.

Смысл книги совершенно ясен: все, так называемое, эсеровское движение в России находится в руках ГПУ, которое не только открывает областные и губернские комитеты, не только пишет тезисы по таким, например, вопросам, как тактика партии в условиях советского режима, но и захватило в свои руки Ц.Б. партии в Москве, добившись через него от заграничной делегации согласия подчиняться директивам Центрального Бюро. В итоге, как правильно говорил чекист Решетов, и заграничная делегация в руках у Чеки. Если же вспомнить, что член Де-

^a Слово неразборчиво.

легации Сухомлин¹⁰⁰ сидит в Гамбургском Интернационале, то фактически щупальца ГПУ проникли и туда, а Сухомлин и вся компания — игрушка в чекистских руках.

Я долго думал, какой смысл эсерам опубликовывать этот жуткий документ. Но это их частное дело. Гораздо важнее другой вопрос: нас уверяют непрерывно, что в России не только теплится, но и растет социалистическое движение. У меньшевиков еще не объявился свой Беспалов, но нет сомнения, что Беспаловых немало и среди социал-демократов дановского толка. В подтверждение доводов о росте социализма гг. эсеры и меньшевики ссылаются на корреспонденции с мест, на резолюции, выносимые различными собраниями, и на тезисы, рождаемые социалистической мыслью в России. Омерзительная книжка Беспалова кладет предел всем этим иллюзиям и утопиям: никаких социализмов! одна лишь голая Чека. Объективных показаний в пользу роста социалистических настроений не дадут ни советская экономика, ни кусковские писания в «Последних новостях», ни вся сумма впечатлений, получающихся «с того берега». Социалистические рассказы оказываются после книги Беспалова ерундой. Какая жуткая трагедия при таких условиях — эта тонкая прослойка социалистически настроенной молодежи, которая ссылалась в Соловки и еще черт знает куда!

Лично меня, так сказать, исторически вся эта картина радует: если вообще социализму суждено существовать (в чем я не до конца убежден), то пускай же он в России появится не в нынешних межумочных условиях, а когда капитализм большевистскими руками будет достаточно укреплен. Думаю, в частности, что большевикам придется еще много лет работать над этой задачей, иронически подsunутой им историей (разным чешским докладам из Москвы о полгоде и т.д. значения не придаю). Но субъективно испытываю чувство жалости к тем ограниченным социалистическим лидерам, которым после азефовской трагедии, после раскрытия охранных архивов в 1917 году — пришлось пережить новый удар от своих недавних товарищей-большевиков.

Однако, вопрос не в субъективном отношении ко всей этой истории, а в том, что она удостоверяет: 1. что «пролетарская диктатура» доводит провокацию в хорошо знакомой ей подпольной сфере до таких верхов, о которых сам Белецкий¹⁰¹ не мог мечтать; 2. что большевики управляют всем «социалистическим движением» внутри и вне России со всею «полнотой власти»; 3. что мы не имеем сейчас решительно никаких данных для суждения о социалистическом движении в России. Эсеры, издав без возражений книгу Беспалова и апробировав ее содержание, сами в этом расписались.

Я не вижу оснований эту тему замалчивать и думаю сделать ее предметом публичного доклада с диспутом. К сожалению, написать обо всем этом без злобы, а объективно и спокойно негде: ни «Последние новости», ни «Свободная Россия» этого не поместят, а для «Руля» — я не писатель.

Мне было очень важно в спешном порядке получить от Вас ответ на сию мою эпистолию. Вы единственный человек, с которым можно

серьезно и сердечно посоветоваться. Только будьте изысканно, покусковски, умны, т.е. не дайте почувствовать в вашем ответном письме своих социалистических хвостиков.

Пишите, как «радикальная демократка», а главное — как умница Кускова, которую я так любил. Кстати, сообщите, верно ли, что Беспалов служит в Земгоре или в каком-то другом эсеровском окружении.

Простите, моя дорогая, за длинное письмо и возбуждаемый мною старый вопрос: я прочел Беспалова полностью только теперь, и он меня сильно взволновал.

С нетерпением жду вашего ответа и усиленно кланяюсь Сергею Николаевичу.

Адрес мой до 1-го ноября: Маркграфен штрассе, 74. О новом своевременно сообщу.

Крепко жму руку, весь Ваш.

Дописываю утром 29/IX. Долгий вечер думал дальше и твердо остановился на одном положении, которое хочу включить в доклад: пора покончить с системой подпольщины, заговоров, эсеровщины, меньшевизма и др. Довольно: пройден гнусный путь от азефовщины до беспаловщины. Хотите бороться с советской властью: за границей — вольный путь печати интернационалов, влияния на Болдуинов¹⁰², кому это под силу, и кто в это верит. Но открыто и явно; в России — легальная и честная работа в советских [...]а, в кооперации, в честном частнокапиталистическом предприятии. Где угодно, но не в заговорах. Сюда же относится не только социалистическая, но и неонародническая подпольщина. Для меня бесспорно органическое, уже совершившееся падение коммунистической власти. Но это длительный процесс, сейчас период сравнительно медленного установления нового порядка глубоко буржуазного в своей основе. Отсюда вывод: неужели шпилечными уколами в полуобход Чеки мешать этому здоровому процессу? Переворот в России производят не жалкие эсеры, а наши друзья — беспартийные интеллигенты, потерявшие часть своего «я», но «подсознательно» поворачивающие руль. Вы скажете: сменовеховство? Я не боюсь слов. Надо только уметь понимать содержание.

Ваш П.М.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 40—41.

№ 13

Париж

5 февраля 1926 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Благодарю Вас за письмо⁶. В нем я нашел отчасти возвращение к прежнему привычному для меня тону, отчасти и объяснения, в которых нуждался. Прихожу к заключению, что мне все-таки выступить надо.

^а Слово неразборчиво.

^б Далее неразборчиво.

Но только есть между нами недоразумения, которые следует еще разъяснить, чтобы не превратить публичный диспут в то, чего я боялся и почему не хотел выступать в формальный публичный разрыв.

Вы приписываете мою неуверенность, что Вы не перейдете «черту» моему «недоверию» к Вам и обижаетесь за это недоверие. Пожалуйста, верьте, что моя вера в Вас осталась прежняя. Но и прежде я относил кое-что в Вашей политической позиции к той особой «психологии», которая свойственна жившим в совдепии деятелям, а нам, «эмигрантам», чужда. Я отнюдь не возражаю против этой психологии и соответственной тактики для там живущих. Я даже неоднократно подчеркивал это различие. С Д.И.Шаховским¹⁰³ я тоже не могу ассимилировать свою деятельность. Но я уверен, что он меня поймет и согласится с тем, что на моем месте здесь надо было действовать несколько иначе, чем он действует там, координируя действия, но не сливая их. Только так и можно использовать обоюдные преимущества положений и дополнить взаимные недостатки. Вот эту черту Вы постоянно переходите в наших частных разговорах и в некоторых посланных в «Последние новости» статьях. Отсюда мой страх, чтобы Вы не перешли ее публично. Это вовсе не значит, что я от чего-то отказываюсь или «возвращаюсь назад» с уже занятой позиции, как кто-то Вам натолковал (не Бухало¹⁰⁴ ли, который пытался здесь меня публично уличить в этом). Утверждаю, что никакого сдвига назад нет, но есть некоторое подчеркивание особенностей занятой позиции по отношению к тем, кто необузданно стремится дальше в направлении той тактики, которой можно придерживаться только в России и с которой я сливаться не хочу, признавая преимущества и специальные права «эмигрантской платформы». Это не только тактическая позиция, диктуемая желанием подтянуть армию справа. Это и мое убеждение по существу.

Мы не разоидемся с Вами, поскольку Вы будете развивать идею ориентации на Россию и на совершающиеся там процессы. В этом ведь существо моей «новой тактики» 1921 года. Но Вы без всякой надобности осложнили защиту этой тоже нелегкой позиции, наклеивши на нее ярлык возвращения. Между тем, ведь Вы уже согласились со мной, спор о «возвращенстве» есть поверхностная и никчемная вещь, скрывающая за собой более глубокие вопросы. Вот и обсуждайте эти более глубокие вопросы и оставьте Ваших упадочников из Вампуки в покое¹⁰⁵. Иначе Вы фатально сталкиваетесь уже с нашей здешней психологией, получая в результате обострение и конфликт. Мне едва удалось сладить с конфликтом, который было создало внутри РДО глупое поведение Бухало, вообразившего себя идеологом и испортившего тем свое законное положение энергичного и усердного «вита». Я Вас должен предупредить, что поведение Бухало продолжает вызывать раздражение, которое может перекинуться и на Вас. Именно поэтому, предвидя то, что случилось после моего возвращения из Праги, я и предупреждал Вас, что не могу на Вашем докладе поставить штампеля РДО. Между тем, Бухало, действуя теперь уже независимо от РДО, его фактически ставит. Он при этом хочет выступить и неизбежно опозлится, и огрубить Вашу собственную позицию, как уже пробовал огрубить мою. Это заставит меня

при выступлении резче отгородиться, чем я сделал бы это за себя, ибо мне придется выражать общее настроение РДО. Примите это во внимание.

Мы говорили с Марковым¹⁰⁶ о докладах Сергея Николаевича, и он уже писал Вам. Нам казалось, что НЭП более популярная тема, чем другая, и что именно ее надо устроить в большой зале как источник дохода. Конечно, самому Сергею Николаевичу это виднее и вообще, может быть, лучше устраивать его лекцию уже здесь по приезде после личного сговора. Кто и как ее устроит это отчасти зависит от результата Вашего выступления. Я согласен с Вами, что «вталкивать» Сергея Николаевича на Ваш доклад не следовало бы и вообще предупреждать Вас против бестолковой энергии Бухало, человека упрямого и настойчивого, но недалекого.

Статьи Вашей в «Днях», на которую Вы намекаете, я не прочел (ее пока не было), но в других статьях против меня Ваш темперамент сказался. Однако я не только «сильно», и слабо не рассердился.

П. Миллюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 71—72.

№ 14

Париж

22 февраля 1926 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Я не знаю, смогу ли выступить на Вашем докладе. Соображения, заставляющие меня отложить решение, следующие. 1. Хотя Вы, действительно, не перешли черты в статьях, напечатанных в «Днях»¹⁰⁷, но и наши пражские разговоры и посланные раньше в нашу редакцию статьи, которых я не мог напечатать, и, наконец, самое появление в «Днях» на условии полной свободы (в чем я, впрочем, сомневаюсь, судя по припискам редактора), все это показывает, что Вы собираетесь идти дальше, чем допустимо для меня. Если Вы эту черту перейдете в докладе, то я не хотел бы сделаться выразителем парижских настроений по этому поводу и вести споры еще более «неприятные», чем теперешние¹⁰⁸. 2. Судя по сообщению Бухало, основанному на Вашей переписке с ним. Вы предполагаете окружить меня другими оппонентами, вроде Струве и Керенского. Может найтись и оппонент, или снисходительный хвалитель с рю де Греннелли¹⁰⁹ — в том роде как «Пражский вестник» потрепал по плечу Пешехонова. Я охотно выключил бы себя из этого букета. 3. Мне пишут из Праги, что вы осуществили уже «разрыв» с нами, бойкотируя наши учреждения (клубы, демократические союзы, чешский чай). Между тем наш здешний РДО чуть не исключил Бухало примерно за то же, за что Демократический союз исключил своего сочлена, что вызвало Ваш бойкот. Внутри РДО произведенная Пешехоновым и Вами смута еще не кончилась. Я боюсь, что при публичном выступлении «разрыв» не сгладится, а оформится. А так как я еще рассчитываю, что вам еще придется искать в «Последних новостях» защиты от «цензуры» Керенского, то такого формального разрыва я бы не хотел.

Теперь по существу. «Непонятна» по-моему не моя, а Ваша позиция. Непонятна потому, что и в «Днях» она не оговорена до конца, а то, что сказано, затем меняет позицию нежеланием перейти черту. В России я рассчитываю на [...]а Россию, которая по-моему вовсе не разделяет настроения тех двух с половиной упадочников, которые сами себя охарактеризовали приведенными Вами с их слов условиями возвращения. Сравнение с Костой Тодоровым (благодарю) было бы полно лишь тогда: если бы какой-нибудь «кадетский» съезд в России отказался от связи со мной. Согласитесь, что эта перспектива слишком гипотетична. Не считаю я свою тактику и тактикой «разрыва с наиболее активными элементами внутри». Наоборот, они должны быть довольны тем, что кто-то здесь сохранил нравственное право говорить про большевиков то, чего они могут не сказать там.

Мои «нападки» на Пешехонова и «молодежь» (понятие относительное, как Вы могли убедиться), далеко не так «яроствны», как нападки Керенского. От Астрова¹⁰ и Юренева¹¹ я также далеко, как был. Дело вовсе не в том, что я пошел к ним назад, просто не иду дальше, чем шел до сих пор туда, куда Вы зовете. Не думаю также, чтобы моя «ориентация» не подошла для Д.И.Шаховского. Вы знаете, что для моих единомышленников в России у меня мерка совершенно иная, чем для здешних кандидатов в возвращенцы. И никакого «негодования» их «дело» у меня не возбуждает.

Почему же Сергей Николаевич «удивился»? Мы с ним говорили в Праге о рецензии, в существе моего отношения к его работе он сомневаться не может. От него вот жду самого строгого разбора моих экономических глав в немецкой книге. Имеет ли он ее? Я теперь принимаюсь за русское издание и очень был бы рад, если бы мог исправить, что понадобится для выправки текста этой последней части книги.

Я несколько «удивился» официальному тону вашего письма. Я думал, что наши споры и даже самые принципиальные не должны бы были влиять на наши личные отношения. С своей стороны могу заверить Вас, что мое отношение к вам ни капельки не изменилось вследствие того, что вместо «Последних новостей» Вы пишете в «Днях» и что защищаемое Вами дело не находит во мне сочувствия, или вызывает отпор. В надежде, что вы сохраните ко мне частичку Вашей прежней дружбы.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 41—42.

№ 15

Париж

9 апреля 1926 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

С великим огорчением я прочел Ваше последнее письмо. Да, мосты сломаны: этот печальный факт приходится признать. Но они сломаны не мной. Я до самого конца оставлял если не мост, то хоть брод, по ко-

^a Слово неразборчиво.

торому еще можно было сохранить связь перед публикой. Вы совершенно напрасно выбрали для разрыва тот мотив, что я перенес спор с политической почвы на моральную. Я указал, конечно, и не мог не указать на моральное значение для нас лозунга непримиримости, а также на его происхождение. Но я не думал устанавливать этим морального критерия для Вашего поведения. Я вообще не нападал, а только оборонялся. Чтобы удержать позиции, конечно, пришлось иной раз определить их течение. Но в этом опять виноват не я, а нападающая сторона. Желая «засыпать ров»¹¹² с одной стороны, Вы выкопали его, по-моему, без всякой нужды, с другой. Там — не засыпали, и, по моему глубокому убеждению, не засыпать. Вся идея — вынести внутренний спор на публику, когда он еще недостаточно созрел внутри, была несчастной идеей и большой политической ошибкой¹¹³, за которую большую долю вины я возлагаю на Бухало. В этом отношении я совершенно солидарен с Арнольди¹¹⁴ и с правлением Республиканско-демократического Объединения. Нет ничего смешного в том, что они впервые пытаются ввести в свою среду кое-какую дисциплину. Я считаю это большим шагом вперед во внутреннем развитии Республиканско-демократического Объединения. Они могут кое в чем перестроиться по неопытности, но основная их линия верна. Бухало вел себя по отношению к Республиканско-демократическому Объединению возмутительно и должен за это ответить. Его уклонение от ответа на вызовы есть недопустимое нарушение дисциплины. Вам, человеку «без заглавия»¹¹⁵, может быть все это и непонятно, и смешно. Но я знаю, что такое дисциплина, и потому, несмотря на все прежние, действительно огромные заслуги Бухало перед объединением, склонен отнести к его поведению очень строго.

Позвольте повторить еще раз, что мои личные отношения к Вам и к Сергею Николаевичу нисколько не изменились в результате парижских впечатлений. Даже, если вы, действительно, «перейдете черту» (что не так легко), то и тогда я отнесусь к этому с сожалением, а не с гневом, и применю к вам, как уже говорил в Париже, ту «другую» тактику, которую применяю к «потусторонним». Кстати, читали ли Вы отклик «спеца» из России в «Руле» на Ваше «засыпание рва» и на Вашу формулу: Кутлер-Сокольников¹¹⁶?

С сердечным приветом от нас обоих Вам и С.Н.

П. Миллюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 7.

№ 16

27 мая 1933 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Только что получил здесь Ваше милое письмецо — в последний момент перед отъездом отсюда во Флоренцию, а там, дня через три, и назад в Париж.

Спасибо, что закинули словечко. Неутешительно оно, да и что поделаешь. Кажется, весь мир взбесился и хочет, как говорил когда-то

Вольтер, ходить на четвереньках. Мне уже приходилось как-то цитировать изречение Гиддингса¹¹⁷, сказанное полвека назад: бойтесь не нашествия варваров извне, а нашествия дикарей изнутри. Вот они пришли три дикаря и танцуют свой военный танец на наших костях. Весенние соловьи, конечно, переживут и их; но, надо признаться, что эта весна не задалась. Не знаю еще, нажил ли я себе здоровья здесь, в Италии, но в одном отношении поездка оказалась незаменимой: в германском археологическом Институте в Риме я нашел богатую немецкую новейшую литературу по предыстории, которой не мог найти ни в Праге, ни в Париже, и теперь окончательно замучу читателей 1-го тома «Очерков»¹¹⁸ в новом издании — доисторической археологией. Не знаю, как для читателя, а для меня — очень интересно. Просижу там целый месяц. Весна поздняя, погода скверная, так что немного и потерял.

Если Сергей Николаевич не может нигде пристроить русского текста статьи, пришлите ее мне: я подумаю, что можно будет с нею сделать, и напишу Вам.

Статья об Эррио¹¹⁹ уже побывала в Ассизи и третьего дня отправилась в путь — в редакцию. Я только Ваш постскрипtum в три строки уничтожил. Эррио, действительно, еще раз показал свое крайнее легкомыслие. Это тоже своего рода «Тостоевский»! Загнул я ему шпильку: *Esprit Nacional* просит статью о внешней политике России; пришлось писать без всяких пособий, наскоро; только что отослал отсюда, но не знаю, поместят ли; всякого скептицизма там много напущено.

Александр Федорович сам виноват: зачем везде суется и себя усиленно рекламирует.

Конечно, соскучился и я по Вас. Обязательно в этом году, рано или поздно, приеду в Прагу; будем горевать вместе.

Как все переменилось со времени моего последнего приезда! Ну, да поговорим тогда обо всем — в том числе и о впечатлениях, которые много сложнее, чем я ожидал.

Сердечный привет Вам и Сергею Николаевичу. Все-таки не унывайте; это уж совсем Вам не к лицу.

Преданный Вам

П. Милюков

Анна Сергеевна присоединяется к моему приветствию Вам обоим.

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 302—303.

№ 17

12 июля 1936 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Получил Ваше письмо от 11-го и тоже очень огорчился. По Вашим предыдущим намекам (в письмах) относительно моего мнения о конституции¹²⁰ я уже мог заключить, что что-то неладно и что у Вас есть какое-то другое мнение. Но какое, этого Вы не говорили, — и теперь я

не могу Вас не упрекнуть в некоторой неискренности — порок, вообще Вам несвойственный, но благоприобретенный из-за моих редакторских и других особенностей. И теперь из Вашего письма я с трудом разбираюсь, в чем дело. Вы «даете ответ эмигрантам». Я — тоже. Очевидно, «эмигранты» у нас разные. Ваши торопятся в Россию — и Вы совершенно правильно их отговариваете и даже страшаете. Те, к кому я обращаюсь, напротив, проникнуты скептицизмом непримиримого свойства, и мне приходится повторять то, что для Вас, очевидно, представляет давно пройденные зады. Ваши ушли что-то очень далеко вперед — и Вы их одергиваете, мои недостаточно разобрались с прошлым «белой» идеологии, и мне приходится твердить старый тезис об «эволюции» и даже о «комсомольском патриотизме», говоря языком покойного (не совсем) «Возрождения».

Как это случилось, что мы так разно понимаем нашу аудиторию, я признаться, не понимаю. Думаю, что нам приходится бить в одну точку, а выходит — разные. Трудности усугубляются тем, что ведь я веду не просто «тактическую» линию, а стараюсь разобраться по существу. Из соединения того и другого и получился мой двуликий Янус, которого Вы упорно хотите превратить в одноликого — «с ножом в зубах». А Вы же меня столько раз в Москву приглашали — в последний раз, кажется, в прошлом мае!! Это хорошо, что Сергей Николаевич так реагировал на прямое предложение; и я готов понять, что, дойдя до самого края «рва», приходится от него отшатнуться. Но ведь я стою на более безопасном терреке — и могу спокойно предаваться политическому философствованию. Дело ведь идет не о том, чтоб «Милюкову в мае — или в октябре — быть в Москве», как выражался, кажется, один из Ваших собеседников, а о том, чтобы всю компанию подталкивать к пониманию того, что на той стороне делается. Конечно, работали мы с Вами довольно единодушно — и вдруг такой «пассаж».

Давайте же находить выход из положения. Я ведь не знал, что Ваши «мальчики» собираются в Москву раньше нас с Сергеем Николаевичем и с Вами. И с кем бы Вам ни пришлось разговаривать, не надо, чтоб Вы молчали или хотя бы приспособлялись к редакторскому карандашу.

Если Вам «скучно» и кажется «мрачно» — что же делать, давайте вдвоем разгонять скуку и мрак.

Ваша статья явно противоречила редакционному мнению, что было просто неудобно для газеты, раз речь идет о таком «ките», как Екатерина Дмитриевна. Но было бы иначе, если бы Вы написали откровенную полемическую статью: Милюков, мол, думает так, а я этак. Могла бы завязаться полемика по жизненному вопросу и *du choc des opinions*^a, может быть, выскочила бы *la vérité*^b!

Давайте поступим так. Выпишите забракованную статью из «Последних новостей» (вторую, вероятно, мне пришлют сюда) и переделай-

^a Сенсационных мнений (фр.).

^b Истина (фр.).

те ее в статью полемическую. Будем сражаться, а публика пусть разбирает, кто прав. Я же буду отвечать не в передовицах, а за подписью. Молчать, во всяком случае, не следует: это ни Вас, ни меня не может устроить.

Только, если Вы повторите свои «основные две линии» — насчет «эволюции» и провала «непримиримости», то какой же может быть спор у нас? Ведь я это самое и говорю (насчет «необходимости» признания Вы, кажется, напутали; тут мы не расходились; мне только уже очень больно было от «необходимости» [...] ^а с Лиги Наций: хотелось все-таки ее идеи визировать). И когда же Вы перешли на «резко-критическую позицию»? И как это мирится с «обязанностью» именно теперь «подходить к тактическим позициям»? Какие позиции? «Отсель грозит Москва», что ли? Во всяком случае, передача «фактического материала» — это ведь не «позиция». Этим мы все время занимаемся, и необходимость этого я отстаивал при всех уступках «эволюционистам».

Признаю все достоинства Вашего специального материала и очень дорожу им: тут опять нет никакого спора. Ведь только предположение, что «завтра они изменятся», говорит или против его, или против правильности комментария, из него извлекаемого. «Разоблачить противоречия»? Опять-таки, этим только (почто, что только) мы и занимаемся. А надо глубже взглянуть: откуда противоречия? Почему противоречия? Почему прямо не поступить по советам или по «требованию» Керенского — совсем без всяких противоречий. (Он, кстати, обещал мне публично в вашем клубе больше «не разговаривать» с Сталиным и не держать его за пуговицу).

Я очень согласен с Вашим «умным чехом», что конституция «это — демократизация диктатуры». Должно быть, я тоже «умный», так как я эту самую мысль и доказываю в трех своих передовицах. Именно так; демократизация (но «демократизация!») диктатуры (да, «диктатуры»). А с одним Вашим утверждением совсем не согласен: будто это «акт сверху, а не давление снизу». И, когда Вы говорите, что «доказывать» это «мы должны тактически», то, во-первых, я думаю, что из-за «тактики» этого никак не докажешь, а по существу это и неверно, и обидно — не для «верха», а именно для «низа». Несогласен и с «паралитиком». Какой это паралич, когда человек шагает чуть не семимильными шагами.

Для Яхимова не остается места. Он пока — нелюбезный и мрачный. Тут дождь, даже холод. Но об этом и о Palace, вероятно, напишет Вам Нина¹²¹. Она очень завидует моему житью у Frau Renz, но, увы, прикована к своему минутному великолепию. А я — дышу чистым воздухом гор и леса.

Ваш П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 228—229.

^а Слово неразборчиво.

15 июля 1936 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Только что прочел Ваше обстоятельное письмо от третьего дня и хочу начать отвечать — с объяснения в любви. У меня отношение к Вам не только идейное, а как к самому близкому и родному человеку... «Недоверие» есть не только идейное отношение, но и эмоциональное. У меня к Вам нет ни того, ни другого. Безусловно, в Вас верю. Но иногда Вам не верю. Понимаете ли разницу? Помните, как я записывал в календарь Ваши приглашения в Москву. Я тогда Вам не верил, т.е. не верил в правильность Ваших прогнозов, и события меня оправдали. Вот и теперь — я ведь не верю в то, что дело пойдет в Москве «по-милюковски» — и не отсюда происходит моя «веселость» в противоположность Вашей мрачности. Но это — потом; а сперва о Вас. Я думаю, что Вас знаю. Вы человек страстный и увлекающийся. Это вовсе неплохое качество. Человек увлекающийся, как электрический фонарь может видеть дальше и яснее — в направлении своего луча. Но зато окружающее погружается во тьму, и рядом со своим прожектором — очень сильным — он ничего не видит. Я в качестве историка привык к «холодному» наблюдению и анализу целого. Соединение моих и Ваших свойств делает чудеса; но порознь надо признать их односторонность. Сейчас приложу это соображение к данному случаю.

Вы судите о конституции как интеллигент, и не находите в ней ничего, что нужно интеллигенту. В оправдание себя Вы цитируете мое мнение, что национальное сознание есть сознание через интеллигенцию. Это, конечно, верно, и я отнюдь от этого не отрекаюсь. Но ведь это высшая форма, объясняющая процесс в его высших культурных стадиях. Тут является и требование всяких «политик» и политических «свобод». Пример — то же суждение Гарви¹²², которое Вам так понравилось. А оно неверно, потому что односторонне. Неверно, что «свободы» октябрьского Манифеста¹²³ не дали «ничего», ибо не были облечены в интеллигентскую форму. До столыпинских репрессий они даже и интеллигентам дали очень много. Но не в этом дело. Вы помните, я осуждал Керенского за то, что от Сталина он требовал «интеллигентских» свобод. Это придет — но придет в самую последнюю очередь. И не по этому признаку следует судить значение конституции. Ведь «свободы» все были записаны уже в Конституции РСФСР, и, как теперь, никто не думал, что они уже «факт». Дано в Конституции другое. И, когда я судил об откликах на конституцию, я не о «слизняхках» и не о «славословии» думал, а о том, как все заинтересовались в конституции не «свободами», а тем, как надо понимать собственность. Уступки даны низу те, о которых Вы пренебрежительно говорите, как о «давлении обстоятельств». Хороши «обстоятельства»! Да это не то, что давление «политическое», — и потому я критикую Керенского, что он «забегает вперед», и думаю, что дело пойдет «не по-милюковски» в вашем смысле. Значение «конституции без всякой «политической» орнаментации, я считаю огром-

ным, потому что оно открыло шлюзы прежде всего для «давления обстоятельств». Однако, и «политика» есть где-то сзади. Не наша с Вами политика, но «политика». Куда, в самом деле, Вы денете все эти «оппозиции»? Я не верю масловской информации о «конспирации», которая сама себя выдает. Но верю, например, Петрову¹²⁴: это ведь та «интеллигенция», которая там народилась и понимает друг друга с полуслова, — и книжки начинает почитать — старого издания. «Беспартийный большевик», припущенный Сталиным к партии, это ведь неслучайная фигура, — и объяснения Радека, что под «трудящимися» надо разуметь и «интеллигентов», тоже неслучайны. Все это — еще не наше, далеко не наше, потому что растет от корня, а не от нашей прививки. Может быть, Ваши информаторы (т.е. «наши») до нее и не доизучались; это те новые, серые моли. Но они есть. И характерно, что ни о каких «свободах» в смысле Гарви они не заговаривают, а говорят о кооперации и экономике.

Уверяю Вас, что для начала эти «обстоятельства» много посильнее наших идейных «свобод». Это еще не пшеница, а корнеплоды; подождите, пока они вернут земле азот. Ну, вот одна причина, почему я ценю конституцию — не за то, чего в ней нет и быть не могло. Другая — это за реконструкцию государства — уже сознательная, которая ведет, конечно, к «личному режиму», т.е., если хотите, к «фашизму», если употреблять этот термин в слишком общем значении. Да, Екатерина Дмитриевна, на «фашизм» мы не пойдем, но он куда лучше бумажной республики Советов с руководством партийного аппарата. Слияние партии с государством я считаю единственным возможным путем к *уничтожению партии*. Я до конституции никак не мог придумать, как до этого дойдет Сталин. А вот — дошел! И «все по-старому» (неизбежно), — и все старое насмарку: площадь расчищена — не для нас с Вами, а для всяких там новых «радековцев» или как их там величают! Так вот, критикуйте, сколько угодно, но не прилагайте к критике масштабов Керенского! И Солоневич¹²⁵ критикует, но он упирается в один тупик, а кое-кто из Ваших информаторов, боюсь, — в другой.

Мы ведь около самого рва, и, того гляди, придется засыпать, говорите Вы. Вот тут и ошибка. Ведь, Екатерина Дмитриевна, мы все от него еще очень далеко. И потому я спокоен, но могу говорить о лице Януса, обращенном к будущему, отнюдь не ангажируясь на московские предложения. Вы видите, наши разногласия сводятся к разнице перспективы.

Мог ли я, как передовик, все это затушевать и предоставить широкую свободу обсуждения сотрудникам? Никак не мог — и никогда этого не делаю в решительные импазы. И не только потому, что (будто бы) в «Последних новостях» я один — идейный человек, а потому что там много разных мнений, надо дать камертон. У редакции *должно быть* свое мнение. Но настолько ли оно исключительно, как Вы говорите? Отнюдь нет. Оно было бы исключительным, если бы я тоже чувствовал себя у самого рва. Но я этого не чувствую. Я не предсказываю дальнейшего пути, а только указываю общее его направление, не изобретая эта-

пов. И не «фактического материала» я боюсь (а Вы уже пугаете меня Солоневичем, который процитировал то, что я говорю открыто), а такой его обработки, которая как раз сужает перспективу и исходит из предположения, как будто мы в самом деле ожидаем немедленных уступок в нашем смысле. Этого нет, Екатерина Дмитриевна: мы все еще — на аэроплане снимаем общий план местности, и, никакого, — даже планирующего спуска — не забываем.

В этой позиции — за свободой более широкого обсуждения, которую, по Вашему, я у Вас отнял^а. Мы здесь с Дмитрием Ивановичем обсуждали этот вопрос и пришли к заключению, что у нас с Вами, в сущности, нет разногласий — и не о чем спорить. Вы говорите о том, чего нет — для нас, а я о том, что есть — для многих. Мы говорим о разном, не нужно только говорить разного. Это разное, по-моему, очень легко возродить из Ваших мрачных статей: вопрос чисто редакционный.

Между прочим, Дмитрий Иванович мне рассказал о своем клубном докладе. Он говорит, что против него возражали в вопросе, не вызвана ли конституция желанием принарядиться для заграницы. Тут, по-моему, он прав: отнюдь не этим; главным образом, она вызвана *внутренними соображениями* гораздо более серьезного свойства. Можно было предвидеть, что за границей словам все равно не поверят: но только мы, знающие Россию, можем понять, что *не в словах тут дело*.

Ну, расписался опять на все четыре страницы, а могу лишь сообщить Вам, что у нас сегодня весь день дождик. А в Париже, должно быть, вчера-таки жарко было.

Всем Вам привет, а Вам особенно, самый горячий поцелуй для примиренья.

Ваш П. Милуков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 218—219.

№ 19

18 сентября 1936 г.

Дорогая Екатерина Дмитриевна.

Очевидно, Вы сердитесь. Если бы не сердились, наверное, поняли бы смысл моего примечания. Поясню, на всякий случай, еще раз смысл. И.П.¹²⁶ писал мне, что они «смушены» тоном, что все произошло так, как должно было произойти, а, стало быть, Сталин и «исторический процесс» в порядке.

Чтобы спасти статью, я, во-первых, выкинул кое-какие места, которые могли произвести такое впечатление, а, во-вторых, предложил пояснить от редакции, что речь идет не о логическом историческом процессе, сливающимся с ходом событий во всех деталях, а о зигзагах, выправляемых стихийным ходом общего процесса. Я не боялся, пуская

^а Так в тексте.

статью в этом виде, и того, что получится «остывшее кушанье», так как разговоры с Каменевым¹²⁷, составляющие пикантность статьи, отнюдь не относятся к категории «жгучих тем», подпекаемых с пылу, с жару. Всего курьезнее, что мы как раз поменялись местами. Я доказываю, что Сталин — «сам термидор», т.е. настаиваю на внутренней логичности процесса, а Вы допускаете дальнейшие зигзаги и грозите Сталину участью Робеспьера. С моей точки зрения понятно, почему встреченные Вами в лесу люди растеряны вследствие недоразумения. С Вашей точки зрения линия продолжается, следовательно, чего же им теряться? Пусть продолжают верить в «правоту линий» — вплоть до эшафота!

И еще одно обстоятельство — в связи с заявлением вновь приехавшего. Он «страшно недоволен» нами (много) за «осуждение» Сталина в «варварском способе расправы». Объясните ему, что он может быть недоволен, — еще гораздо более Вами, нежели мною! Ведь, характеризуя «способ» («внешнюю форму») как «варварский», я считаю цель, для которой употреблен этот способ, вполне правильной. Революция кончается «в азиатском стиле», но она кончается. А у вас выходит, что казни бессмысленны, ибо революция продолжается. Кем же из нас надо быть более недовольным? Тем более, что я желаю Сталину здравствовать, чтобы не было еще зигзага назад, а по-Вашему он фатально погибнет именно потому, что (или должен) не хочет идти вперед. Выходит даже нечто вроде Вашего перехода в «активизм», своего рода угроза, которую при желании можно истолковать в весьма неудобном смысле. Объясните же приезжему, что мой «варварский» стиль много благоприятнее для Сталина, чем Ваш «европейский», или меньшевистский. Положительно, «резко порицать» меня не за что, а надо Вас привлечь к новому показательному процессу! Разве только в «случайных» показаниях приезжего отрицательные черты («сильно ухудшились») не перевесят положительные («улучшились»). По существу же, и Вы, и он со мной согласны, и Вы, и он признаете, что среди беспартийных «не идут к этой стадии». Но практический вывод из нашего странного спора один: Христа ради — без волнующих прогнозов: лучше уж пусть термидор будет сзади, чем спереди!

P.S. К предстоящему докладу в клубе попросите «старушку» (не смею вскрывать псевдоним) принять во внимание предыдущие разъяснения. И, в итоге, заключить, что при всех Ваших экстрадурах, все же из двух отсутствующих Милюков Вам — не только географически — ближе, чем Керенский. Жалею очень, что Ваши «мелочи» и «напряжения» не содействуют укреплению нервов. У нас в Париже тоже немало поводов для нервной трепки — даже оставаясь в пределах эмигрантских дел. Но и нам, и Вам не мешает быть более уверенными в себе, в своем месте, в своем деле, в своих задачах. Тогда поводы для тревог представляются как нечто внешнее и не будут так задевать за живое. Я думаю, что такое внутреннее сопротивление должно будет отразиться и на отношении к нам местных людей, помешает относиться как к *quantité négligeable*^a.

^a Незначительной величине (фр.).

Еще P.S.: Только что прочел заявление Троцкого в Нью-Йоркской печати: он «виновен» в возбуждении «русского народа» против «кремлевской бюрократии». Вы присоединяетесь к этой формуле? Я — нет. Нет: «Да здравствуют троцкисты»? Или «Долой троцкистов»?

Ваш П. Милюков

ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 245—246.

Примечания

⁵⁵ *Бердяев Н.А.* (1874—1948) — философ, теоретик легального марксизма, профессор Московского университета. В эмиграции, в Берлине, один из создателей религиозно-философской академии; в эмиграции — редактор изданий «Путь», «Возрождение» и др.

⁵⁶ *Карсавин Л.П.* (1882—1952) — философ, историк, прозаик, поэт, профессор Петербургского университета; в 1922 г. выслан из России; в эмиграции участвовал в деятельности Религиозно-богословской академии в Берлине.

⁵⁷ *Франк С.Л.* (1877—1950) — философ, профессор Петербургского университета. Выслан в 1922 г. Профессор в Ковно (1928—1939).

⁵⁸ Мякотинская группа — сторонники В.А.Мякотина (1867—1937), историка, экономиста, народного социалиста (энеса), профессора Петербургского университета, высланного в 1922 г. из России, в эмиграции — сотрудника Русского заграничного архива, профессора Софийского университета. Представители энесов охотно шли на сближение с кадетами в эмиграции.

⁵⁹ *Брайкевич В.М.* (1874—1940) — инженер, кадет, товарищ министра торговли Временного правительства. В эмиграции — редактор «Записок русского экономического общества» в Лондоне.

⁶⁰ *Маслов С.С.* (1887—1945) — участник кооперативного движения, в эмиграции — один из редакторов сб. «Крестьянская Россия».

⁶¹ На международном конгрессе Лиги прав человека Милюков говорил: «...Мы представляем здесь великий народ, которому суждено великое будущее. ...Мы не просим материальной помощи, — и, в особенности, не просим интервенции... Мы хотим..., чтобы симпатии мировой демократии не были на стороне злодеев». (Последние новости. 1923. 6 ноября).

⁶² Имеются в виду, очевидно, документы о согласованных действиях националистических партий и кадетов.

⁶³ Процесс Конради — процесс, связанный с убийством В.В.Воровского, советского дипломата и государственного деятеля. В статьях «Под маской борьбы с реакцией» (Дни. 1923. 7 ноября) и «Кому это нравится» (Там же. 27 ноября) Кускова утверждала, что аппарат контрреволюции надо выбивать и из рук белых, и из рук красных, т.к. он является «злейшим врагом всей культуры вообще». Подобная позиция представлялась Милюкову позицией «стирающей принципиальные грани».

⁶⁴ В своих устных и печатных выступлениях И.Ильин, Н.А.Бердяев, Л.П.Карсавин пропагандировали идеи возрождения русского религиозного национального духа, национальной идеи, монархических начал.

⁶⁵ Отчет о работе Русского научного института в Берлине Кусковой за подписью «Патриот» опубликован в «Последних новостях» в 1923 г. 23 ноября.

⁶⁶ Очевидно, речь идет о выступлении Кусковой, направленного против монархической ориентации белградского «беженства», проводившейся С.Н.Палологом и П.В.Скаржинским.

⁶⁷ *Пумпянский* — эмигрант, настроенный примирительно к Советской власти.

⁶⁸ В статье «Г.Беркгейм о признании» (Последние новости. 1924. 20 января) Милюков писал: «Ему (Беркгейму. — *М.В.*), очевидно, чуждо представление, что непризнание большевиков есть как раз признание прав за Россией и, наоборот, их признание было бы отрицанием прав русского народа».

⁶⁹ *Изыюмов А.Ф.* (1885—1950) — главный инспектор Архивного управления; выслан из России в 1922 г. В эмиграции служил в Русском заграничном историческом архиве (Прага).

⁷⁰ Речь идет о полемике А.И.Герцена и Б.Н.Чичерина в 60-е гг. XIX в., в которой Чичерин занимал позицию защиты монархического правления, социальных привилегий дворянства и культуры старого мира; Герцен же выдвигал идеи обновления и преобразования российской действительности.

⁷¹ Об этом Милюков писал в статье «После Ленина» (Последние новости. 1924. 15 января).

⁷² «Свободная Россия» — республиканско-демократический орган. Прага—Берлин. 1924—1926.

⁷³ *Аргунов (Воронович) А.А.* (1867—1939) — один из лидеров партии эсеров. Эмигрировал в 1918 г. В 1922—1924 и 1926 гг. редактор (совместно с А.Л.Бемом и С.С.Масловым) сборников «Крестьянская Россия».

⁷⁴ В форме «сказок» Кускова часто публиковала свои статьи и в России, и за рубежом.

⁷⁵ Очевидно, речь идет о позиции пражских «возвращенцев», призывавших возвращаться в Россию «с гордо поднятой головой».

⁷⁶ Речь идет об оценке А.Ф.Керенского в «Истории второй русской революции» П.Н.Милюкова.

⁷⁷ Доклад Милюкова «О белом движении» был прочитан 3 августа 1924 г. в Республиканско-демократическом объединении и далее неоднократно повторен в различных эмигрантских объединениях Парижа.

⁷⁸ *Кутепов А.И.* (1882—1930) — генерал-лейтенант, участник «белого движения», один из руководителей Галлиполийского сообщества, не разделял «новой тактики» Милюкова, его утверждений о крахе «белого движения», отрицания в борьбе с Советской Россией иностранной интервенции. Кускова была солидарна с Милюковым в оценке «белого движения», переродившегося, по ее словам, в монархическое и реставрационное (См. статью Е.Кусковой «И до сих пор» в «Последних новостях». 1925. 8 января).

⁷⁹ Доклад Милюкова «О белом движении» был повторен им в Праге и Брно 30 и 31 октября 1924 г.

⁸⁰ *Руднев В.В.* (1874—1940) — член ЦК партии социалистов-революционеров (эсеров), член бюро партии эсеров, избранных в Учредительное собрание; в эмиграции — один из редакторов «Современных записок» и др. изданий.

⁸¹ *Дионео (Шкловский) И.В.* (1864—1935) — публицист, критик и переводчик, дядя советского писателя В.Г.Шкловского. Эмигрант. Автор книг «Кровавые зори» (Париж, 1920), «Когда боги ушли» (1923) и др.

⁸² *Третьяков С.Н.* — монархист, лидер Зарубежного съезда (См.: Последние новости. 1926. 11 января).

⁸³ См. статью «На докладе В.И.Гурко» (Последние новости. 1924. 20 сентября).

⁸⁴ Земгор — объединение Земского и Городского комитетов помощи отслужившим солдатам в 1915 г. В эмиграции возродился во всех русских колониях, оказывал помощь русским беженцам.

⁸⁵ *Гронский П.П.* (1883—1937) — профессор истории русских государственных учреждений Петроградского университета, член IV Государственной думы; в

эмиграции — профессор Ковенского и Парижского университетов и русского института в Париже по сравнительной истории права, сотрудник «Последних новостей», масон.

⁸⁶ *Крупенский А.Н.* — монархист, один из организаторов Зарубежного съезда (4—11 апреля 1925 г.).

⁸⁷ Речь идет о публичной лекции Милюкова «10 лет русского лжеконституционализма», которую он прочитал в ноябре 1924 г. в Праге.

⁸⁸ *Харламов* — один из организаторов пражской группы РДО.

⁸⁹ *Мельгунов С.П.* (1879—1956) — историк, публицист, издатель, энес; основатель издательства «Задруга» и журнала «Голос минувшего»; выслан из России в 1922 г.; в эмиграции редактировал журнал «Голос минувшего на чужой стороне».

⁹⁰ Имеется в виду статья С.П.Мельгунова «Об интеллигенции в России», опубликованная в «Свободной России». 1925. Апрель.

⁹¹ «Крестьянский союз» — эмигрантская организация, предполагавшая собрать сведения о жизни крестьянства в Советской России. Об этой организации Милюков писал: «Тут может завязаться какая-то ниточка с Россией и крестьянством, и я не повернусь спиной к этому движению» (ГА РФ. Ф. 5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 34—36).

⁹² Национальный комитет был образован в июне 1921 г. на съезде Национального объединения (Париж) правыми кадетами (В.Д.Набоков), социалистами (В.Л.Бурцев) и беспартийными центристами (А.В.Карташев). Создание комитета состоялось на антибольшевистской платформе; председатель — А.В.Карташев.

⁹³ О какой статье Кусковой идет речь, неизвестно.

⁹⁴ См. статью Милюкова «Струве — защитник «либерализма» и «демократии» (Последние новости. 1925. 19 июля).

⁹⁵ *Садырин П.А.* — инженер-агроном, член ЦК партии кадетов.

⁹⁶ См.: Последние новости. 1925. 12 июня.

⁹⁷ Очевидно, имеется в виду предпринятое Струве создание единой эмигрантской организации, объединяющей разные политические силы.

⁹⁸ «Возрождение» — газета, издавалась в Париже в 1925—1940 гг. под редакцией П.Б.Струве.

⁹⁹ Речь идет о книге Н.Беспалова «Исповедь агента ГПУ». Прага, 1925.

¹⁰⁰ *Сухомлин В.В.* (псевдоним В.Белтин) (1887—1963) — член ЦК партии эсеров, в 1954 г. вернулся в СССР.

¹⁰¹ *Белецкий С.П.* (1873—1918) — в 1915—1916 гг. товарищ министра внутренних дел.

¹⁰² *Болдуин Б.С.* — английский политический деятель, лидер консервативной партии, враждебно относился к Советской власти.

¹⁰³ *Шаховской Д.И.* (1862—1939) — один из основателей «Союза освобождения» и журнала «Освобождение», член ЦК партии кадетов, участник антисоветской организации «Возрождение России» и «Тактического центра». В начале 20-х гг. отошел от политической деятельности, работал в кооперации, занимался литературным трудом.

¹⁰⁴ *Бухало В.Н.* (р. 1896) — эмигрант, масон.

¹⁰⁵ См. передовые статьи «Последних новостей» от 15 и 26 февраля 1926 г. См. также: П.Милюков. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926. С. 81.

¹⁰⁶ *Марков А.П.* (р. 1885) — магистр финансового права, изучал городское хозяйство, читал курс финансового права в Харьковском коммерческом институте; эмигрировал в 1920 г. во Францию. В Париже читал экономическую географию

в Коммерческом институте и политическую экономию в Русском институте, сотрудничал в «Последних новостях», масон.

¹⁰⁷ Имеются в виду статьи Кусковой «О морали и по существу» (Дни. 1926. 3 февраля), «Ну чем же кончилось» (Там же. 4 февраля). В последней из этих статей Кускова писала: «На своем докладе в Праге П.Н.Милюков совершенно правильно сказал, что вопрос о возвращенстве покрывает собою гораздо более глубокие вопросы... И не только эмигрантские, но и российские».

¹⁰⁸ См.: П.Милюков. Эмиграция на перепутье. Париж. 1926. С. 80—81.

¹⁰⁹ На рю де Гренелли находилось советское представительство.

¹¹⁰ *Астров Н.И.* (1863—1934) — московский городской голова, член ЦК кадетской партии. Член Особого совещания при Добровольческой армии; эмигрировал в 1920 г., председатель Всероссийского комитета городов при Добровольческой армии, член Президиума Объединения эмигрантских организаций, товарищ председателя парижского комитета.

¹¹¹ *Юрнев П.П.* (1874—1944) — инженер, член ЦК партии кадетов, министр путей сообщения во Временном правительстве. В эмиграции возглавил созданный в Константинополе Политический объединенный комитет.

¹¹² В статье «Мысли вслух» (Последние новости. 1925. 25 октября) Кускова писала: «Приходит время, когда могуче вырастет новая задача: засыпать ров гражданской войны... И самый вопрос о родине и эмиграции не будет снят с очереди до тех пор, пока ров не будет засыпан.» Милюков отвечал ей, что «засыпание рва» надо понимать не как «поднятие белого флага» «сдающихся», не как «засыпание рва» с советской властью, а как устранение психологических преград между эмиграцией и населением России (Последние новости. 1925. 25 и 30 октября).

¹¹³ 16 и 21 марта 1926 г. в Париже состоялись доклад Кусковой и прения по ее докладу. В докладе она подвергла критике тактику РДО, обвиняя его в отсутствии «революционного пафоса» и в отсутствии «приводного ремня в России». В Советской России, утверждала она, происходит «бешеная эволюция» и население в этом процессе смешалось с властью.

¹¹⁴ *Арнольди* (умер 1945) — член парижского РДО, военный писатель, член «Группы Сопротивления русских патриотов» в Ницце.

¹¹⁵ Милюков имеет в виду выпускаемый Кусковой с С.Н.Прокоповичем и В.Я.Богучарским журнал «Без заглавия», в котором соединялись идеи демократизма, социализма и либерализма, что создавало возможность некоторой аморфности политических требований.

¹¹⁶ *Кутлер Н.Н.* (1859—1924) — юрист, в 1892—1904 гг. вице-директор Департамента окладных сборов Министерства финансов; в 1904—1905 гг. — министр внутренних дел, в 1905 г. — товарищ министра финансов и управляющий государственным Дворянским и Крестьянским земельными банками; член ЦК партии кадетов. С 1919 г. начал сотрудничать с Советской властью, участвовал во Всероссийском комитете помощи голодающим, в подготовке и реализации денежной реформы 1922—1924 гг. *Сокольников* (наст. фамилия *Бриллиант*) *Г.Я.* (1888—1939) — большевик, состоял на советской, дипломатической и хозяйственной работе. Формула Кусковой Кутлер-Сокольников означала пример плодотворного сотрудничества с Советской властью. Милюков возражал: «Кутлер был, — писал он, — не политик, а спец. Он был убежден... что из советского управления все равно ничего не выйдет, но добросовестно применял свои познания, т.к. «надо же существовать». Это не коалиция, а частная служба» (Милюков П.Н. Вокруг да около // Последние новости. 1926. 1 апреля).

¹¹⁷ *Гиддингс Ф.* (1855—1931) — американский социолог.

¹¹⁸ Речь идет о работе над новым дополненным изданием «Очерков по истории русской культуры» Милюкова. Первый том этого издания вышел в свет в 1937 г.

¹¹⁹ *Эррио Э.* (1872—1957) — лидер французской партии радикалов. Премьер-министр в 1924—1925, 1926, 1932 гг. Правительство Эррио в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР и в 1932 г. подписало договор о ненападении.

¹²⁰ Речь идет о конституции СССР 1936 г.

¹²¹ *Нина Васильевна Лаврова* — вторая жена П.Н.Милюкова.

¹²² *Гарви М.* (1887—1940) — американский ученый, проводил идеи переселения негров в Африку.

¹²³ Имеется в виду Манифест 17 октября 1905 г.

¹²⁴ *Петров А.Л.* (1859—1932) — историк-славист, профессор Петербургского (Петроградского) университета. С 1922 г. жил в Праге, где преподавал в университете, работал также в архивах Словакии и Венгрии.

¹²⁵ *Солоневич И.Л.* (1891—1953) — публицист, писатель.

¹²⁶ О ком идет речь, неизвестно.

¹²⁷ *Каменев* (наст. фамилия *Розенфельд*) *Л.Б.* (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель.

МАСТЕРА РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ И ЕЛЕНА ИОАСАФОВНА ДРУЖИНИНЫ

Вторую фотолетопись в рубрике «Мастера русской историографии» редакция журнала «Исторический архив» планировала посвятить выдающемуся ученому, академику Н.М.Дружинину (1886-1986). Коллеги-историки единодушно высоко оценивали научные и человеческие качества Николая Михайловича, считали его примером бескорыстного служения Отечеству, музе Клио. В день 100-летнего юбилея Дружинина известный археолог, академик Б.А.Рыбаков справедливо назвал его праведником исторической науки.

12 сентября 2000 г., предварительно созвонившись, я навестил Е.И.Дружинину. К моему приезду на столе в гостиной уже лежали сотни фотографий. В течение нескольких часов мы отобрали те из них, которые наметили включить в «Фотолетопись». Подолгу рассматривая каждую фотографию, Елена Иоасафовна вспоминала наиболее яркие эпизоды почти 40-летней совместной жизни с Николаем Михайловичем.

К сожалению, это была моя последняя встреча с Е.И.Дружининой. Уже в тот день было видно, что Елена Иоасафовна, которой шел 85-й год (она родилась 11 апреля 1916 г.), очень слаба. Ровно через три месяца, 12 декабря 2000 г., она скончалась. Настоящей публикацией мы отдаем дань памяти и уважения не только Н.М.Дружинину, но и его жене и другу Елене Иоасафовне — военной переводчице в 1941—1944 гг., крупному специалисту в области внешней политики, социально-экономической истории России XVIII—XIX вв., члену-корреспонденту АН СССР (РАН).

В подборку включены фотоматериалы, отражающие основные вехи жизненного и творческого пути Н.М. и Е.И.Дружининых. На публикуемых фотографиях — прапорщик Дружинин, избранный после Февральской революции председателем полкового комитета в Мариуполе, Николай Михайлович среди руководителей отделений Политпросвета военкомата Москвы и Московской губернии в 1920 г. и в группе членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и артистов Историко-революционного театра в 1932 г., Елена Иоасафовна на Волховском фронте в 1942 г., Дружинины в Риме на X Международном конгрессе исторических наук в 1955 г., они же среди друзей и коллег (в их числе — академики С.Л.Тихвинский, Л.В.Черепнин и др.), на даче в чудесном уголке Подмосковья в Мозжинке, грамота Президиума АН СССР, врученная Н.М.Дружинину в день его 100-летия.

Разрабатывая проблемы историографии, нам еще предстоит осмыслить путь, пройденный отечественной исторической наукой в XX столетии. В числе лучших ее достижений — труды Н.М. и Е.И.Дружининых, которые и сегодня привлекают внимание как специалистов, так и любителей истории.

Публикацию подготовил доктор исторических наук А.А.ЧЕРНОБАЕВ.

Н.М.Дружинин —
участник Февральской революции.
Мариуполь. 1917 г.

Руководство Политпросвета военкомата Москвы и Московской губернии.
Крайний справа Н.М.Дружинин. 1920 г.

Члены Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и артисты
Историко-революционного театра. Сидит крайний справа Н.М. Дружинин. 1932 г.

Н. М. ДРУЖИНИН
Академик

ТРУД И БЫТ
ЭВАКУИРОВАННЫХ
ИСТОРИКОВ
в 1941—1943 гг.

1946 г.

В ГОДЫ ВОЙНЫ

статьи и очерки

Академики: Б. Б. Шохровский
И. М. Дружинин
М. П. Печенин
А. М. Савосина
Член-корреспондент АН СССР
Е. И. Дружинина
Доктора исторических наук:
Л. Н. Пуншарев
В. А. Дунаевский
А. И. Алексеев
А. Н. Мерляков
К. Н. Гарюковский
А. В. Басов
С. С. Хосия
Ю. П. Шаранов
Кандидаты исторических наук:
Л. М. Гаврилов
Б. В. Фарбитов
Кандидат технических наук
П. А. Пельцов

Издательство «Наука»

октября 1941 г. после ночного
а своем столе короткую запис-
ем сектора Академии наук. Со-
щее: «Сегодня в два часа дня
оллектив из Академии наук.
сопровождении предназначен-
ников и с багажом на сборном
емин». Записка была помечена
до того, как дошла до меня.
ации сроки нередко меняются,
спиранты предложили узнать,
й состав или ожидает своей
ить, что все железнодорожные
о время эшелонами с оружием,
Вскоре выяснилось, что наме-
юскве и должен отправиться
вая волна эвакуации из сто-

везли матерей с детьми. Их раз-
зьянским семьям, в восточных
Вторая волна эвакуации была
едена в середине октября, ког-
рвался к столице и находилась
рль проходила третья волна эва-

25

Е. И. ДРУЖИНИНА
Член-корреспондент АН СССР

ВОСПОМИНАНИЯ
ВОЕННОЙ
ПЕРЕВОДЧИЦЫ

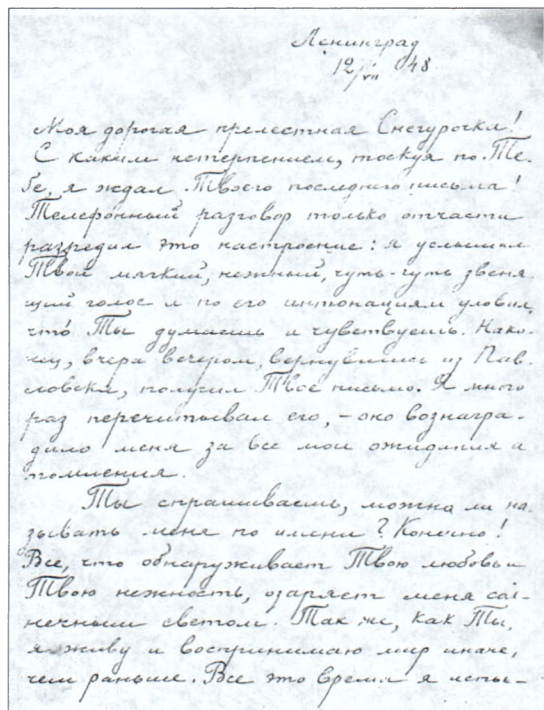

Е.И.Чистякова (Дружинина)
на Волховском фронте. 1942 г.

Мое решение работать переводчицей на фронте не было чем-то внезапным и неожиданным. Оно было подготовлено всей обстановкой предвоенного десятилетия и некоторыми обстоятельствами, связанными с моим образованием и воспитанием.

Когда в Германии была установлена фашистская диктатура, я была студенткой экскурсионно-переводческого отделения Московского института новых языков¹, в который поступила по окончании школы-семилетки в 1931 г. Могли ли мы, студенты «немецких» групп, не следить с напряженным вниманием за положением в стране, язык которой изучали? Мы старались разобраться, почему в Германии, давшей миру К. Маркса и Ф. Энгельса, Шиллера и Гёте, бесчинствуют мракобесы, жгут книги, полирают свою собственную и чужую культуру. Почти на всех занятиях в той или иной связи ставились вопросы о сущности германского фашизма, о его агрессивности и судьбе поработенных им народов. Мы декламировали стихи поэта-антифашиста Эриха Вайнера, читали с глубоким волнением пьесу Фридриха Вольфа «Профессор Мамлок» о трагической судьбе врача-еврея в фашистской Германии. Мы ненавидели фашизм, но знали, что

¹ Ныне Московский государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза.

Автограф письма Н.М.Дружинина Е.И.Дружиной. 1948 г.

На отдыхе в Крыму. Стоит крайний справа Н.М.Дружинин. 1951 г.

Н.М.Дружинин на X Международном конгрессе исторических наук. Рим. 1955 г.

Н.М. и Е.И.Дружинины на X Международном конгрессе исторических наук. Рим. 1955 г.

Н.М. и Е.И.Дружинины в Мозжинке. 1956 г.

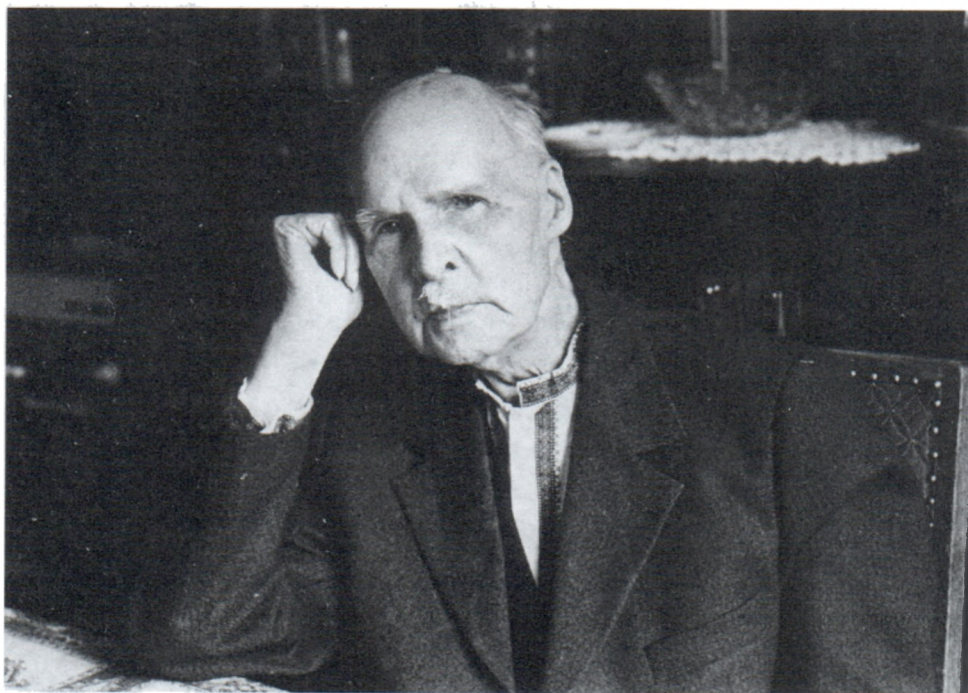

Н.М.Дружинин в Мозжинке. 1960-е гг.

Н.М. и Е.И.Дружинины среди
коллег-историков.
1960–1970-е гг.

Н.М.Дружинин. 1979 г.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Президиум Академии наук СССР сердечно приветствует и поздравляет Вас — выдающегося советского ученого, одного из основателей и виднейших представителей советской исторической школы, со знаменательным событием в Вашей жизни — 100-летием со дня рождения. Вы — старейшина советских

Вице-президент
Академии наук СССР
академик

Главный ученый секретарь
Президиума Академии наук СССР
академик

13 января 1986 г.

движение и участвовали за-

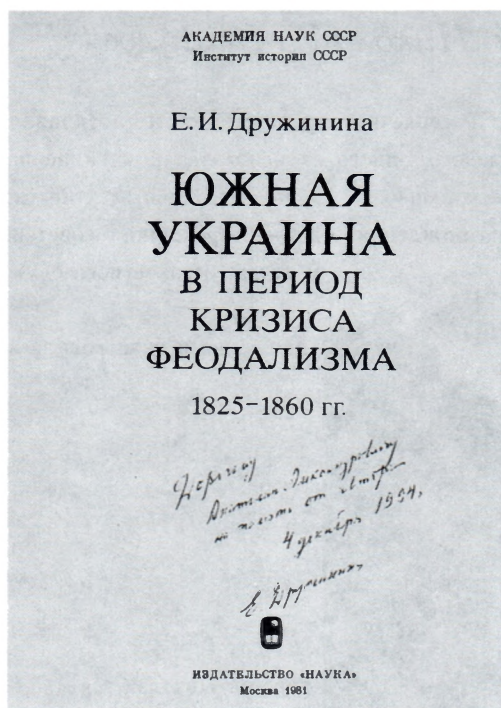
СССР.

дорогой Николай Михайло-
вественному деятелю, доб-
еских замыслов на благо со-

Александр
А. П. Александров

Федосеев
П. Н. Федосеев

Скрябин
Г. К. Скрябин

Е.И.Дружинина в Мозжинке

«КРЕПОСТНОЕ ПРАВО РАЗВРАЩАЛО И РАБОВ, И ГОСПОД»

Главы из рукописи Н.И.Кареева
«О причинах культурной отсталости от Запада». 1920-е гг.

В декабре 2000 г. исполнилось 150 лет со дня рождения выдающегося русского историка Н.И.Кареева (1850—1931), автора множества исследований, посвященных различным проблемам обществоведения. Сфера его интересов охватывала историю стран Западной Европы, философию истории, социологию, проблемы преподавания общественных дисциплин. До революции 1917 г. работы Кареева широко издавались и переиздавались в России и за ее пределами. С середины 20-х гг., по выражению Николая Ивановича, для него наступают «закатные годы»: прекращается издание работ историка, ему запрещают заниматься преподавательской деятельностью. Однако Кареев, несмотря на почтенный возраст, не оставляет научных занятий. В эти годы он создает труды, интересные и актуальные по сегодняшний день. Основная их часть находится в Отделе рукописей РГБ (Фонд 119). В общей сложности в архивах и отделах рукописей библиотек Москвы и Санкт-Петербурга хранится более 12000 листов научного наследия ученого, значительная часть которого представляет законченные произведения.

Н.И.Кареев известен, прежде всего, как историк-«всеобщник», специалист по новой и новейшей западноевропейской истории. Но имеются у него и работы, посвященные различным проблемам российской истории. Среди них наиболее известны монографии и статьи: «Главные антропоморфические боги славянского язычества» (Воронеж, 1872); «Историческая философия гр. Л.Н.Толстого в «Войне и мире» (М., 1888), «В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России. По поводу теории Павлова-Сильванского» (СПб., 1910). В Отделе рукописей РГБ хранится исследование «О причинах культурной отсталости от Запада». Работа представляет собой автограф, созданный, по всей видимости, после 1923 г. Кроме того, имеется значительное количество рукописных выписок и заметок по различным периодам российской истории, в основном они датированы 1917 г. и более поздними годами. Став свидетелем и непосредственным участником революционных событий, Кареев пытался, что называется, по горячим следам, изучить их роль и значение, понять причины установления в стране нового политического строя.

«О причинах культурной отсталости от Запада» — комплексное исследование основных, ключевых моментов российской истории. Как правило, труды Кареева насыщены значительным количеством фактического материала, эта же рукопись представляет собой компактное аналитическое исследование. Внимание автора сосредоточено на магистральных направлениях исторического развития страны. В работе показана историческая обоснованность и многовековая глубина культурного, социального и экономического отставания России. Вместе с тем Кареев последовательно проводит мысль о единстве исторического развития Европы и России.

Содержание исследования охватывает проблемы, далеко выходящие за границы темы, обозначенной в названии, и соответствует основным положениям фило-софско-исторической концепции ученого. Не ставя перед собой задачу детально анализировать историософию Кареева, выделим ее главные моменты, последовательно развивавшиеся ученым на протяжении всей научной деятельности: исторический материал интерпретируется им с точки зрения теории факторов; основное внимание уделяется социально-культурным факторам; исторические факты оцениваются с точки зрения прогресса или регресса; основным содержанием новой и новейшей истории ученый считал тенденцию европейских стран к объединению; единая европейская цивилизация рассматривалась им как отдельное явление всемирной истории нового и новейшего времени; Россия является неотъемлемой частью европейского пространства.

Первая и вторая главы рукописи посвящены анализу историко-географических условий, обозначивших самобытность и своеобразие истории России, о чем свидетельствуют их названия: «Территориальные условия русской истории»; «Необходимость различия между историей страны и историей народа» (Ф. 119. К. 37. Ед. хр. 3, 4). Далее, в конкретно-исторической части работы, автор сосредотачивает внимание на следующих крупных темах российской истории: «Принятие христианства южными и восточными славянами из Византии и западными из Рима»; «Судьба западной Руси в эпоху монгольского ига в восточной...»; «Культурная связь истории Великой России с начальной историей России»; «Сравнение установления и прекращения крестьянской неволи у нас и на Западе»; «Московское самодержавие и западноевропейский абсолютизм» (Там же. Ед. хр. 5, 7—10). Затем следует глава «Общеввропейское значение французской революции» (Там же. Ед. хр. 11). В ней автор рассматривает влияние революции 1789 г. на европейские страны и Россию. Завершается рукопись главой «Социологические законы и исторические условия культурного развития» (Там же. Ед. хр. 12).

На наш взгляд, наибольший интерес представляют публикуемые в журнале восьмая и девятая главы этого труда, посвященные изучению причин возникновения и прекращения крестьянской неволи в России и в странах Запада, а также сравнению московского самодержавия и западноевропейского абсолютизма. В этих, к сожалению, не завершенных разделах, автор затрагивает наиболее значимые проблемы в истории России. Кроме того, их содержание связано с основными темами творчества Н.И.Кареева. На протяжении многих лет ученый обращался к истории французского крестьянства. Наибольшую известность получила его магистерская диссертация «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Что касается просвещенного абсолютизма, то Кареев одним из первых, среди российских историков, исследовал его как самостоятельную политическую форму¹.

Несмотря на определенную фрагментарность рукописи «О причинах культурной отсталости от Запада», ее содержание свидетельствует о дальнейшем развитии творческого метода и историософской концепции Н.И.Кареева.

Материал публикуется по правилам современной орфографии, с сохранением стилистических особенностей рукописи. Слова и части предложений, которые не удалось разобрать, обозначены квадратными скобками. Слова, подчеркнутые в оригинале, даны курсивом.

Публикацию подготовила Ю.В. ДУНАЕВА.

¹ См.: Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII вв. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб., 1908.

Глава VIII. Сравнение установления и прекращения крестьянской неволи у нас и на Западе

Сравнение установления и прекращения крестьянской неволи у нас и на Западе. — Закрепощение крестьян в Чехии, Венгрии и в Польше. — Социально-экономические условия, создавшие и поддерживавшие крепостное право в России. — Крепостное право, как один из больших тормозов культурного развития. — Его деморализующее влияние на рабов и на господ. — Его экономическая «невыгодность».

Большим препятствием для культурного развития России было существование в ней в течение не менее двух с половиной веков (с конца XVI до середины XIX вв.) крепостного состояния крестьян. Такое состояние сельского населения было известно, в свое время, и Западной Европе, но там оно исчезло раньше, чем у нас, в общем, тем раньше, чем западнее лежала страна, в которой переставало существовать крепостное состояние. У ближайших соседей России на Западе оно было отменено только в XIX столетии: в Варшавском Великом княжестве (будущем Царстве Польском) и в Пруссии в 1807 году, в Австрии в 1848, это значит за пятьдесят четыре года и на тринадцать лет раньше отмены русского крепостного права в 1861 году.

И самое закрепощение не за [...]а сельского населения у нас произошло, впрочем, позже, нежели на Западе. В романских странах крепостное состояние крестьян было открыто великой Римской империей, в которой образовался так называемый колонат, с одной стороны, заменивший плантаторское хозяйство, обрабатывающее землю посредством рабов, этого невольничьего пролетариата, с другой — создавший класс свободных земледельцев, сидевших на мелких участках. Колонов можно сравнить с крестьянами-арендаторами помещичьей земли, но только прикрепленных к этой земле и поставленными под власть ее владельцев^б. Образование колоната при развитии крупной земельной собственности за счет мелкой, и уменьшения количества рабов было результатом естественной эволюции, к которой пришли на помощь государственная

^а Слово неразборчиво.

^б Первые три строки зачеркнуты автором, далее идет текст: «...тесно связано с вопросом о самодержавии. Это - две параллельные силы, кои развивались вместе. У того и другого одно историческое начало, законность их одинакова... Крепостное право существует каково бы ни было [так в тексте], и нарушение его повлечет за собой неудовольствие дворянского сословия, которое будет искать себе вознаграждение где-нибудь, а искать негде, кроме области самодержавия... Правительство не приобретет ничего посредством этого действия. Низший класс и теперь ему предан, а бояться его ни в коем случае нечего... Правительство не приобретет ничего, а потерять может много. Другая оппозиция опаснее ему». Последние две строчки зачеркнуты автором: «1) Приведено по Барсукову¹ в V т. «Истории России» М.Н.Покровского², стр. 50» (Примеч. Н.И.Кареева).

власть, превратившая колонат в правовое учреждение в ту эпоху, когда в Римской империи в интересах фиска, т.е. государственной казны, сами землевладельцы прикреплялись к своим местам. В Римской империи это была эпоха общего упадка, завершившегося падением античной цивилизации, когда бюрократическая государственность закрепощала все население, не одних только крестьян. Колонат удержался и в варварских государствах, и сделался (под названием серважа, во Франции) одною из составных частей феодального строя, с которым, в одно время, и стал постепенно исчезать, не в силу каких-либо общих законодательных актов, а в зависимости от эволюционного социального процесса. Я напоминаю здесь эту историю образования колоната-серважа в виду того, что аналогичный процесс произошел и в Московском государстве в эпоху крестьянского закрепощения.

Разные виды крестьянской несвободы позднее развились и в германских странах. Заслуживает внимания то обстоятельство, что чем далее мы будем подвигаться на восток, тем позже крепостное право не только исчезало, но и устанавливалось. Это указывает на действие некоторых общих причин, прежде всего, экономического свойства, некоторых одинаковых условий, в какие было поставлено сельское хозяйство в этих странах. Не касаясь владений двух немецких рыцарских орденов, Тевтонского и Ливонского³, подчинивших своей власти и закрепостивших литовское и финское население Балтийского побережья, бросим взгляд на Чехию, Венгрию и Польшу, где прикрепление крестьян к земле произошло раньше, чем это было в Московском государстве.

Мы все, из элементарных учебников истории, знакомы с гуситским движением⁴ в Чехии первой половины XV в., с его религиозным и национальным характером; не менее известна его социальная подкладка, поскольку в движении выразился протест начавшей закрепощаться народной массы. Несколько позднее против такого же процесса произошло большое крестьянское восстание в Венгрии, быстро усмирненное, и повлекшее за собой издание сеймом государственного закона, обращавшего крестьян в рабство на вечные времена (15)^a. Тогда же, в конце XIV, XV вв. и начале XVI в. ряд сеймовых постановлений в Польше ограничил прежние права крестьянского населения и расширил, наоборот, права землевладельческой шляхты. Польские порядки не замедлили распространиться на Белоруссию и Украину, где, как в Пруссии и в Литве притом, землевладельческий класс стал принадлежать к другой, нежели крестьянство, национальности. Чехия, Венгрия и Польша были сословными монархиями, в которых первенствующее значение принадлежало военно-землевладельческому дворянству.

У ближайших западных соседей Московского государства, в польско-литовской Речи Посполитой, крепостничество стало утверждаться приблизительно целым столетием раньше, чем в Великороссии. Московское государство не было сословной монархией в западноевропейском смысле. В нем утверждался абсолютизм, самодержавие, которое

^a Так в тексте.

вступило при Иване Грозном⁵ в борьбу с сильным землевладельческим боярством и одолело его, опираясь на народную массу и на служилое сословие, которое вознаграждалось земельными пожалованиями. Земские соборы, которые можно сравнить с западными государственными сеймами, были на первых порах не представительством самостоятельных сословий, с признанными за ними правами, а съездами правительственных слуг на местах.

Отношения между властью и землевладельческим сословием здесь сложились иначе, нежели в Чехии, в Венгрии, в Польше. Там в эту эпоху монархия была избирательною, тогда как московский царь был вотчинник, наследственный владелец; там сеймы ограничивали королевскую власть, которая в Польше даже сводилась, что называется, на нет; там дворянство стремилось быть западным рыцарством, воспринимая нравы, обычаи, взгляды высшего слоя феодального общества; там они закрепощали народную массу своею собственною силою, самостоятельно участвуя в государственном властвовании. Московское дворянство в эпоху закрепощения великорусского крестьянства было служилым сословием, которое царь жаловал своими милостями и которое само считало себя государственными холопами. Несмотря на эту разницу, результат получился тот же. В Чехии, в Венгрии, в Польше паны сами закрепощали крестьян в интересах своего сословия, в Московии делало то же самое в своих интересах государство, не имевшее иных способов для вознаграждения своего служилого сословия. В Польше рост крепостничества шел рука об руку с постепенным падением королевской власти, в московском и петербургском периодах русской истории рука об руку рост самодержавия и крепостного права. В необычайно удачное царствование Екатерины II⁶, одной из представителей просвещенного абсолютизма, крепостное право достигло своего кульминационного пункта: вспомним широкую раздачу в частные владения государственных крестьян, распространение крепостного права на Малороссию, сохранение его в областях, отошедших к России или Польше, усиление вместе с тем власти помещиков, переставших быть обязательно служилым сословием, да не забудем, кстати, и победу над пугачевщиной, этим повторением разиновщины⁷, двух наиболее крупных народных протестов против крепостничества в XVII—XVIII вв.

Остановимся несколько на [...] ^a условиях, создавших у нас и потом поддерживавших крепостное право. Наши историки, говоря о его происхождении, выдвигают на первое место его связь с прежде существовавшим холопством, т.е. юридическим положением частно-правового характера, причем, роль государства в этом деле ограничивают простым признанием фактически сложившихся социально-экономических отношений. Но мы имеем аналогичное образование русского крепостного состояния, возникновение так называемого колоната в поздние времена Римской империи. Это было также прикрепление крестьянского населения к помещичьим имениям, в конце концов, созданное государст-

^a Несколько слов зачеркнуты автором.

венной властью, которая взяла на себя «реорганизацию общества в систему политически соподчиненных сословий»^а. Ведь и Московское государство, как и Римская империя Диоклетиано-Константиновской^в эпохи, закабаляло отдельные общественные классы, как служило-тягловые сословия в казенных (фискальных) интересах.

О крепостном праве у нас зашла речь, как об одном из тормозов культурного развития России. Оно, действительно, явилось тормозом, многообразно задерживавшим это развитие в разных отношениях. Возникши на почве удовлетворения хозяйственных потребностей, как форма возникшая в известных условиях быта, оно впоследствии стесняло его дальнейшее развитие, переросши тогда естественная эволюция^б, сделала эту форму именно тормозом. В конце концов, крепостное право, поддерживавшееся всей силой самодержавной государственной власти, ею же самую, как и наиболее понимавшими дело дворянами, было признано прямо в хозяйственном отношении невыгодным. С этой точки зрения, свободный труд, как более производительный, стал противоплагаться труду крепостному, подневольному. Заговорили об этом еще в середине XVIII в., когда и на Западе начался теоретический поход в защиту свободного труда, как более выгодного экономически. Но как трудным казалось власти тронуть эту основу нашего строя. Севастопольская война^г середины XIX века воочию обнаружила всю нашу отсталость в экономическом отношении. Уничтожение крепостного строя сделалось первою предпосылкою возможности дальнейшего экономического развития России. Между тем крепостничество до такой степени въелось в нашу жизнь, что при помощи подневольного труда не только велось у нас сельское хозяйство, как это делалось в прежние времена и в других странах, но тем же способом на той же основе хотели строить добывающую и обрабатывающую промышленность, развитию которых тоже препятствовало крепостное право.

Крепостная неволя получила у нас название крепостного «права», будучи на самом деле отрицанием всякого права настоящим бесправием. Оно делало значительную часть населения настоящими рабами, что особенно проявилось в том положении, какое занимали так называемые дворовые люди, прежде всего крепостные лакеи и горничные, повара и кучера, мамки и няньки, затем состоявшие собственностью помещика ремесленники, как-то сапожники, портные, портнихи, прачки, ткачи, шорники, кузнецы, слесари, кружевницы, далее — всякие несвободные должностные лица, вроде бурмистров, старост, приказчиков, конторщиков, наконец, даже специально обученные для господских надобностей фельдшеры, музыканты, живописцы, актеры. Одни из этих дворовых

^а Слова проф. Д.М.Петрушевского^д в статье «Феодализм и современная историческая наука» в сборнике «Из далекого и близкого прошлого». 1923. С. 115. Автор удивляется, почему наука русской истории игнорирует эту аналогию и даже «не без иронии относится к мысли видеть в крепостном праве государственный институт, созданный государственной властью» (Примеч. Н.И.Кареева).

^б Так в тексте.

рабов непосредственно служили своим господам, другие отдавались за оброк; одни свободно отдавались в ученики кому заблагорассудится ба-рином или отпускались и нанимались у кого угодно за платеж оброка, даже самостоятельно работать; причем, всякая собственность, приобретаемая крепостным каким-либо промыслом и торговлей, de jure принадлежала господину. Крепостные произвольно переводились в дворовые, и существовала настоящая продажа людей другим господам. Это бесправие было фундаментом общего бесправия, царившего в жизни, хотя за другими сословиями, у которых сначала были только одни обязанности, стали признаваться и некоторые права. В XVIII веке у нас началось раскрепощение высших сословий, начиная с дворянства, получившего известные «вольности», но крестьянство оставалось в прежнем бесправии. Пока существовало крепостное состояние, нечего было думать о прочном правовом развитии.

Крепостное состояние развращало и рабов, и господ. Оно держало народные массы в унижении и невежестве. Жизнь крепостного, по воле помещика получившего некоторое образование, была подчас настоящей трагедией (вспомним хотя бы Шевченко — художника и поэта)¹¹. Сколько в народной массе погибло дарований, не только не имевших [...] ^a и не могли проявиться. Возьмем хотя бы истинно великого Ломоносова¹², счастье которого заключалось в том, что он не был из помещичьих крестьян. С другой стороны, крепостной труд и бесправие рабов создавали для господ возможность сытой и праздной жизни без всякой работы, забот и хлопот, с развитием в худших натурах дикого произвола, часто необычайной жестокости, полного разгула низменных страстей и величайшего разврата. Прежде была обязательной служба дворян государю, но со второй половины XVIII века она перестала быть обязательной. Не будь у нас европейского образования, прививавшегося сначала к служилому сословию насильно, трудно себе представить, откуда взялись бы все эти деятели русской литературы и просвещения, вся эта дворянская интеллигенция, на смену которой только в середине прошлого столетия пришел «разночинец». Долгое время, однако, некоторые либеральные профессии (медицина, профессура, театр и т.п.) считались недостаточно «благородными» для настоящего дворянина из «хорошей фамилии». Если бы по-старому государственная служба не считалась прямым дворянским делом, и даже не было сословных привилегий дворянства, если бы для занятия в ней сколько-нибудь видных мест не требовалось образования, если бы в дворянской среде не развивался вкус к умственным занятиям, в нашем тогдашнем общественном строе, вне дворянского сословия разве только в духовенстве могла развиваться умственная деятельность.

Живя со времени освобождения от обязательной службы в своих поместьях, сельские дворяне также мало и плохо сами занимались своим хозяйством, и плохо его вели [...] ^b, предоставляя все действию рути-

^a Слово неразборчиво.

^b Слово зачеркнуто автором.

ны. Пока крестьяне приходили на барщину и отбывали кое-как свою обязательную работу без всякого компетентного руководства, по старине, не чувствовалось нужды ни в какой агрономии. Выездные и верховые лошади, легавые и борзые собаки, охота — вот около чего вращались интересы и разговоры помещичьего класса, жившего на даровых хлебах. Сельскохозяйственная культура в такой земледельческой среде была в полном пренебрежении, что отзывалось на всем экономическом быте, а [...] ^а поместья праздности, сделавшиеся помещичьем бытовым явлением, создавало то сонное царство, которое символизировалось в знаменитом сне Обломова¹³. Крепостной труд и даровой хлеб создавали ту ленивую, усыпляющую атмосферу, в которой жило и воспитывалось русское общество^б.

Крепостной труд в России до середины XIX века существовал не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, как добывающей, так и обрабатывающей, и равным образом, в деле транспорта. К заводам и промыслам для принудительного труда были приписаны государственные крестьяне или нижние чины, а также в работах принимали участие и крепостные крестьяне (вотчинные и посессионные), как были крепостные и на фабриках, да и вольнонаемные в значительной мере были крепостными, прикрепленными на оброк. К концу крепостного права вотчинных рабочих на фабриках было тысяч сто, посессионных — тысяч десять-пятнадцать, но сколько было крепостных среди вольнонаемных — неизвестно^в.

При оценке отрицательного значения крепостного права в прошлом русского народа нельзя не иметь в виду той тесной связи, которая с его возникновением до его падения образовалась между ним, с одной стороны, и самодержавием, с другой. Известная уваровская формула «православие, самодержавие и народность»¹⁶ более соответствовала бы действительности, если бы ее третий член «народность», был заменен термином «крепостничество», как это уже не раз указывалось с легкой руки Пыпина¹⁷. Эту связь самодержавия и крепостного права можно проследить в течение целых веков. Она установилась еще в середине XVII столетия. Соборное уложение 1649 года окончательно закрепостило крестьян за поместно-служилым сословием, которое на соборе 1648 года, так

^а Слово неразборчиво.

^б О губительных последствиях крепостного права для культурного развития или в отношениях экономическом и финансовом, политическом и моральном см. еще лекции LXXXIV—LXXXVII в пятом томе «Курса русской истории» В.О.Ключевского¹⁴ (1921 г.) (Примеч. Н.И.Кареева).

^в См.: К.А. Пажитнов¹⁵. Положение рабочего класса в России (1923). Т. 1. С. 16—17, 33, 40, 42, 47—49 и вообще вся глава II. См. также гл. VIII о рабочей дисциплине. В первой половине XIX в. рабочий класс «значительно еще отличался от современного промышленного пролетариата... На нем тяготели оковы крепостного права... Рабочий был не только субъектом, сколько объектом — и это не столько по отношению к государственной власти, но даже по отношению к частным лицам, занимавшимся «промышленной деятельностью» (Примеч. Н.И.Кареева).

сказать, продиктовало свою волю правительству, но потом само отказалось от политической свободы в пользу неограниченной царской власти и ее бюрократических органов. «То самое закрепощение, — говорит один новейший историк, — которое дало прочную базу для экономического благосостояния дворянства, отняло у него и желание, и возможность добиваться формального ограничения царской власти. Это, — продолжает он, — кажется с первого взгляда парадоксом, но объясняется тем основным фактом, что крестьяне никогда не мирились спокойно со своим подневольным состоянием, и удерживать их в нем было не так просто. Идея, что помещики и вотчинники для крестьян не вековечные владельцы, что настоящим их владельцем является сам царь, высказывалась еще в начале XVIII века... Мысль о царе, бесконечно далеком, но добром и настолько могущественном, чтобы в любой момент выгнать помещика и вернуть крестьянам все, что отнято у них этим разорением, играла огромную роль в [...]»^а их политическом мировоззрении. И это знали и чувствовали все: сознание, что царская власть держит в своих руках его свободу, что достаточно одного царского слова, чтобы началась резня господ, связывало дворянство, отнимало силу у его политических претензий. Самодержавная царская власть нужна, чтобы удерживать крестьян в крепостном состоянии — эта мысль глубоко и надолго вошла в сознание дворянства. Усевшись на спине мужика, помещик стал холопом государя»^б. [...]» Восстания под предводительством Разина в XVII веке и Пугачева в XVIII веке только усиливали эту тенденцию. «В тот момент, — читаем мы у одного современного историка, — когда, казалось, оставалось только увенчать здание (т.е. создать дворянскую конституцию), обнаружилось, что под ним уже нет фундамента. Пугачевский бунт наметил первый сдвиг почвы, и с тех пор непрерывно тряслось то там, то сям. Пришлось строить спешно оборонительную систему, чтобы защищаться уже не от деспотизма сверху, а от революции снизу. В этой лихорадочной работе были брошены мало-помалу за борт все заветы предшествующего поколения». [...]»^г «Возмущения злодея Пугачева», по выражению того же историка, положили конец дворянским «измышлениям». «Последние три четверти столетия русской истории проходят под знаком пугачевщины», — прибавляет он. [...]»^д «После пугачевской помещицкой России, — говорит он еще, — России, вкусившей от сладости нового барщинного хозяйства, рекой лившего золото в дворянские карманы, не нужно было ни оброчного мужика (всегда «утаивавшего свои доходы от барина»), ни аристократической конституции, стеснявшей центральную власть. Для того, чтобы

^а Строчка зачеркнута автором.

^б С.И.Тхоржевский¹⁸. Народные волнения при первых Романовых (1924), стр. 141—143 (Примеч. Н.И.Кареева).

^в Три строчки зачеркнуты автором.

^г Строчка зачеркнута автором.

^д Три строчки зачеркнуты автором.

везти хозяйство по-новому, нужен был крепостной мужик, порабощенный больше, чем когда бы то ни было, и железный полицейский порядок, который обеспечивал бы власть барина над этим мужиком»^а. [...] ^б

Автор приведенной формулы Уваров был министром Николая I¹⁹, и вот какие слова записал известный историк М.П.Погодин²⁰, слова, показывающие, что, говоря о народности, он думал о крепостничестве: «Вопрос о крепостном праве, именно говорил он Погодину, [...]»^в

Глава IX. Московское самодержавие и западноевропейский абсолютизм

Московское самодержавие и западноевропейский абсолютизм. — «Просвещенный абсолютизм» петровской реформы. — Приобщение России к западноевропейской цивилизации. — Консервативная оппозиция против сближения с Западом. — Значение русской территориальной экспансии в западную сторону. — Включение в Российскую империю областей с культурой западноевропейского происхождения. — Культурная роль немцев в России.

Отчуждение России от европейского Запада окончилось в эпоху Петра Великого²¹, когда началась «европеизация» России, превратившая ее в европейское государство. Правительственная деятельность при этом играла первенствующую роль. Это на Западе была эпоха полного развития абсолютизма в различных его формах и оттенках. В московском самодержавии было много общего с западным абсолютизмом, и Петр Великий заимствовал с Запада все, что было совместимо с традиционным, московским царским самодержавием. Он строил государство по европейским образцам, но подражал далеко не во всем, примерам, подававшим политикой абсолютизма.

В истории абсолютной монархии можно различить несколько периодов. Абсолютизм эпохи Ренессанса²² отличался совершенно светским характером, особенно у итальянских [...] ^г того времени. Государи первой половины XVI века были политиками, не подчинявшимися общему направлению своей деятельности церковным требованиям. Одни из них разорвали связи своих государств с католицизмом, другие прятали у себя протестантов, помогали им за границей, да и преследовали—то отпадавших от церкви не из-за религиозного фанатизма, а по чисто политическим мотивам. Во второй половине XVI в. на смену абсолютистам-политикам пришли абсолютисты-фанатики, действовавшие заодно с католической реакцией, в ее интересах, под ее руководством. Эта политика продолжалась и в XVII в., и возобладала даже во Франции, где Генрих IV²³ и кардинал Ришелье²⁴ были в религиозном вопросе просто политиками, а Людовик XIV²⁵, конец царствования которого приходится

^а М.Н.Покровский. История России. IV, 38, 125, 142 и 245 (Примеч. Н.И.Кареева).

^б Абзац вычеркнут автором.

^в На этом текст 8-й главы обрывается.

^г Слово неразборчиво.

на эпоху Петра Великого, пошел по пути абсолютистов-фанатиков вроде испанских и австрийских Габсбургов²⁶. Отмена Нантского эдикта, гарантировавшего западноевропейским протестантам веротерпимость, произошла в 1685 году, за четыре года до начала единодержавия Петра. Не по пути вероисповедного абсолютизма пошел царь-преобразователь, преследовавший у себя раскольников не в силу религиозного фанатизма, и очень широко раскрывший доступ к государственной службе разным иноверцам, приходившим по его зову строить новую Россию. В этом отношении он был абсолютистом—политиком, какими были курфюрсты Бранденбургские²⁷ (они же в XVIII веке короли Прусские) до него и после него, кончая королем—философом Фридрихом II²⁸. Это была в России эпоха, когда русские стали приучаться к веротерпимости, и духовная власть утратила прежнее свое влиятельное положение по отношению к светской культуре. Другими словами, началась эмансипация от прежней богословско-церковной опеки, очень много мешавшей развитию у нас светской умственной культуры.

Если историческому термину «просвещенный абсолютизм» придать распространительное толкование, не ограничивая его применением к государям и императорам второй половины XVIII века, когда в литературе передовых стран господствовало так называемое «просвещение» (Aufklärung) в смысле рационалистической философии, то «просвещенным деспотом» может быть назван, да многими так и называется, Петр Великий, хлопотавший о просвещении своих подданных. Это просвещение было не церковным, не гуманитарным, как в эпоху Ренессанса, не художественно-придворным, как во Франции при Людовике XIV, а чисто техническим образованием. Во всяком случае, хотя бы и с чисто утилитарным уклоном, был открыт путь к светской науке, ранее у нас не существовавшей. Абсолютные монархи охотно в ту эпоху покровительствовали и на Западе наукам и искусствам, «приносящим пользу государству и служащим украшением трона», но лишь поскольку и пока ученые и писатели не вмешивались не в свое дело управления государством. Петровская эпоха была на Западе временем монархического направления и в науке, и в литературе. Переносить к нам знания, понятия, теории европейского Запада было, в общем, делом, не заключавшем никакой опасности для правящей власти, которая поэтому так щедро готова была «сеять просвещение самодержавную рукою».

В этом отношении Петру Великому приходилось бороться с косностью русского общества, вколачивать в него новое просвещение дубинкою, насильно заставляя учиться, отбывать школьное учение, как государственную зависимость. Все предыдущее воспитание русского общества, в условиях патриархального быта, в привычках мирного и спокойного жития и ленивого препровождения времени, со всеми чертами позднейшей обломовщины, было одною из великих причин культурной отсталости России, умственной инертности и пассивности господствовавшего класса. Пушкинское «мы ленивы и нелюбопытны», сказанное в первой половине XIX века, с еще большим правом могло бы быть сказано по отношению к служилому классу Московского государства. «Мы

все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь», сказал еще Пушкин²⁹, но для общества допетровской России можно было бы переделать эти слова и сказать: эти люди нисколько, ничему и никак не учились. Для того, чтобы сдвинуться с мертвой точки, нужно было отделаться от национальной лени, убийственной лени. Власть, нуждавшаяся в разного рода работниках, без которых государству, среди тогдашних условий, пришлось бы погибнуть, боролась иногда очень сильными средствами против этих лени, косности, равнодушия, уча у себя и посылая учиться за границу, не боясь, что от этого произойдет ущерб традиционному благочестию; и даже не подозревая, что когда-нибудь образование может поставить человека в оппозицию к правительству^a.

Оппозиции оно боялось, и с оппозицией боролось с другой стороны — во имя прошлого, которое, казалось его представителям, только было хорошо и только портилось новшествами, вводившимися властью, а не во имя лучшего, которое желавшие его усматривали в предприятиях власти. Это была оппозиция невежества, косности, бытовых привычек, [...] ^b преданий старины глубокой. Все, искренне желавшие нового и лучшего, стояли на стороне власти, помогали ей и пели ей гимны. Новая русская литература с середины XVIII века, елизаветинского и екатерининского времени, в значительной мере подражательная, псевдоклассическая, как впоследствии окрестили аналогичное явление у себя немцы, была столь же проникнута впоследствии монархизмом, как и французская при Людовике XIV. Утилитарно-техническое образование петровской эпохи при Елизавете Петровне³² сменилось придворно-художественным направлением, когда-то процветавшим во Франции, пока в следующую эпоху Екатерина II не начала читать сочинения французских вольномыслящих просветителей, переписываться с ними, приглашать их к себе. Тяжеловесно-педантическое культурное влияние первой половины века уступило место изящно-остроумному влиянию французскому. В одно время с приносившимися к нам из Франции модами, манерами, танцами, великосветским разговорным языком появились у нас французские книги и идеи. Подобно тому, как в самой Франции аристократическая молодежь, по позднему признанию од-

^a В III томе своей «Истории России с древнейших времен» М.Н.Покровский говорит, что в старые времена культурный переворот на рубеже XVII—XVIII веков, рассматривался «исключительно, так сказать, с педагогической точки зрения: Россия училась, Запад учил, мы стали учениками Западной Европы» по любви к просвещению. Он сам сознает, что более подробное развитие им этой точки зрения может показаться читателю «грубой карикатурой, но, тем не менее, утверждает, что это было так, и что «не очень далеко от этого наивного школярства прошел даже С.М.Соловьев³⁰» (с. 76—77). Точку зрения последнего он называет «метафизическою», но и объяснение культурного перелома на рубеже XVII—XVIII вв. у Ключевского и у Милокова³¹, из «военно-финансовой необходимости» кажется автору содержащим в себе нечто от «соловьевской метафизики» (стр. 78). Собственное его объяснение в том, что «к нам шел с Запада торговый капитализм» (Примеч. Н.И.Кареева).

^b Слово зачеркнуто автором.

ного из ее представителей, тешилась в новых идеях игрою ума и смелостью слов, «не предвидя от них никаких последствий», и Екатерина II, предлагавшая даже перенести в Россию издание «Энциклопедии»³³, не усматривала никакой опасности для своей власти и установившегося порядка от этой литературы. Правительство по-прежнему насаждало просвещение, мечтая даже о создании «новой породы людей», пока не пришло время спохватиться, и не началась новая политика по отношению к образованию, к литературе, к науке. Уже в конце царствования Екатерины II русское самодержавие из просветительского превратилось в тормоз просвещения, сделавшимся одним из факторов нашей культурной отсталости. Французская революция³⁴ была событием, которое навело страх не на одно русское правительство.

Экспансия России на Запад, конечно, имела для ее культуры иное значение, нежели экспансия на Восток. Она приближала нас к более образованным странам и включала в территориальный состав области, в населении которых было более чем у нас культурных элементов, работавших потом и на нашей почве. Как восточные присоединения только поглощали наши культурные силы, и без того бедные, не давая нам ничего взамен или, что хуже, скорее нас варваризируя, так, наоборот, территориальные приобретения, делавшиеся с другой стороны, снабжали Россию культурными силами, которых у нас было меньше, и притом силами более высокого качества в смысле образования и технических навыков. Передовым отрядом представителей несколько более высокой культуры явились в Московское государство проходившие какую ни есть школу малороссы после того, как левобережная Украина и правобережный Киев были присоединены к Великоорусскому царству³⁵. Вторую чужую волную хлынули к нам остзейские немцы, представители еще высшей культуры, соплеменники которых еще раньше в большом количестве иммигрировали в Московское государство. Это было после аннексии Петром Великим Эстляндии и Лифляндии³⁶, когда была приобретена и часть Финляндии³⁷, а вместе с немцами стали попадаться у нас и шведы. Наконец, разделы Польши³⁸ при Екатерине II, давшие России Белоруссию, правобережную Украину и Литву с онемеченной Курляндией, открыли легкий доступ к нам людям польской культуры, в некоторых отношениях стоявших выше русской. Украинцы легко сливались с русскими, но поляки и особенно немцы дольше держались обособленно, чему способствовали их языки, вероисповедания, обычаи, привычки и т.п. Некоторые профессии сделались как бы монопольными в руках немцев и отчасти поляков, профессии, требовавшие специальной выучки, и это продолжалось долго, когда, например, очень высок у нас был процент докторов из немцев, аптекарей то же из немцев и поляков, которые еще облюбовали у нас инженерскую профессию. На государственной службе, как гражданской, так и военной, был особенно высок процент прибалтийских немцев, в частности, на высших бюрократических постах и в генеральских чинах, что давало повод жаловаться на немецкое «засилье». Временами оно действительно давало себя очень чувствовать, как то было при Анне Иоанновне³⁹, когда Россия

страдала под «немецким игом»^а, после которой царствование Елизаветы Петровны сделалось как бы временем русской реакции. Или, например, при Николае I немцы были в такой силе, что, по известному анекдоту, «русский заслуженный генерал просил императора вместо всякой новой награды «сделать его немцем». Управляющие в более крупных помещичьих имениях были тоже обыкновенно немцы да поляки, на родине которых сельское хозяйство стояло выше, чем в коренной России. Наука у нас также была немецкая. Когда была учреждена Академия наук, своих ученых у нас не нашлось, и первым блестящим исключением из общего правила был только великий Ломоносов, все значение которого и мы-то сами вполне оценили только ко времени двухсотой годовщины со дня его рождения. Академия оставалась сильно немецкою, и еще в последние десятилетия прошлого века обвиняли ее «немецкую партию» в том, что она не пропускает русских ученых на академические кресла. При основании Московского университета в середине XVIII века, Казанского и Харьковского в начале прошлого, замещать профессорские кафедры пришлось также немцами. Для заполнения академических и профессорских должностей остзейских немцев не хватало, а потому их выписывали из-за границы, что вообще повелось со времени Петра Великого. Дерптский университет долго играл роль рассадника для России ученых, врачей и т.п.

Все это значило, разумеется, не что иное, как то, что у нас своих людей для занятия целого ряда профессий было мало, и именно людей с общим или специальным образованием, с техническими навыками, с сознанием служебного долга, с привычкою к аккуратности и т.п. Дворянство, бывшее с середины XVIII века наиболее образованным сословием, предпочитало военную службу или жизнь в деревне, в отставке, или нигде не служа, а некоторыми профессиями гнушалось, как не дворянским делом. Духовенство и купечество из своей среды не выделило также достаточного количества людей для разных культурных деятельностей, так что большой конкуренции со стороны русских немцы, шведы и поляки не встречали. Что бы ни ставили в вину, справедливо или несправедливо, уроженцам Остзейского края или бывших польских

^а По признанию М.Н.Покровского, «в виду тенденции новейшей историографии просто-напросто устранять из поля своего зрения национальные конфликты, вместо того, чтобы объяснять их, сводя к социальным, приходится очень подчеркнуть, что борьба с бироновщиной⁴⁰, как с *немецким игом*, вовсе не выдумана позднейшей литературой, как нередко бывает в подобных случаях... «Немецкую партию» сочинили не в XIX веке, как кажется некоторым новейшим историкам» (IV, 10—11). Сам историк находит, однако, что «иноземное иго, о котором толковали русские патриоты того времени, в переводе на экономический язык означало господство западноевропейского капитала над русской внутренней и внешней политикой при Анне Ивановне, — господство настолько прямое и бесцеремонное, что ничего подобного мы не найдем в предшествующую эпоху» (11—12), хотя немецкое правительство приносит русские интересы в жертву не немцам, а англичанам (12). Ср. стр. 39 (Примеч. Н.И.Кареева).

провинций, но, во всяком случае, уроженцы этих окраин сыграли свою роль в культурной европеизации России. Что тут было и немало отрицательных черт в политическом отношении, это не подлежит оспариванию, но то, что делали, например, немцы, не за страх, а за совесть, служившие произволу самодержавия, в качестве чиновников или жестоко угнетавшие крепостных крестьян в роли управляющих помещичьих имений, не лучше делалось и русскими чиновниками и самими помещиками. Многих пришельцев развращала сама среда, в которую они попадали.

ОР РГБ. Ф. 119. К. 37. Ед. хр. 9. Л. 1—20; Ед. хр. 10. Л. 1—11. Автограф.

Примечания

¹ *Барсуков Н.П.* (1883—1906) — археограф, историк, библиограф. Опубликовал ряд ценных исторических источников. Наиболее известные биографические труды: *Жизнь и труды П.М.Строева*. СПб., 1878; *Жизнь и труды М.П.Погодина*. СПб., 1888—1910.

² *Покровский М.Н.* (1868—1932) — историк, академик, автор 5-томной «Истории России с древнейших времен». М., 1910—1913.

³ Ливонский орден меченосцев был основан в Ливонии в 1202 г. рижским епископом Альбрехтом Буксгевденом с целью распространения христианства среди местного населения и завоевания страны. Во главе ордена стоял гроссмейстер, подчинявшийся рижскому епископу. Орден вел ряд войн до его распада в 1561 г.

Тевтонский орден — духовно-рыцарский орден был основан в 1190 г. в Палестине для оказания помощи раненым и больным крестоносцам. Орден приобрел самостоятельность и равноправность с тамплиерами и иоаннитами, играл значительную роль в истории до 1410 г.

⁴ Гуситское движение (1419—1434) — религиозные и социальные войны, связанные с именем профессора Пражского университета Яна Гуса (ок. 1369—1415).

⁵ *Иван IV Васильевич* (1530—1584) — с 1547 по 1584 гг. царь всея Руси.

⁶ *Екатерина II Великая* (1729—1796) — российская императрица в 1762—1796 гг.

⁷ Разиновщина — крестьянско-казачье движение (1667—1671) под предводительством С.Т.Разина (1629(?)30 — 1671); пугачевщина — крестьянская война (1773—1774) под предводительством Е.И.Пугачева (1726—1775).

⁸ *Петрушевский Д.М.* (1863—1942) — историк, медиовист, с 1929 г. действительный член Академии наук. Автор «Очерков по экономической истории средневековой Европы» (М.—Л., 1928).

⁹ *Диоклетиан Гай Аврелий Валерий* (243 — между 313—316) — римский император, на престоле с 284 г., разделил Римскую империю между Максимилианом, Константином Хлором и Галерием. Диоклетиан провел административную реформу, вследствие которой Италия была лишена некоторых преимуществ и сравнялась с другими частями государства. Кроме того, Диоклетиан отделил военную власть от гражданской. Жестоко преследовал христиан, отказался от царства в 305 г.

Константин, Флавий Валерий, Константин Великий (ок. 285—337) — римский император (306—337). Сын Констанца Хлора. Продолжил реформирование, начатое Диоклетианом, увеличил число префектов претория, организовал цен-

тральное управление, учредил должности министров, ввел различные титулы для высших чинов. При нем столица была перенесена в Константинополь. Проводил политику веротерпимости. Перед смертью принял христианство.

¹⁰ Имеется в виду Крымская война 1853—1856 гг. В ней участвовали Россия, Османская империя, Англия, Франция и Сардинское королевство. Оборона Севастополя — сентябрь 1854 — август 1855 гг.

¹¹ *Шевченко Т.Г.* (1814—1861) — украинский поэт, бывший крепостным крестьянином. Выкуплен из крепостных в 1838 г. Наиболее известное произведение — сборник стихов «Кобзарь», вышел в свет в 1840 г.

¹² *Ломоносов М.В.* (1711—1765) — ученый, поэт и просветитель, инициатор создания Московского университета. Известны его исторические произведения: «Древняя российская история» (1766); «Замечания на диссертацию Г.Ф. Миллера «Происхождение имени и народа русского» (1749—1750).

¹³ Сон Обломова — известный эпизод романа И.А. Гончарова «Обломов», символизирующий косность и отсталость русской деревни и помещичьего быта.

¹⁴ *Ключевский В.О.* (1841 — 1911) — историк, член Российской академии наук, Общества истории и древностей российских. Наиболее известное произведение — «Курс русской истории», созданное на основе лекций, публиковалось с 1903 г.

¹⁵ *Пажитнов К.А.* (1879 — 1964) — историк и экономист, член-корреспондент АН СССР с 1946 г. Автор работ по истории экономической и социальной мысли, истории рабочего класса. Его работа «Положение рабочего класса в России» вышла в свет в 1906 г. и выдержала ряд переизданий.

¹⁶ *Уваров С.С.* (1786—1855) — граф, государственный деятель, в 1833—1849 гг. министр народного просвещения, провел реформу народного образования, при этом считал, что «наша задача состоит в том, чтобы народное образование совершалось в соединенном духе православия, самодержавия и народности».

¹⁷ *Пыпин А.Н.* (1833—1904) — историк, убежденный прогрессист-западник. Наиболее известные труды: «Общественное движение в России при Александре I» (2-е изд. — СПб., 1885); «История русской литературы» (Т. 1—4. 2-е изд. — СПб., 1902—1903).

¹⁸ *Тхоржевский С.И.* (1893—1942) — историк, специалист по истории народных движений в России XVII — XVIII вв. В 1931 г. по «академическому делу» приговорен к 10 годам лагерей. В 1933 г. освобожден досрочно.

¹⁹ *Николай I* (1796—1855) — российский император в 1825—1855 гг.

²⁰ *Погодин М.П.* (1800—1875) — историк, журналист, наиболее известные труды: «Исследования, замечания и лекции о русской истории» (Т. 1—7. М., 1846—1857); «О происхождении Руси» (М., 1825).

²¹ *Петр Великий* (1672—1725) — царь (1682—1721), император (1721—1725).

²² Ренессанс (Возрождение) — социально-культурное движение в ряде стран Западной и Центральной Европы (начало XV — конец XVI вв.).

²³ *Генрих IV Наваррский* (1553—1610) — первый из династии Бурбонов король Франции с 1589 г.

²⁴ *Ришелье Арман Жан дю Плесси* (1585—1642) — герцог, кардинал и государственный деятель Франции.

²⁵ *Людвиг XIV, Король-Солнце* (1638—1715) — король Франции в 1643—1715 гг.

²⁶ *Габсбурги* — династия, правящая в Австрии (1282—1918); Чехии и Венгрии (1526—1918); части Италии (с XVI в. по 1866); с 1804 г. — австрийские императоры; с 1867 г. — императоры Австро-Венгрии. Родоначальник династии — *Гунтрам Богатый* (ок. 950 г.).

²⁷ Бранденбургские курфюрсты — первоначально маркграфы. В 1356 г. «Золотой буллой» за ними закреплены права курфюрстов. Основатель династии — *Альбрехт I Медведь* (ок. 1150 г.).

²⁸ *Фридрих II Вильгельм* (1712 — 1786) — король Пруссии. Вступил на престол в 1740 г. Жил в Рейнсберге, где окружил себя поэтами, учеными, писателями, переписывался с философами, в частности, с Вольтером.

²⁹ *Пушкин А. С.* (1799—1837) — поэт.

³⁰ *Соловьев С. М.* (1820—1879) — историк, академик. Знаменитый труд «История России с древнейших времен» в 29 томах издавался с 1851 по 1879 гг.

³¹ *Миллюков П. Н.* (1859—1943) — историк, государственный и политический деятель. Хорошо известны его «Очерки по истории русской культуры» (1896).

³² *Елизавета Петровна* (1709—1761) — дочь Петра Великого, российская императрица в 1741—1761 гг.

³³ Имеется в виду «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Инициаторы издания Д. Дидро и Ж. Д'Аламбер. Издавалась с 1751 по 1757 гг. Вышло в свет 7 томов.

³⁴ Имеется в виду Французская революция 1789 — 1794 гг.

³⁵ Присоединение правобережной Украины и левобережного Киева — 1653 г. — решение Земского собора о присоединении Украины к России. 1654 г. — Переяславская Рада — решение о присоединении Украины к России.

³⁶ Аннексия Эстляндии и Лифляндии — 1721 г., заключен Ништадский мир, окончание Северной войны. Согласно условиям договора, Россия получила Лифляндию и Эстляндию.

³⁷ В 1743 г. был заключен мир со Швецией. Россия получила часть Финляндии до области на реке Кюмень.

³⁸ Разделы Польши: 1772 г. — Петербургская конвенция (Россия, Австрия, Пруссия). Первый раздел Польши — к России отходят земли восточнее западной Двины, Друти и Днепра, с городами Гомель, Могилев, Витебск, Полоцк; 1793 г. — Русско-прусская конвенция. Второй раздел Польши — Россия получает часть Белоруссии и правобережную Украину; 1794—1795 гг. — третий раздел Польши: Россия получает Курляндию, Литву, Западную Белоруссию, западную часть Волыни.

³⁹ *Анна Иоанновна* (1693—1740) — российская императрица, царствовала с 1730 по 1740 гг.

⁴⁰ Бироновщина — по имени Бирона Эрнста Иоганна (1690—1772) — уроженец Курляндии, фаворит Анны Иоанновны, по ее завещанию регент. С 1730 г. пользовался правом неограниченного правителя империи.

«МИЛЫЙ МОЙ АРАКЧЕЕВЕЦ»

Переписка великого князя Константина Константиновича
с сыном Константином. 1901—1915 гг. *

II. Письма князя Константина Константиновича отцу, великому князю Константину Константиновичу

№ 1

Павловск

28 июля 1912 г.

P.S. Пишу почти навесу, Т[атьяна] заняла стол.

Дорогой Пусь.

От души благодарю Тебя за милое письмо. Поручение Твое я исполнил. Верфель показывал мне разные письменные приборы. Я выбрал из них очень хорошенький из т.н. «гон де ап тique», с зеленоватой бронзой. К сожалению, пресс-папье к этому прибору не имеется; я решил его заменить стаканом для перьев, который в то же время может служить и пресс-папье. Я хотел по Твоему примеру подарить Минкельде шашку, для чего, поехав в СПб на перевозку, побывал в магазине Шафа и достал клинок работы тульского завода времен Екатерины Второй, т.к. от времени заржавел и имеет вид, будто он сам болен оспой: он весь покрыт ямками, на том месте, где теперь на форменных клинках полагается ставить вензель императора, стоит таковой Екатерины Второй. Надеюсь, что ему, т.е. Минкельде, шашка понравится. Как мне в этом году не везет. Вот уже четвертый раз подряд, и все благодаря случайным недомоганиям. Получаю я сегодня утром от Дрентельна¹ телеграмму, в которой он предлагает мне дежурить при Государе Императоре четвертого августа. С грустью должен был я писать ему отказ. Это с июля прошлого года мне не приходится дежурить. Я всегда с таким нетерпением жду этого дня, но каждый раз что-нибудь мешает — точно судьба против меня идет. Тетя Оля наверно рассердится, если прочитает эту последнюю строку — она ведь не признает существования судьбы. Но в таких случаях я стараюсь утешать себя мыслью, что в общем все идет к лучшему, да и, наконец, как говорится, «нет худа без добра». В этот раз мне помехой оказалась несчастная нога, которая за последнее время порядочно наболелась. Случилось это так.

Ведь еще в детстве приходилось мне вечно подстригать ногти на ноге, которые имели склонность к вращению. Тогда Лемке мне все уст-

* Окончание. Начало см.: Исторический архив. 2000. № 5.

раивал. Вернувшись осенью из-за границы, где моя нога очень болела, я обратился к Лемке, который только напортил дело. Тогда, если помнишь, зимой, Д[митрий] А[ндреевич] М[уринов]², насколько возможно, поправил дело, но только на время. Неделю тому назад я стал ощущать боль, и начало опять нарывать. Я обратился к полковому врачу Порховскому, который посоветовал принять самые решительные меры. Тогда я воспользовался случаем и тем же вечером поехал в Павловск, где говорил с Двукраевым. Последний предложил мне приехать на другой день утром в Николаевский госпиталь, где доктор Кожин под кокаином отнял весь ноготь и вырезал часть ногтевого ложа. Во время операции я ничего не чувствовал, но зато весь день после нее были такие мучительные боли, что я не знал, куда смотреть, что бы такое ломать — чуть-чуть что не кричал. Спасибо Р[оберту] Ю[льевичу], который просидел чуть не весь день. Вечером пришел бар[он] М[енд]³. Я жил в городе до первой перевязки, которую сделали через неделю после операции. Она была ужасно болезненна. В тот же день в два часа я переехал в Павловск к Татьяне и Елене⁴. Здесь чудесно, но невыносимо жарко. Вторая перевязка была в среду — завтра третья. Надеюсь, что к бородинским торжествам я буду здоров.

Татьяна сидит рядом со мной и пишет Дяденьке. Она приходит ко мне спастись от жары. Мы вместе проводим день, что очень приятно. Вчера после обеда она отдыхала у меня на диване, а я ей читал перевод бар[онессы] Розен Эдуарда Шюрэ «Рих[ард] Вагнер и его музыкальная драма»⁵. Кажется, будет интересно. Меня катают или я сам качусь на кресле Анмама, которое с ней ездило за границу. Ходить мне нельзя, поэтому я делаю поездки всем лошадям, которые стоят на запасном. Хотя я у Тебя не испрашивал на то разрешения, но надеюсь, что Ты мне не запретишь продолжать в том же духе.

Получил ли Ты ответ из Синода? Как идут дела по хозяйству? Очень бы хотел приехать хоть на денек, да трудно на одной ноге.

Шлю общий привет. Обнимаю.

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 9—14об. Подлинник. Рукопись.

№ 2

Москва, Нескучное

24 мая 1912 г.

Крепко обнимаю Тебя, дорогой Путь, за поздравления и письмо. Поручения, которые Ты мне дал, я исполнил. Экземпляр «Царя Иудейского» я передал Данильченке. К сожалению, с этим письмом я не мог прислать списки офицеров, которые Ты просил, но они будут в ближайшем времени доставлены Р[оберту] Ю[льевичу] Данильченкой.

В лагерь я приехал в пятницу, 11 мая. Полковой праздник прошел довольно грустно. Накануне была отслужена всеобщая и лития перед серединой полка на лугу. Конечно, фантазия Петра Васильевича. На другой день был парад, который принимал г[енерал] Безобразов⁶. Потом пошли завтракать. И мне сейчас пора завтракать. Продолжение следует потом (1 ч[ас] дня).

Князь Константин Константинович.
1910-е гг.

2 ч[аса] 40 м[инут] по моск[овскому времени]. Я только вернулся из чудного Нескучного сада. Сирень в полном цвету. Ее нежный запах наполняет комнаты. По временам доносится трель (к стыду моему не помню ~~к~~ или ~~е~~) соловья. Другие птицы все время поют. Стало жарко. Но я отвлекся от своего рассказа. Завтрак после парада длился очень долго. Пили много. Безобразова приняли очень радушно. Он говорил очень много. Не менее было им выпито. Это было заметно — речь становилась однообразной; он стал повторяться. Одним словом, корпусной командир напился. Но, несмотря на это, он вел себя весьма прилично. На другой день приехал благодарить за прием и извиняться, что напился. Мама в одном из своих писем упомина-

нула про командира полка. По-моему, и в этот раз было выражено неприятное к нему отношение. Когда Б[езобразов] поднял бокал за здоровье полка и его командира, ура кричали^а умеренно. Когда произнесли тост корпусному, стояло громовое ура. Вообще, было сказано много речей. Очень горячо говорил генерал Муфель⁷. Встали из-за стола после пяти часов дня. Вечером ничего не было, и я уехал в Петербург.

За последние дни^б пребывания в Петербурге Елены Л[ейхтенбергской]⁸ мы довольно часто у нее, вернее, у Сандро⁹, бывали. Е[лена] Л[ейхтенбергская] к нему приезжала, и мы проводили очень милые вечера. Один раз вечером пришлось побывать в новом дворце дяди Н.¹⁰ у Елены, где нас приняли очень радушно.

Мама, наверно, подумает, прочитав это место, что я влюблен в Елену, но пока ничего подобного нет, да и вряд ли будет. Впрочем, трудно^в предугадывать — всяко бывает на белом свете. Думаю ехать на Николаевский вокзал встречать Акермашу¹¹ со взводом.

Кажется, интересного больше ничего нету.

Обнимаю Тебя

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 5—8об. Подлинник. Рукопись.

^а Далее слово «ура» зачеркнуто.

^б Далее слово «нашего» зачеркнуто.

^в Далее, зачеркнуто слово «вперед».

№ 3

30 ноября — 1 декабря 1912 г.

Дорогой Пусь.

Пользуюсь удобным случаем, чтобы направить Тебе эти строки. Крепко Тебя обнимаю за милое письмо.

Я только что вернулся с разбивки новобранцев, которую производил генерал Безобразов. В этом году укомплектование идет туго, и, к сожалению, очень маленький выбор для нашей роты. В полку все идет благополучно. Сегодня узнал, что А.А.Швецов получил 52-й пех[отный] Виленский полк. На последнем общем собрании я попал после баллотировки в музейную комиссию. Первое заседание будет сегодня вечером у полковника Поливанова¹². Я чувствую, что меня сделают «музейным сторожем», каким до сих пор был Жерве¹³; мне этого очень не хочется, так как у меня были совсем другие планы на 1913 год. За время Твоего отсутствия было два «Досуга», из которых один был посвящен В.Ю.Дрентельну¹⁴, и в то же время музыкальный. На этом «Досуге» я прочел им два, или вернее, три стихотворения, которые Ты мне дал. Второй «Досуг» был очень коротким и менее удачный. Я в этот раз прочел из сборников полковника Поливанова эпизод, касающийся полка времен Александра I. Насколько я знаю, следующий «Досуг» должен состоять из сочинений бывших измайловцев, как, например, Пушкина и других; в общем, может получиться очень интересный вечер. К сожалению, должен прекратить на время писание, т.к. иду обедать к Николаусу. Продолжаю уже 1-го XII. С самого утра бегал по разным делам, которых набирается довольно много и, большей части, небольших. Завтра еду дежурить к Царю, что меня ужасно радует. Я всегда с таким нетерпением ожидаю этого дня^а. К своему великому удовольствию могу сказать, что в этом году у меня складывается образ жизни гораздо лучше, чем в прошлом: я теперь занят по шесть часов в неделю с господином Лискуном¹⁵, который мне читает лекции по сельскому хозяйству. Кроме того, по пятницам занимаюсь со Счетчиком¹⁶. С будущей же недели буду слушать лекции по земледелию и землеустройству. Все это очень интересно и приятно. Тебе, кажется, Н.Н.¹⁷ писал, что Олег и я хотели в Новом году возобновить Павловские субботы, надеюсь, что ничего не будешь иметь против; это было бы так хорошо. Наконец, маленький вопрос, касающийся Рождества: Мама поручила мне купить Вере клетку для канарейки — дело в том, что в Мраморном стоит ее чудная клетка красного дерева с [...] ^б и без всякого употребления. Не проще ли подарить ее Вере и не покупать новой? Надеюсь, что Ты чувствуешь себя лучше, чем когда-либо, и что новый климат идет на пользу. Как поживает Мама? Нежно обнимаю Вас, кланяюсь Тете Соне.

Твоя Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 15—16об. Подлинник. Рукопись.

^а «Завтра же везу бриллианты Тети Веры» (сноска князя Константина Константиновича).

^б Слово неразборчиво.

№ 4

*С.Петербург, Мраморный**26 декабря 1912 г.
[получено] 10 января 1913 г.^а*

С праздником и наступающим Новым годом поздравляю тебя, дорогой Пусь. Напрасно ты думаешь, что я тебя забыл — совсем нет, я только хотел собрать побольше материалу по вопросу, о котором буду дальше писать. К сожалению, я в этом мало преуспел. В письме к Мама я писал, что мне будут сегодня прижегать нос. Час тому назад от меня ушли доктора. Вся операция прошла очень скоро. Сперва мне всунули в левую ноздрю три деревянных палочки с ватой, смоченной смесью растворов кокаина с адреналином. В другую ноздрю поставили только одну палочку, чтобы ноздри друг другу не мешали. Потом все это вынули и стали смазывать левую половину носа молочной кислотой (как мне объяснил Д[митрий] А[ндреевич]). Я ничего не чувствовал. Только теперь приходится часто менять вату в левой ноздре — сморкаться не позволено.

Я ужасно доволен, что Н[иколай] Н[иколаевич] устроил мне лекции по землеустройству. Ко мне, как ты уже знаешь, приезжает А.А.Зноско-Боровский¹⁸ и два раза в неделю читает лекции. Приятно, что я начинаю немного входить в жизнь нашего крестьянина, хотя бы с этой стороны. По-моему, то движение, ту реорганизацию, которая ведется у нас теперь повсеместно, и, по-видимому, столь успешно, можно почти сравнить, но только, конечно, косвенно, с работой по освобождению крестьян от крепостного права. Может быть, я пишу глупость, но мне кажется, что тот свет, который был внесен в избу каждого крестьянина при освобождении его от кр[епо]стного пр[ава], не мог светить всей своей силой, т.к. его заслонял вопрос частной собственности. Имея отравки или участки земли, разбросанными подчас очень далеко и от дома, и, наконец, даже друг от друга (уч[асток] от уч[астка]), хозяин не мог иногда попасть на свою землю. Кроме того, постоянный передел, которым ведало общество крестьян, тоже вносил много зла. Мужик, в конце концов, переставал удобрять свою землю, говоря, что на будущий год земля будет не моя, чего ж ее удобрять. Наконец^б, все были связаны по рукам и ногам в вопросе о посевах: каждый должен был сеять, что сосед сеет, чтобы не мешать уборке. Община же сама по себе тоже только на первый взгляд кажется хорошим учреждением, на самом деле и в ней есть много минусов. Когда все это отпадет, когда каждый крестьянин сделается частным собственником (помещиком) на неотъемлемой у него земле, тогда всякий заслон будет уничтожен, и свет воссияет всей своей силой и осенит своими прямыми лучами каждое отдельное хозяйство. Благодаря всему этому может и должен подняться урожай, богатство каждого отдельного лица, а следовательно, и родины, за которую в необходимую минуту все ляжем костями. Я теперь скажу

^а Дата получения написана карандашом рукой великого князя Константина Константиновича.

^б Далее зачеркнуто слово «никто».

следующее. Во-первых, я не хочу ограничиться одними лекциями по этому вопросу, а хочу встать к нему поближе, насколько это будет возможно; посмотреть, как работают комиссии (землеустроительные) на месте и не в одной, а в разных частях России, т.е. при всевозможных местных условиях. Надеюсь, что это мне удастся. Кроме того, как я тебе уже раз в Павловске говорил, хотелось бы самому заняться где-нибудь хозяйством. Правда, что это немного трудно соединить со службой; но при некоторых условиях это возможно. Главную роль играет близость от Спб и Красного села. Род хозяйства (а их много) я давно уже избрал: это молочное хозяйство с возделыванием как кормовых, так и хлебных кормов. Земли для этого очень много не надо — достаточно около ста десятин на все. Я долго искал продажных участков, но подходящего ничего не нашел. По пословице говорится: «На ловца и зверь бежит», так почти случилось и здесь. Фермер Лисиков, который арендовал у тебя ферму в Павловске, заключил контракт по первое января 1913 г., т.е. он кончается. Держать ему ферму не очень выгодно, или вернее невозможно при существующих условиях контракта аренды — нет земли, а это уже все; без земли ничего не может выйти. Чтобы не закрывать фермы, я решил воспользоваться твоим разрешением Иоанчику взять ее, но он отказался и сам заключил контракт с Э.Э.Герингом на аренду фермы на почти всех старых условиях. Надеюсь, ты не будешь сердиться. Но это только полдела. Самое главное дело в том, что [на] таких условиях я не могу вести дела, т.к. это была бы не ферма, а просто лавочка с продажей молока и других съестных продуктов, что было и до сих пор.

1) Дай мне, пожалуйста, арендовать у тебя в парке все поля, которые пахались и до сих [пор] (правлением). На них я возделаю нужные хлеба и устрою образцовую ферму.

2) Позволь мне воздвигнуть, где-нибудь на краю парка, по возможности *к стороне* белой березы, хутор со всеми хозяйственными постройками. Все это неимоверной красоты, в стиле Павловска и если хочешь, даже в розовом цвете. Тогда, конечно, на том месте, где сейчас стоят коровы — их не будет, не будет, следовательно, и мух. Вместо хлевов построим лишнюю беседку — расширим старые и т.д. Одним словом, ты будешь в восторге. Условия аренды будем выработать с Э[дуардом] Э[дуардовичем]. Обо всем этом были уже разговоры с Бодe. Теперь только получить твое благословение на это дело и указание, где именно можно будет строиться, и тогда примемся за работу. Планы и рисунки представим тебе на утверждение.

Если посмотреть на улицу, то можно подумать, что начинается весна, снегу ни на грош, температура около 0⁰, а Нева стоит. На днях только устроили переходную дорогу через нее. Вообще, на дворе нехорошо. Я бы очень тебя просил не задерживать ответа на мои делишки, чтобы иметь возможность вести подготовительные работы. Только что от меня ушел Н[иколай] Н[иколаевич], с которым мы вели интересный разговор. Пока тут сидишь, как ком один в своих комнатах, чего я не переносу, находится единственное удобное время для усидчивой работы,

которой у меня немного накопилось. Правда, немного сухая материя, но необходимая.

Однако, пора кончать — поздно. Пробыло 11 1/2 ч[асов]. Надо ложиться. Хочется лежа взяться за книгу. Завтра хочу кончить рождественские письма и приняться за заданное чтение по сельскому хозяйству. Обнимаю тебя, Мама, тетю Соню, Ментика и т.д.

Нежно любящая тебя

Косточка

P.S. Ты, наверное, уже получил письмо Э.Э.Геринга, в котором он пишет про мои планы.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 17—21об. Подлинник. Рукопись.

№ 5

13 апреля 1913 г.^а

Христос Воскресе.

Дорогие Папа и Мама, сердечно Вас обнимаю и поздравляю с праздниками. Шлю Вам поздравление от Татьяны, которая, кажется, перегружена поручениями. В полку у нас все по-старому. Теперь очень занят со смотром молодых. На этой неделе начнутся, вероятно, репетиции парада на Марсовом поле. Надеюсь, что это милое занятие не помешает говеть.

Что касается фермы, то дело подвигается. Почти все коровки отелились и дают много молока. Еще очень трудно справляться с буфет[ом]. Народу приходит довольно много, а мои люди еще очень неопытны; но я надеюсь, что это все скоро уладится.

Будете ли Вы иметь что-нибудь против, если в садике, где устроена будочка для публики, устроить вместо клумб две сиреневые беседки — там было бы очень уютно сидеть и тем прибавило бы столов. К сожалению, я не мог прислать планов и проектов большой фермы, т.к. она еще не готова; с Э.Э.Герингом мы сговорились и теперь делаются общие расчеты. В этом году думаю пробыть весь месяц в Красном селе и отпуск взять осенью после маневров. Мне, вероятно, придется временно командовать ротой, т.к. Акерман собирался ехать на Кавказ. Зимой буду заведовать молодыми. Думаю, что будет нелегко — в особенности со словесностью, но, Бог даст, дело пойдет. Обнимите от меня, пожалуйста, тетю Олю. К сожалению, должен кончать, чтобы не задерживать Татьяны.

Крепко Вас обнимаю.

Сердечно любящий

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 22—23об. Подлинник. Рукопись.

^а Дата написана рукой великого князя Константина Константиновича.

№ 6

*Красное село**7 июня 1913 г.
[получено] 10 июня 1913 г.^а*

Дорогой Пусь.

Наконец, удалось мне найти удобное время, чтобы Тебе написать. Мне сегодня очень повезло — назначили дежурить. Вообще, это не всегда бывает приятно, но сегодняшней день составляет исключение. Погода отвратительная: с утра идет дождь, холод собачий, грязно, сыро, просто отвратительно; но зато на участок и на стрельбу ходить не надо. В особенности на последнюю, где пришлось бы мокнуть и киснуть три часа подряд. Пожалуйста, не думай, что я уваливаю от занятий; конечно, нет, но все же приятнее быть сухим и сидеть в отопляемом помещении в такую скверную погоду. Кроме того, завтра суббота и можно будет, сменившись, уехать в город и в Павловск. Здесь у нас, кажется, с самого начала хорошей летней погоды не было. Положим, за неделю до московских торжеств мы ходили на охрану. Центральный пункт или местонахождение штаба было в Любани. Наша же рота стояла в Ушаках, на 59 верст от Спб. Нам удивительно подвезло: стоянка чудная; мы жили, как в деревне. Это было имение какой-то старой генеральши, очень богатой и со странностями. У нее стоит около 60-ти старых и заваленных дач, которые сдаются, но которые никто не берет, т.к. они мало обитаемы. Более новые дачи не сдаются. Генеральша ярая староверка. Она уже сорок лет, как запрещает охотиться и ловить рыбу на ее земле, считая это грехом. Она усердно занимается благотворительностью, или, вернее, развращением нравов. Каждый день она принимает хулиганов и бродяг, которым дает каждому по шесть копеек. Конечно, эти господа очень довольны и живут в этой местности исключительно из-за генеральских шести копеек. Появляется их иногда до двухсот человек. Все они дефилировали мимо нашей дачи. Расположились мы в двух дачах: большая была предоставлена роте, а сами поместились в маленькой. В общем, было очень уютно. Хозяйничали мы все время сами: т.е. готовили сами завтраки, ужины, обеды, варили чай, кофе и т.д. Между прочим, я не упомянул про жену Акермана, которая пробыла с нами всю охрану. Чуть ли не каждый день у нас бывали гости, которых угощали, как могли. Иногда по вечерам мы с Мишенькой Кашериновым¹⁹ ездили в Любань, где после обеда гуляли по платформе или два раза даже были на балу в железнодорожном клубе. Правда, оба бала не удались или, вернее, были неудачны, т.к. поздно начинались, и пришлось уехать до самого разгара; иначе мы рисковали остаться в Любани ночевать. Но, конечно, нельзя сравнивать Любань с Ушаками, где такая чудная природа, лес, лужайки, маленькая речка — настоящая деревня. Гулять можно было очень хорошо, куда угодно и где угодно. Несмотря на строгости

^а Дата получения написана карандашом рукой великого князя Константина Константиновича.

генеральши, нам удалось выхлопотать через ее управляющего (бывшего преображенца Твоего времени) разрешение половить рыбу. В два часа мы наловили два ведра больших карасей, которых сжарили и съели.

Надо сделать перерыв, а то я сам^а перестал разбирать, что написал. Был на нашем Ушаковском участке жандарм, который очень способствовал нашему благополучному прозябанию. Благодаря ему мы легко получали продовольствие; он же давал нам разные указания и по охране, и в частной жизни. Возможно, что без него было бы хуже. Я думаю, что Ты его знаешь — это был ст[арший] унт[ер]-оф[ицер] Миронов, бывший преображенец. Он, оказывается, помнит нас с малых лет в Павловске, когда полк приходил в Павловск, на маневрах.

Ужасно было жаль уезжать с охраны. Я так свыкся с этим новым местом. Я совсем забыл сказать, что Миронов просил Тебе кланяться.

Семнадцатого мая повезли нас в Кострому. В поезде ехали: Иоанчик с Еленой, барон Менд, Пусси, Дяденька, дядя Алек²⁰, Петя²¹, Михайловичи²², дядя Ези²³ и Лейхтенбергские. Компания очень пестрая и веселая. Все остальные уехали раньше. В Костроме мы стояли на двух пароходах, соединенных трапом. Это давало нам возможность постоянно общаться. Питались мы на своих пароходах. Было очень хорошо на Волге. Погода стояла дивная, красота неопишуемая. На другой день утром мы все отправились в собор, где встречали Государя. Здесь начались все торжества. Было очень хорошо и весело. Кроме того, приятно было освежить в памяти все то, что мы видели, когда путешествовали с тетей Олей. Очень хорошее впечатление оставило по себе открытие памятника, т.е., вернее, закладка памятника 300-летию дома Романовых. После молебна Государь вышел в беседку, которая стояла на краю холма, на котором все происходило. Весь холм кругом представлял из себя сплошное море народа, который радостно приветствовал Царя. Вечером нас кормили на Царском пароходе. По окончании торжеств Государь поехал в Ярославль, а нас повезли в Москву. Наша компания, за некоторым исключением, разместилась в Нескучном, а другие — в Кремле. Два дня мы гуляли в ожидании прибытия Государя. Встреча и въезд были удивительно красивы. Москва чувствовала и радовалась, как могла, присутствию Царя. Настроение толпы было такое, какого и ожидать было трудно. Говорят, что по словам Государя, настроение народа было лучше, чем на коронации, но это взято с чужих слов. Бал в Дворянском собрании был великолепен. Зал был украшен так просто и изящно, что лучше и желать трудно. Вообще, все эти торжества оставили по себе чудное впечатление.

Здесь, в Красном, несмотря [на] мокроту и холод, живет довольно хорошо. В начале июня, вероятно, около десятого, мы затеяли устроить состязания по самым различным видам спорта. Приготовления идут очень усердно. Надо надеяться, что погода нам не помешает.

Однако, надо кончать. Я, наверно, уже наскучил Тебе своим нескладным письмом. Слог, чувствуя, ужасно хромает, но что-то сегодня

^а Далее зачеркнуто «я».

не клеится. Наконец-то, Ты приезжаешь; я так рад, что можно будет Тебя обнимать уже не на бумаге, а на самом деле.

Твоя рамолиная

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 24—27об. Подлинник. Рукопись.

№ 7

Царское село. Дежурная к[омната]

16 марта 1914 г.

Дорогие Папа и Мама.

Простите, что только теперь пишу; причиной к тому оказалась запасная полка, на которую откладывал задуманное или уже начатое письмо. В конце концов придется ее сжечь, а то она сделалась чересчур заманчивой. Но шутки в сторону: явился вопрос, который надо было разработать, а потом Вам написать. Вопрос этот касается постройки фермы. Как выяснилось, цены на материалы очень высокие, почему сметы оказались большими. Но бросать дело не хочется, так как на него уже ушло много труда и денег, и результаты довольно утешительные. Конечно, первый год (год оборудования) нельзя принимать в расчет. Строить весь хутор сразу — нет возможности да и нет надобности; можно ограничиться постройкой коровника и жилого дома. К сожалению, нельзя будет не затронуть капитала, но это особенного труда не принесет, так как подведя постройки под крышу, их можно будет заложить: иначе говоря, взять ссуду, которая вся войдет на место взятых из капитала сумм. Проценты придется уплачивать ежегодно. Таким образом, лет через двадцать долг будет уплачен. Конечно, при благоприятных условиях можно будет избавиться от долга и раньше обязательного срока. Способ этот общепринятый и очень удобный. Что же касается остальных построек, то я надеюсь возводить из остатков.

В пятницу я сдал последний смотр молодых. Общие результаты очень утешительные. Завтра присяга. Теперь пойдет работа полегче, надо будет зашлифовывать все недостатки. Я надеюсь, что все пойдет хорошо, т.к. народ в общем способный и старательный. Чтобы поднять в роте стрельбу и любовь к ней, я думаю устроить состязания. Напр[имер], это очень удобно организовать во взводе, стреляя дробинкою или в тире, выдавая призы, давшим наилучшие результаты, за данную стрельбу. Я надеюсь, что этот способ возбудит у людей интерес к делу. Только что приходил скороход с неприятным известием, что у тети Аликс болит голова и что она хочет обедать одна с д[ядей] Ники: вечером инвалидный концерт. Царские дочери вместе с румынскими уехали в Петербург. Предстоит грустная перспектива обеда в одиночестве, чего я не выношу. За последние дни стоит отвратительная мокрая погода. Сейчас темно (6 1/2 ч[асов] в[ечера]), горит лампа, на дворе идет мокрый снег. Горизонт, как будто затянут белой пленкой. Ужасно грустное впечатление от всей этой обстановки. Настроение гнилое. Вероятно, из-за него мне и кажется все таким неудобным. Не будь этого глу-

пого состояния, может быть, было бы все наоборот. Но лучше кончать; я начинаю писать скучные вещи, выходит не письмо, а скулеж. Вчера приехал Петя, он сегодня был здесь и рассказывал, что на Кавказе все в зелени, а фруктовые деревья в цвету — настоящая весна, даже жарко.

Нежно Вас обнимаю

Костя

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 28—29об. Подлинник. Рукопись.

№ 8

Мраморный [дворец]

27 марта 1914 г.

Дорогие Мама и Папа.

Спешу послать Вам эти строки. Дело в том, что вчера мы проводили Румын. Кажется, их приезд в Россию окончился не в их пользу. Не найдете ли Вы, что теперь было бы для меня самое подходящее время, чтобы приехать на праздник в Крым для свидания с Ольгой Николаевной. Насколько я помню из разговоров с Мама, румынский Carlo²⁴ стоял первым кандидатом, я же вторым. Может быть, стоит попытаться счастье. Если Вы найдете это возможным, то, пожалуйста, телеграфируйте, и я, отпросившись у Царя, взял бы отпуск на 10 дней и сейчас же выехал бы к Вам. Тогда можно будет вместе поговорить и встретить праздник. Через полчаса иду обедать к графине Келлер, кажется, будет много народу. Я совсем забыл Вам написать, что я имел совершенно случайно короткую аудиенцию с адмиральшей Макаровой. Разговор шел о «Царе Иудейском». Она просила передать Папа свои неопишуемые чувства, которые она вынесла из стен Эрмитажа. Между прочим, она осталась недовольна Прокулой и уверяла, что сама гораздо лучше могла бы исполнить эту роль. Как доказательство своих сценических способностей она прочитала мне какой-то сонет (сонет какой-то святой, какой, сейчас я не припомню), который забыла на середине и долго уверяла, что у нее чудная память, и что это случилось в первый раз. Она все время делала томные глазки, вообще, весь разговор ее был преисполнен сладкой аффектации. Я еле сидел на стуле, слушая ее.

В полку все по-старому. Только Петерсен уходит в отставку и хочет заняться лесным промыслом; Фролов тоже уходит в курские предводители. Не думаю, чтобы он долго остался в этой должности. Молодых я сдал благополучно. Экзамены все сошли весьма недурно. Теперь пойдет шлифовка по всем предметам. Командир очень требователен в строевом деле.

Однако должен кончать, боюсь опоздать к обеду.

В ожидании ответа нежно Вас обнимаю.

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 31—32об. Подлинник. Рукопись.

№ 9

18 августа 1914 г.

Дорогой Пусь.

В этот раз я пишу из поезда. Наш поезд стоит перед семафором, ожидая момента отправки. Эти несчастные семафоры нам ужасно надоели. Вечные и бесконечные остановки. Мы охраняемся с двух сторон цепочкой. Очень возможно, что на завтра — в бой. Хотелось бы поскорее, а то замучили переволакивания с одного места на другое и подчас совершенно зря. Как ни грустно, но должен заметить, что хозяйственное отделение о нас заботится очень мало, что тяжело ложится на роты. Только что сыграли сбор, наверно, сейчас двинемся. Все ли здоровы? Что пишут братья? Я, к сожалению, ниоткуда сведений еще не получал. Только неожиданное письмо от Кати Чернобуровой. Мы сегодня стояли от 3 ч[асов] утра до 5 дня в бывшем губернском городе Ата, откуда послал ей карточку.

После моего письма Мама нас опять гоняли по пескам, что ужасно выматывает. Но, кроме того, беда еще в том, что солдаты жрут черт знает что, и у многих болят животы. С этим очень трудно бороться. Ужасно трясет. Я пишу на выдвигной лестнице. В общем, живется очень хорошо. Крепко обнимаю.

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 30—30об. Подлинник. Рукопись.

№ 10

5 сентября 1914 г.

Дорогой Пусь,

вот уже месяц, как мы воюем. И вместе с тем вышло случайно, что мы ровно через месяц перешли границу. Время страшно тянется; кажется, что прошло чуть ли не полгода, а за это время утекло много измайловской крови. Тебе, наверно, уже известно, что последними жертвами оказались В.Ф.Чигаев²⁵ и Жерве. Чигаев убит в голову, а Жерве — в горло, его сильно исказило. По просьбе командира полка я посылаю телеграмму полковнику Лескинену²⁶, сообщая ему, кто из офицеров ранен и кто убит. Вчера я получил от него две телеграммы с просьбой прислать тела покойных. Кроме того, вчера вечером я получил письмо и, не посмотрев на радостях адреса, бросился его читать. Но когда я развернул письмо, оказалось, что оно было написано не мне, а Тебе. Письмо это было от Ермолинского — я его посылаю Тебе вместе с этим. Надеюсь, что Ты не будешь меня за это бранить — я так мало получаю писем, что каждому из них радуюсь как голодный куску хлеба. Сегодня пришло письмо от Ати²⁷, которая мне прислала образок и благодарит за мое письмо — я ей писал проездом из Седлеца. Вчера пришла первая маршевая команда, в количестве 240 человек под командой подп[олковника] Елагина и двух прапорщиков. Ужасно досадно, что решительно ничего нельзя писать, а вместе с тем есть много интерес-

ного. Скажу только, что полк действует, сл[ава] Б[огу], очень успешно и, пожалуй, не совру, если скажу, что ведет остальные во всех смыслах. Я, слава Богу, здоров, настроение хорошее. Питаемся мы очень хорошо. Собрание, можно сказать, не существует, но устраиваемся по батальонно. Готовим пищу сами с помощью денщиков. В общем получается очень сытная, жирная и простая пища. Достаем мы ее в деревнях всякими способами. Единственно, в чем мы чувствуем сильный недостаток — это папиросы и шоколад. Было бы очень приятно, если бы Вы прислали нам этого на мое имя через штаб Гвардейского корпуса в большом количестве. Мы сегодня отдыхаем и поэтому все пишем письма. Погода мрачная, с утра идет дождь. Штаб остановился в помещении народной школы в деревне, дом очень чистый, с небольшим полисадником. Все ли у нас здоровы? Как себя чувствуют братья? Что они пишут. Здесь от них нет никаких вестей. Ну, надо кончать. Нежно Вас всех обнимаю.

Твоя Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 33—33об. Подлинник. Рукопись.

№ 11

15 сентября 1914 г.

Дорогой Пусь.

Третьего дня вечером, вернувшись из большого перехода, мы остановились для ночевки в местечке, где находился Штаб корпуса. Это всегда очень приятно, т.к. всегда есть надежда получить письма, газеты и вообще узна[ть] всякие новости. Как только расположились, я принялся разбирать почту — это моя должность. Ты не можешь себе представить, как я обрадовался, когда увидел твое письмо. Я принялся его читать за ужином, который нам устроил Порохов²⁸ — он наш штабной хозяин собрания. Я здесь же сообщил офицерам про Акермана и Цирга²⁹. Ты спрашиваешь, в каких боях я участвовал; собственно говоря, во всех. Но дело в том, что в цепи я не лежал, а все находился при командире. Один раз я ездил для связи с колонной генерала Брингена. Противник отступал, но все же его артиллерия стреляла и шрапнели рвались совсем недалеко. Вообще с пулями и снарядами пришлось познакомиться. Последние рвались над головой неоднократно. Кроме того, в расположении полка приходилось ходить под огнем довольно часто. Бои были у нас, начиная с 21 августа по 27^a включительно: д. Жуково, у усадьбы Липняк, Ольшанский лес, Романовской роще, у д. Зарайково, где были убиты Чигаев и Жерве. Лямин был убит в Ольшанском лесу, Кучевский — за Романовской рощей, у деревни Езерки. 24 августа боя не было, а полк переходил с одного места на другое. Гоняют нас много и часто без толку. Корма нет — лошади истощены. Сегодня я пишу тебе из Сандомира, куда приехал вчера вечером с Пороховым. Полк ночевал около перехода сзади, а мы уехали вперед на командирской тройке за

^a 27 написано на месте 28.

покупками. Здесь находится Экономическое общество, в котором, как всегда, ничего нету. Приехали мы сюда ночью, на пути нас догнали Есимонтовский 2[-ой] и Чаплыгин. Мы вместе ночевали в семинарии, которая находится в бывшем монастыре. По словам сторожа здание построено в 14 веке. Кроме того, город, по-видимому, очень интересный, но думаю, к сожалению, что осмотреть его не удастся.

К сожалению, я не могу писать подробностей боев, т.к. всякие сведения о наших действиях держатся или, вернее, хотят держать в тайне, и писать нельзя.

Мы были бы очень тебе благодарны, если бы ты прислал нам через штаб корпуса папирос, махорки и шоколаду. Последнего в плитках и простого сорта, вроде черного крафтовского. Больше нам ничего не надо. Вчера приехала княгиня Ухтомская. Она от Люблина ехала верхом и в таратайке догоняла полк. Через нее я получил шоколад от Мама, за который нежно ее обнимаю. Лидия Ивановна Ух[томская] получила это[т] шоколад от жены Ерм[олинского]^а. Все это очень трогательно, но все же скажу, что по-моему, не дело женам приезжать на войну к здоровым мужьям. Раз я заговорил про семейные дела, то не могу от тебя скрыть, что иногда тоска^б по родине ужасно мучает. Ужасно тяжело сидеть одному. Часто досадуешь на то, что на том фронте братья воюют вместе, а я один. Спасаясь только тем, что берешь себя в руки и стараешься об этом не думать.

Как здоровье Татьяны³⁰ и ее маленьких. Получил ли Георгий³¹ мое письмо? Я дал ему много поручений?

Нежно Вас всех обнимаю.

Христос с Вами.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 34—35об. Подлинник. Рукопись.

№ 12

Деревня Попов^в. Янов[ского] уезда]

18 сентября 1914 г.

Дорогой Пусь.

Пользуюсь удобным случаем, чтобы послать Тебе о себе весточку. Письмо это должен передать Тебе Кадыков, которого я посылаю из Варшавы; он с машиной за полком не следует, т.к. дороги невозможные. В свою очередь Кадыков получит это письмо от Руммеля, который был контужен в голову; он идет отдохнуть в Варшаву, т.к. вследствие контузии с ним стали делаться припадки (обморочные). Он долго ломался и не хотел ехать, но все же его удалось уломать. Мы со вчерашнего дня снова перешли границу. Ночь на 18-ое мы переночевали в де-

^а Первая буква фамилии Е. Далее неразборчиво, фамилия написана сокращенно. Возможно, имеется в виду Н.Н.Ермолинский.

^б Далее зачеркнуто «по дому».

^в Так в тексте.

ревне Боров Яновского уезда. Штаб полка остановился в доме у ксенза. Последний, узнав о нашем приходе в деревню, хотел выйти нас встретить, чтобы пригласить к себе в дом, но мы его предупредили. Мы, т.е. Порохов и я, были посланы квартирьерами и нащупали его дом для штаба. Ксенз нам отвел две комнаты. Когда мы расположились и сели закусить, ксенз сказал, что хочет угостить нас старым венгерским вином и медом собственного изделия. Через пять минут он вынес две запыленные бутылки. Вино оказалось 85-го года, очень легкое, но правда, сухое, как большинство венгерских вин. Узнав от командира, что это был день Ангела Веры, он поднял тост за ее здоровье. Потом ксенз выпил за мое здоровье, и я ему ответил. Тут же была откупорена бутылка с медом — удивительный напиток. Погодя немного, подали ужин. Ксенз в это время отсутствовал, но когда он вернулся, то и ему предложили закусить. После ужина легли спать. Сегодня утром в восемь часов мы выступили по направлению на Юзефов и остановились для ночевки в 12 верстах от него в имении какого-то богатого пана. Он, женатый человек, и имеет троих детей — старшему 6 лет. Хозяйка — уроженка Познани. Это в первый раз за все время, что мы очутились в семейной обстановке и в культурном доме. Должен сказать, что я отвык от приличной жизни и приходится следить за собой, чтобы не выкинуть чего-нибудь неподходящего. Хозяева нас приняли очень радушно. Сама хозяйка после чая села по нашей просьбе за пианино и немного поиграла! Потом сел играть фон Вит, и, наконец, я подсел к нему, и сыграли несколько испанских танцев в четыре руки. Сперва у меня пальцы совсем отказывались, но потом я разошелся, и дело пошло лучше. Во всяком случае, было приятно послушать музыку. Я забыл сказать, что Боровский ксенз нам заводил свой граммофон. Все бы кончилось хорошо, если бы пан ксенз не разводил бы у себя клопов. Одного из них утром Витком поймал. Завтра мы двигаемся дальше. Чувствую я себя прекрасно, в особенности с тех пор, как перешли границу. Чувствуется перемена воздуха, другое отношение жителей — одним словом, чувствуется матушка Россия.

Нежно Тебя обнимаю, дорогой Пусь.
Есть ли известия от Ермолинского?

Твоя Косточка

P.S. Прости, что так коряво пишу. Кляксу только что посадил: мазнул нечаянно по перу.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 36—37об. Подлинник. Рукопись.

№ 13

д. Забагне-Лобзов

22 ноября 1914 г.

Дорогой Пусь.

Вот уже третий день, что я в полку. Ехать пришлось гораздо дольше, чем я думал, так как долго не приходили из Варшавы. Вообще, железная дорога от Варшавы на Мехов только начинает работать и входить

в норму, т.к. она была вся испорчена немцами. Ехать было очень весело. Публика ехала буйная — возни было много. Кроме того, ехали с нами граф Буксгевден и г[оспо]жа Шабельская (рожд. Бутурова). Гр[аф] Буксгевден состоит адъютантом при Лисицком. Полк здесь стоит уже с девятого ноября. Противник местами на расстоянии 300. За это время около 300 человек убыли, а действий никаких. Иногда посылаем прокламаций собственного изобретения. Между прочим, забыл сказать, что маленький Геринг уже ранен. Он явился в роту — Буцкой начал ему объяснять расположение обеих сторон — он даже не успел войти в окоп, как почувствовал толчок в плечо. Пуля прошла выше ключицы, задев шейный мускул. Он эвакуирован через наш лазарет в Петроград. Васька хамит непомерно. Обнимаю.

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 38—38об. Подлинник. Рукопись.

№ 14

Тарволин

23 декабря 1914 г.

Дорогой Паскин.

Вчера вечером я с товарищами вернулся из Варшавы на товарищеский обед. Это был первый обед в боевой обстановке. Кроме своих музыкантов привезли еще варшавских. Обед устроили в Тарволинском ресторане. Помещение было небольшое, но в общем вечер удался — было уютно. К концу обеда пришло приказание о выступлении. Пока известно, что нас везут в Варшаву на Мокотово, где получим дальнейшие указания. Когда мы шли с позиции сюда в Тарволин, поговаривали о том, что идем на Царский смотр, но это были только слухи. 16-го же декабря вышло приказание быть всем в сборе, и на другое утро в 5 1/2 мы выступили на ст. Тарволин. Здесь, на вспаханном поле, построили всю нашу дивизию. Государь обошел весь фронт и, проходя мимо меня, отдельно со мной поздоровался. В виду того, что офицеров не хватало, мне было приказано принять Царскую роту на время смотра. После обхода были вызваны н[ижние] ч[ины], которым Государь выдавал Георгиевские кресты и медали. Между прочими подпрапорщиками 2-й роты Машкин был произведен в прапорщики с переводом в 8 финляндский полк. Наконец дошла очередь и до нас. Построили всех четырех командиров: меня, барона Бринкена и еще нескольких офицеров. Когда Царь ко мне подошел, Он вручил мне красивую коробочку с крестом и сказал: «Вот тебе». Мне почему-то показалось, что в Его голове была грустная нота. Потом, конечно, была масса поздравлений. Мне только грустно, что крест я получил по представлению начальства. Я был представлен к [Георгиевскому] оружию за Люблинские бои, а нач[альник] дивизии написал на реляции, что считает меня достойным Георгия. Собственно говоря, я, по-моему, не подхожу по статут. С другой стороны, раз Царь мне пожаловал крест, я молчу и буду стараться оправдать

эту великую царскую милость. Нежно Тебя обнимаю. Жалею, что не придется увидеться.

Твоя Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 39—39об. Подлинник. Рукопись.

№ 15

С пути

29—30 января 1915 г.

Дорогой Пусь.

Нас везут на новый, еще нам незнакомый фронт. Скоро должны прибыть на станцию Малкин, где меняю направление на север; куда точно, не знаю. Теперь без двадцати пять утра. В вагоне все спят, кроме меня и, кажется, проводника. Над моей головой спит Вовка Душкин. После тяжелого перехода в Варшаву все устали и рады отдохнуть. Мы сделали 25 верст в шесть часов против холодного ветра. Дорога была мерзлая, нога часто соскакивала, ступая на колость; местами был просто лед. Было очень холодно. Приятно было, придя на Брестский вокзал, выпить горячего чаю. Мы пришли в шесть часов утра, а уехали после долгих передрыг с переделкой составов поездов, которые, как обыкновенно, неправильно собраны, только в 12 ч. дня. Я пишу в такой поздний час, т.к. я дежурю по эшелону до шести утра — меня сменяет Порохов. На полочке у окна горит свеча. Писать приходится на коленях. иначе ужасно трясет. Мы, кажется, подходим к станции Требник, надо выйти, чтобы узнать, скоро ли двинемся. Рядом с нами стоит второй батальон, который пришел раньше нас. Кого раньше увезут — неизвестно. Вероятно, его. Жаль, что нас везут на север. Так хотелось бы попасть на юг, где скоро наступит весна и тепло. Говорят, что так и было предположено, но потом все переменяли, и вместо нас послали другие части. Как-то несимпатично ехать в холодные края. С другой стороны, в общем безразлично, где воевать. Судя по газетам, кажется, дела идут недурно.

С тех пор, что я от Вас уехал, полк не стоял долго на одном месте. Я догнал полк в Рыкалах в одном переходе от Радома и в двадцати верстах от г. Троец. Скоро после моего приезда мне пришлось вернуться с Н.Н.Кривицким в Варшаву за оставленными там вещами. В Варшаве я встретил Багратиона, который мне сказал, что ждет Татиану. Зная, что полк отдыхает, я отпросился остаться в Варшаве для свидания с сестрой и провел с ней два дня. К этому времени подъехал из Петрограда полковник Разгильдеев и Коцурик, который, впрочем, на днях эвакуировался из-за малярии. На другой день после приезда Разгильдеева приехали в Варшаву Соколов и Гаскет устраивать товарищеский обед на 22-ое. Захватив музыкантов, мы все вместе направились на автомобилях в полк. Между прочим, мы узнали от егерей, что нас передвинули на новое место. Несмотря на это, было решено взять музыкантов с собой. В Гровцах мы стали узнавать, где находится наш полк. На наше счастье —

нашелся музыкант нашего полка, который знал место стоянки полка — всего в трех верстах от города. Кроме того, тут же подъехал командир полка с Пороховым, от которых все узнали в подробностях. Командир приехал искать средство передвижения в Варшаву для свидания с семьей, которую выписал. В конце концов я его отвез на собственном моторе с Пороховым. Возвращаясь назад, я ехал с Пороховым и Багратионом, который никак не мог достать средство передвижения до полка. Да, я забыл сказать, что полк простоял под Гровцами всего только один день и был передвинут под Тарчик в 30-ти вв. от Варшавы. Кроме того, я по рассеянности не окончил рассказа про музыкантов. Обед, конечно, не состоялось, т.к. нельзя было его устроить, и все устали после трудного перехода и беспокойной ночи. Приказание о передвижении пришло поздно ночью, и уже было не до сна. Несмотря на это в помещении второго батальона, в усадьбе, покинутой хозяевами, состоялся чай и потом ужин с музыкой и бокалом вина. Пьянства не было, а просто мило провели вечер. Разошлись около 12-ти ч[асов] ночи. Что касается нашего возвращения из Варшавы, то, доехав до Тарчика, мы узнали, что полк перешел на новое место и совсем на другой фронт. Косте надо было ехать на Радом, т.е. совсем по другому направлению. К счастью, подъехал санитарный грузовик, который ехал в Радом. Таким образом, мы были выведены из трудного положения. Распрошавшись с Костей, мы отправились догонять полк. Около Гродинска мы его догнали. Расположение полка было очень разбросанное, нижним чинам негде было разместиться. Но эта стоянка имела ту хорошую сторону, что мы были рядом со штабом 2-й армии (Смирнова). Оперативным отделением ее заведует полковник Андогский, от которого^а я получал интересные сведения со всего фронта. Мы стояли в нескольких верстах от ст. Жирардов, т.е. от того места, с которого мы начали воевать. Таким образом, мы закончили круг, обойдя громадный участок Польши, захватив часть Галиции. От позиции мы стояли в переходе — даже ближе. С утра до вечера доносилась артиллерийская стрельба, которая производила впечатление бесконечных раскатов грома. Это было невероятно. Грохот орудий точно переливался. Здесь мы простояли два дня, а затем нас перекинули севернее шоссе Варшава—Блоке^б в 18-ти вв. от Варшавы и, наконец, через день увезли на новые места.

Правда ли, что Иоанчик прикомандировывается к штабу нашего корпуса? Скоро ли поедет Игорь в полк? К сожалению, нас опять оторвали от кавалерии.

Когда Ты поедешь в Павловск? Как Ты себя чувствуешь? Я сам, слава Богу, совсем здоров.

Нежно Тебя и всех обнимаю.

Твоя Измайловская

Косточка

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 40—43об. Подлинник. Рукопись.

^а Далее зачеркнуто «мы».

^б Далее зачеркнуто «через».

№ 16

*Окоп полк[ового] резерва]**22 мая 1915 г.*

Дорогой Пусь,

крепко Тебя обнимаю и поздравляю с днем Ангела. Я не телеграфировал, чтобы избавить Тебя от лишней телеграммы. Это письмо я посылаю Тебе с Э.Э.Герингом, если успею ему передать.

Тяжело было вчера вечером получить известие о кончине Багры. Конечно — на все воля Божия — может быть ему и лучше; главным образом, жаль Татьяну. Дай Бог, ей сил перенести это тяжелое испытание.

Вчера по случаю Твоих именин в лазарете Мраморного дворца был молебен и потом обед. На последнем были: вр[еменный] ком[андир] нашей дивизии генерал Теплов с адъютантом Гушиным. Последний говорил речь, которая оставила очень грустное впечатление. Во-первых, она была очень пессимистична, и, наконец, он позволил себе в присутствии сестры Антонеллы (итальянки) говорить о выступлении Италии, как о факте, затягивающим, по его мнению, окончание военных действий.

Сегодня вечером мы идем сменять второй батальон. Участок очень скверный — очень близко от противника. Кроме того, бросают мины и бомбы, которые приносят большой вред. У нас выбыло около восьмидесяти человек. Мы стараемся принимать меры против этого и даже отвечать собственными средствами. Не знаю, удастся ли. Во всяком случае выяснилось, что очень желательно иметь в окопах небольшие пушки. У преображенцев имеются таковые, и благодаря хорошим отношениям, они дают их нам, если просим. Теперь мы стараемся, в свою очередь, тоже получать какие-нибудь легкие пушки. Я думаю просить Кирилла, чтобы он выхлопотал для нас две или три десантных пушки. Сегодня немцы выкинули в окопах плакат с надписью, что Перемышль взят. Интересно, насколько это верно.

За последнее время у нас стоит очень теплая, даже жаркая погода, только по вечерам бывает свежо. Я слегка простужен, но это не имеет никакого значения, т.к. я сразу принял меры. Меня слегка лихорадило и немного болит горло. Чтобы выяснить в чем дело, я показался доктору Жукову, который мне дал полоскание и аспирину. На днях поймали лейтенанта в гренадерском полку, который дал интересные сведения. Между прочим он сказал, что против второй дивизии сидит бригада без резервов, но с пятью пулеметами на роту.

Однако кончаю.

Христос с Тобой, дорогой Паскин.

Твоя Косточка

P.S. Сегодня получил сочувственную телеграмму от Тети Михен.

ГА РФ. Ф. 660. Оп. 2. Д. 164. Л. 44—45об. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ *Дрентельн А.А.* (1868—1925) — флигель-адъютант, штабс-офицер для поручений при Главной императорской квартире с сентября 1915 г., генерал-майор свиты Его Величества, командир лейб-гвардии Преображенского полка.

² *Муринов Д.А.* — лейб-хирург, доктор медицины, консультировал семью великого князя Константина Константиновича.

³ *Менд Э.Ф.* — барон, штабс-ротмистр, числился по гвардейской кавалерии, адъютант великого князя Константина Константиновича.

⁴ *Елена Петровна* (1884—1962) — дочь сербского короля Петра, супруга князя Иоанна Константиновича с 1911 г.

⁵ *Шюре Эдуард* (1842—1929) — автор книги «Рихард Вагнер и его музыкальная драма» (СПб., 1909). Перевод с французского издания был сделан баронессой Н.М.Розен.

⁶ *Безобразов В.М.* — генерал-адъютант, генерал-майор, генерал от кавалерии, командир Гвардейского корпуса с 1912 г. до июля 1915 г., с декабря 1915 г. командир особого гвардейского отряда, после неудачных ковельских боев в июле 1916 г. смещен.

⁷ *Муфель В.Н.* — генерал-лейтенант, начальник 25-й пехотной дивизии.

⁸ *Елена Георгиевна* (1892—1971) — герцогиня Лейхтенбергская, княжна Романовская, дочь князя Георгия Максимилиановича Романовского, герцога Лейхтенбергского, и черногорской княжны Анастасии Николаевны; с 1917 г. замужем за графом Стефаном Тышкевичем.

⁹ *Александр Михайлович* (1866—1933) — великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича, генерал-адъютант, адмирал, главноуправляющий торговым мореплаванием и портами (1902—1905); во время войны заведовал организацией авиационного дела в действующей армии. С 1894 г. женат на великой княгине Ксении Александровне.

¹⁰ *Николай Николаевич (Младший)* (1856—1929) — великий князь, сын Николая Николаевича (*Старшего*), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, генерал-инспектор кавалерии (1895—1905), командующий войсками Гвардии и Петербургского военного округа (1905—1915). Верховный Главнокомандующий (1914—1915 гг.). В 1910—1913 гг. на Троицкой площади Петербурга был сооружен дворец великого князя Николая Николаевича. Архитектор А.С.Хренов возвел его в формах неоклассицизма. С 1918 г. в здании размещались различные научные учреждения. Ныне в нем находится Дворец бракосочетания.

¹¹ *Акерман В.Е.* — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка.

¹² *Поливанов М.Д.* — полковник лейб-гвардии Измайловского полка.

¹³ *Жерве В.В.* — штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка.

¹⁴ *Дрентельн В.Ю., фон* — офицер лейб-гвардии Измайловского полка; ему принадлежала мысль об организации «Измайловских Досугов», т.е. чтений и собраний по изяшной словесности при полке. Первый «Измайловский Досуг» состоялся 2 ноября 1884 г. Председателем Комитета «Досуга» был великий князь Константин Константинович, претворивший в жизнь идею литературных и музыкальных собраний и разработавший Устав Досуга.

¹⁵ *Лискун Е.Ф.* — надворный советник, входил в состав Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия.

¹⁶ *Счетчик* — так называли в семье великого князя Константина Константиновича Ю.Ю.Бальи-Конта.

¹⁷ *Ермолинский Н.Н.*

- ¹⁸ *Зноско-Боровский А.А.* — чиновник особых поручений, заведующий организацией делопроизводства Канцелярии комитета по землеустроительным делам.
- ¹⁹ *Кашерининов М.А.* — подпоручик лейб-гвардии Измайловского полка.
- ²⁰ *Александр Петрович* (1844—1932) — принц Ольденбургский, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, член Государственного Совета.
- ²¹ *Петр Александрович* — принц Ольденбургский.
- ²² *Михайловичи* — сыновья великого князя Михаила Николаевича: великие князья Николай, Александр, Сергей, Георгий.
- ²³ *Михаил Георгиевич* (1863—1934) — герцог Мекленбург-Шверинский, сын великой княгини Екатерины Михайловны и герцога Мекленбург-Шверинского, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, командующий 1-й артиллерийской бригадой.
- ²⁴ *Кароль* (1893—1953) — принц, сын румынского короля Фердинанда I; с 1930 г. по 1940 г. румынский король Кароль II. В марте 1914 г. принц с родителями побывал с визитом в России.
- ²⁵ *Чигаев В.Ф.* — капитан лейб-гвардии Измайловского полка.
- ²⁶ *Лескинен Г.И.* — полковник лейб-гвардии Измайловского полка, командир 3-го батальона.
- ²⁷ *Беляева А.А.* — няня князя Гавриила Константиновича, затем ушла в Леснинский монастырь в Польше под именем матушки Гавриилы.
- ²⁸ *Порохов Н.Н.* — поручик лейб-гвардии Измайловского полка.
- ²⁹ *Цирг М.А.* — капитан лейб-гвардии Измайловского полка.
- ³⁰ Имеется в виду княгиня Татьяна Константиновна и ее дети: князь *Теймураз Багратион-Мухранский* (1912—1992) и княжна *Наталья Багратион-Мухранская* (1914—1984).
- ³¹ *Георгий Константинович* — князь императорской крови.

ОСОБЫЕ СОВЕЩАНИЯ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

Записка П.А.Сабурова и замечания
на нее В.Н.Ламздорфа. 1905 г.

Важную роль в разработке и осуществлении внешней политики России во второй половине XIX — начале XX в. играли межведомственные Особые совещания. Хотя их материалы широко используются в исторической литературе, сам этот институт исследуется, и то фрагментарно, лишь в нескольких работах¹.

Предыстория Особых совещаний уходит в 20-е гг. XIX в., когда был образован Азиатский комитет — межведомственный орган, ведавший политическими и торговыми отношениями с государствами Средней Азии и, частично, с Китаем и Персией. Кроме того, Азиатский комитет был наделен административными полномочиями в отношении подвластных России калмыков и казахов². В 1827 г. он получил статус постоянного органа³. После 1838 г., в связи с передачей управления казахами Букеевской орды из Министерства иностранных дел в Министерство государственных имуществ, деятельность Азиатского комитета постепенно свертывается. Последнее его заседание, посвященное развитию кяхтинской торговли с Китаем, состоялось в июле 1850 г.⁴

На вторую четверть XIX в. приходится расцвет деятельности так называемых высших комитетов. Они создавались, главным образом, для решения вопросов внутренней политики и управления окраинами. Тем не менее, некоторые из них созывались для рассмотрения внешнеполитических задач. В сентябре 1829 г. заседал Особый комитет по восточным делам, занимавшийся определением политического курса в отношении Османской империи⁵. Усиление активности России на Дальнем Востоке привело к появлению Особых комитетов по китайским и япон-

¹ См.: Бестужев И.В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910 гг. М., 1961. С. 52—54; Флоринский М.Ф. Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907—1914 гг. // Вестник Ленинградского университета. Серия. История. Язык. Литература. 1978. № 2. С. 35—39; Емец В.А. Механизм принятия внешнеполитических решений в России до и в период Первой мировой войны // Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 57—71; Куликов В.И. Особые совещания во внешнеполитическом механизме российской монархии // История российской монархии: мнения и оценки. Материалы Восемнадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2000. С. 124—128.

² АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. I—I. Оп. 781. Д. 488. Л. 150б.

³ Там же. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 493б.

⁵ См.: Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983. С. 261—264; Орлик О.В. Россия в международных отношениях 1815—1829 гг. (От Венского конгресса до Адрианопольского мира). М., 1998. С. 109, 112.

ским делам. Первое упоминание о них относится к апрелю 1843 г.⁶ Особенно интенсивно они заседали на рубеже 40—50-х гг. XIX в. В 1857 г. образуется Особый комитет для рассмотрения вопроса о завершении разграничения с Китаем в Приамурье. Впоследствии он получил неофициальное название Амурского комитета⁷. В 1857—1861 гг. состоялось не менее десяти его заседаний.

Особые комитеты возглавлялись высшими чиновниками империи или членами императорской фамилии. Так, во второй половине 1840-х гг. в них председательствовал глава МИД К.В.Нессельроде, в 1851—1854 гг. — великий князь Александр Николаевич (будущий император Александр II), затем — его брат великий князь Константин Николаевич⁸.

Расширение географии обсуждавшихся вопросов привело к превращению Особых комитетов по китайским и японским делам сначала в Особые комитеты по азиатским делам (1860-е гг.), а затем, на рубеже 60—70-х гг. XIX в. в Особые совещания по внешней политике. Этот процесс, отразивший усиление взаимозависимости европейской, среднеазиатской и дальневосточной политики России, прослеживается по изменению наименований данных органов в официальных документах⁹. Немаловажное значение в становлении Особых совещаний как межведомственного внешнеполитического института имел субъективный фактор — участие Александра II в бытность его наследником престола в различных совещательных органах.

Особые совещания, как и их непосредственные предшественники — Особые комитеты, не имели четкого правового статуса и созывались нерегулярно. Их заседания проходили, как правило, в высочайшем присутствии. Председательствовал в них сам император или назначенный им чиновник — чаще всего министр иностранных дел или военный министр. Иногда председателем назначался наследник престола или кто-то из великих князей. Император определял повестку дня и состав участников каждого заседания. Особые совещания собирались как в «обычном» составе, т.е. в присутствии министров иностранных дел, военного, морского, финансов, директора Азиатского департамента МИД, так и в «усиленном» — в таком случае привлекались великие князья, товарищи (заместители) вышперечисленных министров, руководители других заинтересованных ведомств, генерал-губернаторы азиатских окраин, послы, посланники, военные чины.

В Особых совещаниях предварительно обсуждались важнейшие вопросы внешней политики России: ее позиция в международных конфликтах, политические и торговые отношения с другими государствами, противоречия с великими державами на Ближнем, Среднем и Дальнем Востоке, планы экономического и политического проникновения в сопредельные азиатские страны. Журналы заседаний подписывались их участниками и поступали на одобрение к императору. На основании утвержденных им решений Министерство иностранных дел составляло инструкции дипломатическим представителям России за границей. Таким образом, на заседаниях Особых совещаний происходило согласование позиций различных ведомств и выработывался внешнеполитический курс государства. Хотя на них рассматрива-

⁶ См.: Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849—1855 гг. М., 1974. С. 10; Май А.С. Споры в русском правительстве по Амурскому вопросу (1848—1854 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8 (История). 1996. № 3. С. 4.

⁷ АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. I—1. Оп. 781. Д. 495.

⁸ Там же. Д. 179. Л. 37; Очерк истории Министерства иностранных дел. СПб., 1902. С. 131—132.

⁹ АВПРИ. Ф. СПб. Гл. арх. I—1. Оп. 781. Д. 160—162, 170, 172—173, 178—179, 181—182, 185—191, 494—496 и др.

лась внешняя политика России как на Западе, так и на Востоке, вопросы азиатской политики были доминирующими.

Дать исчерпывающий перечень заседаний Особых совещаний по внешней политике вряд ли возможно: их материалы рассредоточены по разным архивам и архивным фондам. Однако, не будет являться преувеличением утверждение, что многие внешнеполитические акции России второй половины XIX в. были осуществлены после обстоятельного обсуждения в Особых совещаниях. Так, например, вопрос о возвращении Россией временно занятого ею Кульджинского края Китаю рассматривался в 1876—1880 гг. в шести Особых совещаниях¹⁰. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что император не был связан решениями Особых совещаний. Во-первых, они созывались исключительно по его воле; во-вторых, он мог не утвердить решение Особого совещания и назначить повторное заседание. Именно так произошло в ноябре 1897 г., когда в Особом совещании рассматривался вопрос о приобретении Россией незамерзающего порта на Дальнем Востоке¹¹. К тому же параллельно существовали неофициальные каналы воздействия на внешнеполитический курс государства вроде печально известной «безобразовской клики».

Преращение Особых совещаний в традиционную форму предварительного обсуждения вопросов внешней политики, с одной стороны, и отсутствие четко определенного механизма их функционирования, с другой, привели к появлению проектов по реформированию данного института. Один из таких проектов содержался в публикуемой ниже записке бывшего посла России в Германии, члена Государственного совета П.А.Сабурова (док. № 1).

Журнал «Исторический архив» уже обращался к биографии этого видного российского дипломата¹². П.А.Сабуров принадлежал к либерально-бюрократическому крылу политической элиты страны и являлся сторонником умеренных реформ. Вершина его политической деятельности пришлась на конец 70 — начало 80-х гг. XIX в., когда он занимал пост посла в Берлине и считался одним из претендентов на министерское кресло в Петербурге. В 1905 г. ему исполнилось 70 лет, но он по-прежнему живо интересовался внутри- и внешнеполитическими событиями¹³.

В апреле 1905 г., находясь под впечатлением неудачного хода русско-японской войны и видя основную причину постигшей Россию неудачи в «несовершенстве того государственного аппарата, который ведает нашу внешнюю политику», П.А.Сабуров предложил образовать особый совещательный орган, хотя бы и негласный, для рассмотрения внешнеполитических вопросов. Новый орган должен был состоять из лиц, «испытанных в путях государственной мудрости и тем заслуживших монаршее доверие»¹⁴. Фактически речь шла о том, чтобы придать Особым совещаниям по внешней политике статус постоянно действующего учреждения. Реализация плана П.А.Сабурова совершенно не затрагивала исключительных пол-

¹⁰ Там же. Д. 186, 189—190.

¹¹ Там же. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 241. Л. 7—8.

¹² См.: «Дело» Сабурова-Каткова. 1887 г. / Публ. В.И.Куликова // Исторический архив. 1997. № 4. С. 165—174. Биографические сведения о П.А.Сабурове также см.: Куликов В.И. Дипломатическая деятельность Петра Сабурова // Исторические личности России. Материалы Одиннадцатой Всероссийской заочной научной конференции. СПб., 1998. С. 124—127.

¹³ Иногда этот интерес проявлялся в довольно оригинальной форме: в Государственном архиве Российской Федерации сохранилось неопубликованное стихотворение П.А.Сабурова о первой российской революции — «1905 год» (ГА РФ. Ф. 1074. Д. 311. Л. 14—15).

¹⁴ АВПРИ. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 241. Л. 2—3.

номочий верховной власти в области внешней политики, но вела к установлению контроля правящей бюрократии над Министерством иностранных дел и к ограничению вмешательства придворной камарильи в процесс принятия внешнеполитических решений.

Записка П.А.Сабурова была направлена Николаю II. Император, ознакомившись с ее содержанием, передал записку через статс-секретаря Д.М.Сольского главе МИД В.Н.Ламздорфу, который составил на нее свои замечания (док. № 2). В.Н.Ламздорф без особого труда разглядел в проекте П.А.Сабурова попытку создать «совершенно небывалое в России совещательное учреждение над Министерством иностранных дел»¹⁵. К тому же осторожный, консервативно настроенный министр вообще не желал слышать о каких-либо преобразованиях в своем ведомстве. Поэтому он отрицательно отнесся к предложению П.А.Сабурова. Более того, первоначальная реакция В.Н.Ламздорфа оказалась слишком резкой: в сохранившемся черновом варианте замечаний записка П.А.Сабурова была отнесена «к числу тех, появившихся за последнее время многочисленных записок, в которых, быть может против воли самих авторов, проглядывается стремление ограничить самодержавную власть государя»¹⁶. Правда, в окончательном варианте замечаний, представленном Николаю II, эта формулировка была смягчена: В.Н.Ламздорф ограничился утверждением, что в записке П.А.Сабурова «проводится мысль, которая находится в несоответствии с основным положением, в силу коего руководство внешней политикой России всегда составляло прерогативу царской власти»¹⁷. Николай II полностью согласился с мнением своего министра, о чем свидетельствует его помета на полях копии замечаний В.Н.Ламздорфа¹⁸. Реформа особых совещаний по внешней политике не была осуществлена.

В последующие годы вопрос о реорганизации Особых совещаний поднимался премьер-министрами С.Ю.Витте, П.А.Столыпиным и В.Н.Коковцовым. Они хотели превратить Особые совещания по внешней политике в рабочий орган возглавляемых ими правительств. Но их усилия не увенчались успехом¹⁹. Опасение верховной власти потерять исключительное право определять внешнюю политику государства помешало упорядочить правовой статус Особых совещаний, устранить некомпетентное влияние близких к трону лиц на внешнеполитический курс и тем самым повысить эффективность внешнеполитического механизма в целом.

Записка П.А.Сабурова о необходимости создания Особого совещательного органа для предварительного обсуждения вопросов внешней политики и замечания на нее В.Н.Ламздорфа являются ценным источником по истории внешнеполитического аппарата Российской империи начала XX в. Они расширяют наши представления о межведомственных Особых совещаниях по внешней политике, рассказывают об одной из многих несостоявшихся реформ того времени, дают дополнительные штрихи к политической биографии видных российских дипломатов — В.Н.Ламздорфа и П.А.Сабурова.

Публикуемые документы хранятся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), в фонде № 138 «Секретный архив министра». Машинописные копии этих документов находятся также в фонде № 133 «Канцелярия министра». В последнем фонде сохранился черновой вариант замечаний В.Н.Ламздорфа. Единственное его существенное отличие от варианта, публикуемого здесь, указывалось

¹⁵ Там же. Л. 4об.

¹⁶ Там же. Ф. Канцелярия. Оп. 470. 1905. Д. 81. Л. 127.

¹⁷ Там же. Ф. Секретный архив. Оп. 467. Д. 241. Л. 4.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Флоринский М.Ф. Указ. соч. С. 37—38.

выше. Текст записки и замечаний на нее передаются по правилам современной орфографии с сохранением стилистики документов. Подчеркнутые слова выделены курсивом.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук В.И.КУЛИКОВ.

№ 1

Записка П.А.Сабурова о необходимости создания Особого совещательного органа для предварительного обсуждения вопросов внешней политики

2 апреля 1905 г.

В течение последнего пятидесятилетия Россия была три раза вовлечена в войну¹, и все три раза против воли ее государей. Причиняемое этими войнами экономическое истощение страны не сопровождалось достижением соответствующих политических выгод. Даже победоносная война 1877 года закончилась Берлинским конгрессом², где победителем оказалась не Россия, а Австрия, занявшая без боя две турецкие провинции³, и Англия, завладевшая Кипром⁴, а потом Египтом⁵.

Очевидно, существует одна общая причина таким крупным неудачам, ослабляющим нас внутри и извне; и эту причину можно только искать в несовершенстве того государственного аппарата, который ведает нашу внешнюю политику.

Для всех других отраслей управления создан ряд совещательных учреждений, поверяющих и исправляющих действия отдельных ведомств. Финансовые меры обсуждаются в Департаменте Государственной экономики⁶ и в Комитете финансов⁷, а поверяются Государственным контролем⁸. Законопроекты по внутреннему управлению повергаются на высочайшее утверждение не иначе, как по предварительном рассмотрении в департаменте и засим в Общем собрании Государственного совета. В настоящую минуту вырабатывается законопроект, возбраняющий министрам испрашивать путем всеподданнейших докладов изменение или отмену существующих законов помимо общего порядка. Для военной и морской администрации существуют Военный совет⁹ и Адмиралтейств-совет¹⁰. Наконец, для отправления правосудия учреждены разные инстанции, обеспечивающие правильное решение судебных дел.

В противоположность этому общему порядку, меры, принимаемые на почве иностранной политики, не исключая таких, которые могут вовлекать государство в положение, грозящее войной, считаются делом, касающимся одного только ведомства; и не существует учреждения, в которое Его Величеству было бы возможно передать вопросы исключительной важности для всестороннего обсуждения. Если и собираются в критических моментах чрезвычайные советы, то это обыкновенно слишком поздно, когда ход событий уже не может быть остановлен.

Для крупных вопросов иностранной политики нет надобности в специальных дипломатических познаниях; важно то, чтобы Государь имел возможность выслушать не одно только мнение министра иностранных дел, но и мнение лиц, испытанных в путях государственной

мудрости и тем заслуживших монаршее доверие. При существующей у нас обособленности ведомств военного, морского, финансового и иностранных дел, одному Государю трудно, а иногда и совершенно невозможно, взвесить все отдаленные последствия, которые та или другая мера может повлечь за собой; и вот почему Россия может быть шаг за шагом вовлечена в войну, несмотря на миролюбие ее государей.

Когда в 1853 году император Николай I¹¹ послал приказание занять Дунайские княжества¹² для вразумления султана¹³, не соглашавшегося на наши предложения, он был далек от мысли, что эта мера поведет к войне с западными державами.

Турецкая война 1877 года сделалась неизбежной с того момента, как было разрешено нашим офицерам вступить добровольцами в ряды сербского восстания¹⁴. Когда потекла русская кровь, всеми слоями нашего общества овладел неудержимый воинствующий порыв, которому в конце концов сам император Александр II¹⁵, не желавший войны, признал нужным уступить.

Война, которую мы теперь переживаем, имела своей главной, хотя и отдаленной причиной, занятие Порт-Артура¹⁶, решенное по всеподданнейшему докладу покойного министра иностранных дел графа Муравьева¹⁷.

Весьма вероятно, что если бы все эти меры, предварительно высочайшего решения, могли быть обсуждены со всеми их возможными последствиями в совещательном собрании, хотя бы и негласном, наподобие Комитета финансов, ход событий в трех указанных случаях получил бы менее острый оборот, и история последнего пятидесятилетия представляла бы совершенно иную экономическую и политическую картину.

АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 467. Д. 241. Л. 2—3. Подлинник.

№ 2

Замечания В.Н.Ламздорфа на записку П.А.Сабурова

18 апреля 1905 г.

В записке члена Государственного совета д[ействительного] т[айного] с[оветника] Сабурова о желательности образования «Особого совещательного установления для предварительного обсуждения важнейших мероприятий по иностранной политике» проводится мысль, которая находится в несоответствии с основным положением, в силу коего руководство внешней политикой России всегда составляло прерогативу царской власти.

Даже в конституционной Германии, где монарху зачастую приходится вести борьбу с парламентом не только на почве внутреннего законодательства, но и в вопросах, касающихся армии и флота, внешняя политика государства направляется предначертаниями императора.

Тем менее допустимо в самодержавной России существование какого-то высшего *коллегиального* учреждения, обсуждающего дела международных сношений.

Проводимая д.т.с. Сабуровым, в подкрепление своей мысли, параллель между проектируемым им установлением для Министерства иностранных дел и существующими учреждениями, будто бы регулирующими деятельность других ведомств, едва ли основательна.

В самом деле, ни Военный и Адмиралтейств советы, ни Финансовый комитет, ни тем менее Государственный контроль по характеру и задачам своим, точно определенным законами, вовсе не играют роли учреждений, проверяющих и исправляющих действия соответственных министров в том направлении, которое рекомендуется запиской специально для Министерства иностранных дел.

Столь же мало подходящим к проекту д.т.с. Сабурова является и Департамент государственной экономии, составляющий часть высшего центрального органа управления — Государственного совета, на обсуждение коего представляются важнейшие мероприятия всех отдельных ведомств, в том числе, стало быть, и Министерства иностранных дел.

Новое, совершенно небывалое в России совещательное учреждение над Министерством иностранных дел из лиц, «испытанных в путях государственной мудрости и тем заслуживших монаршее доверие» признается в записке необходимым потому, что одному Государю будто бы трудно, а иногда и совершенно невозможно взвесить все отдаленные последствия, которые та или другая мера может повлечь за собой.

По сему поводу надо прежде всего заметить, что в делах внешней политики государства, стоящих в многообразной связи с событиями международной жизни, едва ли даже испытанным в государственной мудрости сановникам дано заранее предугадать «отдаленные» последствия какого-либо мероприятия.

Впрочем, в записке ошибочно предполагается, будто бы в России император, давая направление внешней политики, в чрезвычайно важных случаях поставлен в затруднительное положение, имея возможность выслушивать мнение только одного министра иностранных дел. Между тем, как известно, при указанных выше обстоятельствах русские монархи принимают всегда решения по обсуждению дела в назначенных для каждого отдельного случая под личным Высочайшим председательствованием Особых совещаниях, на кои приглашаются лица, пользующиеся доверием Государя.

Ошибочность основного положения записки приводит автора ее к неправильному толкованию и трех эпизодов из истории последнего пятидесятилетия.

В самом деле, из изложенного в записке можно вывести заключение, будто в 1853, 1877 и 1904 годах Россия была вовлечена в войну, ввиду возникавшего всякий раз коренного разногласия во взглядах на политическое положение трех императоров, желавших мира, и их министров иностранных дел, действиями своими вызывавших бедственную катастрофу.

Ближайшее ознакомление с историческими фактами вовсе не подтверждает точку зрения автора записки, к тому же даваемое объяснение непосредственных причин трех упомянутых войн страдает неточностью.

В 1853 году император Николай I не желал войны; нет, однако, ни одного факта, указывающего на то, будто иного взгляда придерживался государственный канцлер граф Нессельроде¹⁸, употреблявший все усилия к тому, чтобы парализовать неблагоприятные нам происки Англии, стремившейся во что бы то ни стало посорить Россию с Турцией.

В этом отношении лучшим свидетельством служит представленное канцлером на Высочайшее воззрение и вызвавшее полное одобрение императора Николая I пророческое донесение российского посла в Лондоне барона Бруннова¹⁹ от 20 мая 1853 года:

«Война, — писал он, — разрушит Оттоманскую империю. Она обратит в клочки тот самый Кайнарджийский трактат²⁰, который мы признаем себя обязанными сохранять в целости. Она создаст на развалинах Турции всевозможные новые государства, которые будут в отношении нас столь же неблагодарны, как была Греция²¹ ... И, что еще хуже, она создаст в будущем такой порядок вещей, при котором наше влияние еще больше будет встречать противодействия и будет ограничиваемо соперничеством со стороны Франции, Англии и даже Австрии, чем было до сих пор во время господства турок ... Вот, по моему мнению, вероятный результат войны. Если нужно, мы должны ее предпринять. Но если есть средство избежать ее, то, я думаю, это было бы лучше, ибо там, где ничего нельзя выиграть, скорее можно что-нибудь потерять».

Такого же мнения придерживался и государственный канцлер. Если же д.т.с. Сабуров полагает, что ближайшей причиной войны 1853 года было данное императором Николаем I приказание занять Дунайские княжества для вразумления султана, — то этим автор записки именно сам подрывает основательность положения, которое он стремится подкрепить.

На самом деле исходной точкой катастрофы была полная неудача, постигшая чрезвычайную миссию генерал-адъютанта князя Меншикова²², своими крайне неосторожными действиями в Константинополе неоправдавшего доверия императора.

Резкое поведение князя Меншикова в Константинополе и разрыв переговоров с турками произвели сильное впечатление на английский правительственный аппарат, которому российский посланник в Лондоне²³ не мог, к тому же, дать никаких успокоительных заверений. С этой именно минуты война стала неизбежной.

В 1877 году или, вернее, в 1876 году равным образом император Александр II не желал войны с Турцией. К устранению ее принимались все меры и государственным канцлером князем Горчаковым²⁴. Если допустить, как полагает д.т.с. Сабуров, что разрешение нашим офицерам вступить добровольцами в ряды сербской армии повлекло за собой открытие военных действий, то нельзя упускать из виду, что указанная мера последовала вопреки мнению Министерства иностранных дел. Во всяком же случае, прежде чем решиться на объявление войны Турции, император Александр II неоднократно назначал под личным своим председательством Особые совещания, на которые приглашались к обсуждению дела великие князья и министры, при этом же задолго до 12 апреля 1877 года²⁵.

Наконец, что касается до настоящей войны, которой также не желал ныне благополучно царствующий Государь Император²⁶, — то в настоящую минуту представляется едва ли возможным исследовать все ближайшие причины ее.

С достоверностью можно, однако, сказать, что и во всех всеподданнейших докладах министра иностранных дел указывалось на опасность и гибельность разрыва с Японией, коего всячески надлежало избежать.

Автор записки полагает, что причиной переживаемой Россией войны явилось занятие Порт-Артура, решенное будто бы по всеподданнейшему докладу покойного министра иностранных дел Муравьева.

Как известно, вопрос о приобретении Россией незамерзающего порта на Дальнем Востоке давно составлял предмет первостепенных забот императорского правительства. По мере развития наших военно-морских сил в Тихом океане необходимость иметь для русского флота прочную базу становилась все более и более очевидной и, с занятием немцами в 1897 году порта Киау-Чау на Шаньдунском полуострове²⁷, не представлялось более возможным медлить изысканием таковой базы.

В особой записке, представленной 11 ноября 1897 года на высочайшее воззрение, покойный министр иностранных дел граф Муравьев изложил все имевшиеся в министерстве данные по сему вопросу, указав, между прочим, на желательность воспользоваться благоприятно сложившимися политическими обстоятельствами для занятия нашей эскадрой Тальянвана²⁸ на Ляодунском полуострове *или иного порта по указанию нашего морского ведомства.*

На записке этой Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать:

«Вполне разделяя заключительные мысли этой записки, я назначаю *Совещание* на пятницу 14 ноября в 2 часа. Прошу Вас уведомить о том и пригласить от моего имени: военного министра, управляющего Морским министерством и министра финансов²⁹. Разошлите им предварительно копии этой записки и план местности. Я всегда был мнения, что будущий наш открытый порт *должен находиться* или на Ляодунском полуострове, или в С[еверо]-В[осточном] углу Корейского залива».

Совещание 14 ноября не пришло к окончательным заключениям, вследствие чего Государю Императору благоугодно было, ввиду надвигавшихся событий тревожного характера, назначить второе Совещание по тому же предмету на 27 ноября 1897 года, на коем решено было немедленно же командировать отряд судов под командой вице-адмирала Дубасова³⁰ для занятия не только Тальянвана, но и Порт-Артура, как наиболее подходящего для устройства военного порта.

Из изложенного явствует, что вопрос о занятии Порт-Артура дважды подвергался тщательному обсуждению на Особых совещаниях под председательством Государя Императора, а не служил лишь предметом личного всеподданнейшего доклада министра иностранных дел.

Примечания

¹ Речь идет о Крымской (1853—1856 гг.), русско-турецкой (1877—1878 гг.) и русско-японской (1904—1905 гг.) войнах.

² Берлинский конгресс был созван по требованию Великобритании и Австро-Венгрии для пересмотра условий Сан-Стефанского мира, завершившего русско-турецкую войну 1877—1878 гг. Проходил в Берлине в 1878 г. В его работе принимали участие Россия, Германия, Австро-Венгрия, Франция, Великобритания, Италия и Турция.

³ В соответствии с XXV статьей Берлинского трактата Австро-Венгрия получила право оккупации Боснии и Герцеговины. Формально обе провинции оставались в составе Османской империи. Окончательно они были аннексированы Австро-Венгрией в 1908 г.

⁴ Секретная англо-турецкая конвенция о Кипре была подписана 23 мая (4 июня) 1878 г. Турция передавала Кипр Великобритании в обмен на дипломатическую поддержку против России на Берлинском конгрессе.

⁵ Египет был оккупирован английскими войсками в 1882 г.

⁶ Департамент государственной экономии (1810—1906 гг.) — один из департаментов Государственного совета, являлся предварительной инстанцией для обсуждения финансовых проектов перед внесением их в Общее собрание Госсовета.

⁷ Комитет финансов (1806—1917) — межведомственный совещательный орган по вопросам кредитной и финансовой политики, занимался изысканием средств для погашения бюджетного дефицита. Во второй половине 90-х гг. XIX в. П.А.Сабуров входил в состав комитета.

⁸ Государственный контроль (1836—1917) — орган, осуществлявший проверку финансовых смет центральных и местных государственных учреждений.

⁹ Военный совет (1832—1918) рассматривал законодательные и хозяйственные вопросы по военному ведомству, проводил кодификацию военных законов.

¹⁰ Адмиралтейств-совет (1827—1917) действовал в составе Морского министерства, ведал его хозяйственной частью.

¹¹ *Николай I* (1796—1855) — российский император в 1825—1855 гг.

¹² Имеются в виду Валахия и Молдавия, которые находились в вассальной зависимости от Османской империи.

¹³ Имеется в виду султан Абдул-Меджид, правил в Османской империи с 1839 г. по 1861 г.

¹⁴ В июне 1876 г. Сербия и Черногория, оказывая помощь антиосманскому восстанию в Боснии, Герцеговине и Болгарии, объявили войну Турции. На территории Сербии в это время находилось около 4 тыс. русских добровольцев, в т.ч. много офицеров, прибывших туда с ведома российского правительства.

¹⁵ *Александр II* (1818—1881) — российский император в 1855—1881 гг.

¹⁶ Порт-Артур — военно-морская база России на Ляодунском полуострове, полученная в аренду у Китая по русско-китайской конвенции от 15 (27) марта 1898 г. После поражения в русско-японской войне Россия уступила право аренды Порт-Артура Японии.

¹⁷ *Муравьев М.Н.* (1845—1900) — граф, дипломат. Служил советником посольства во Франции, Германии, посланником в Дании. В 1897—1900 гг. — министр иностранных дел России.

¹⁸ *Нессельроде К.В.* (1780—1862) — граф, государственный деятель и дипломат. На дипломатической службе с 1801 г., работал в российских миссиях в

Берлине и Париже, в 1813—1814 гг. состоял при императоре Александре I. В 1816 г. возглавил Министерство иностранных дел (до 1822 г. управлял министерством совместно с И.А.Каподистрией). С 1845 г. — канцлер. После окончания Крымской войны (1856 г.) в отставке.

¹⁹ *Бруннов Ф.И.* (1797—1875) — граф, дипломат. Находился на различных дипломатических должностях. В 1839 г. направлен в Великобританию для урегулирования англо-русских разногласий по Восточному вопросу. Подписал лондонские конвенции 1840 и 1841 гг. о режиме Проливов и конвенцию 1871 г. об отмене «нейтрализации» Черного моря. В 1853 г. занимал должность российского посланника в Лондоне.

²⁰ Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. завершил русско-турецкую войну 1768—1774 гг. По его условиям Россия приобретала земли между Днепром и Южным Бугом, Керчь и право беспрепятственного плавания для торговых судов по Азовскому и Черному морям и прохода через Проливы. Крымское ханство провозглашалось независимым от Турции (фактически над ним устанавливался российский протекторат), Валахия и Молдавия получали автономию в составе Османской империи.

²¹ Греция получила независимость в результате русско-турецкой войны 1828—1829 гг. После избрания на греческий престол баварского принца Оттона (правил с 1832 г. по 1862 г.) страна оказалась в финансовой зависимости сначала от Англии, затем от Франции. Влияние России было подорвано.

²² *Меншиков А.С.* (1787—1869) — князь, государственный и военный деятель, генерал-адъютант. Участвовал в Отечественной войне 1812 г. и русско-турецкой войне 1828—1829 гг. С 1828 г. фактически руководил Морским министерством. В 1853 г. был направлен с чрезвычайной миссией в Константинополь для урегулирования спора о «святых местах». С осени 1853 г. по февраль 1855 г. — главнокомандующий русской армией в Крыму.

²³ Имеется в виду Ф.И.Бруннов (см. прим. 19).

²⁴ *Горчаков А.М.* (1798—1883) — князь, государственный деятель и дипломат. Во внешнеполитическом ведомстве с 1817 г., работал в российских дипломатических представительствах в Лондоне, Риме, Берлине, Флоренции, Вене, посланник в Вюртемберге, при Германском союзе, в Австрийской империи. После Крымской войны назначен министром иностранных дел (1856 г.). С 1867 г. — канцлер. В 1871 г. сумел добиться пересмотра положения Парижского мира 1856 г. о «нейтрализации» Черного моря.

²⁵ 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал Манифест об объявлении войны Турции.

²⁶ Речь идет о Николае II (1868—1918) — последнем российском императоре.

²⁷ *Киау-Чау* (Циндао) — порт в бухте Цзяочжоу на южном побережье Шаньдунского полуострова в Китае. Был захвачен Германией в ноябре 1897 г. В марте 1898 г. германское правительство подписало с Китаем соглашение об «аренде» Киау-Чау сроком на 99 лет.

²⁸ *Тальянван* (Дальний) — порт на Ляодунском полуострове, арендован в 1898 г. Россией у Китая вместе с Порт-Артуром (см. прим. 16).

²⁹ В ноябре 1897 г. военным министром являлся П.С.Ванновский, управляющим Морским министерством — П.П.Тыртов, министром финансов — С.Ю.Витте.

³⁰ *Дубасов Ф.В.* (1845—1912) — государственный и военно-морской деятель, адмирал (1906 г.). В 1897—1899 гг. командующий Тихоокеанской эскадрой, по распоряжению правительства занял Порт-Артур и Тальянван (Дальний).

«ГОСУДАРЬ! ИСПОВЕДУЮ ТЕБЕ ЯКО БОЯЩИЙСЯ БОГА»

Прошения родственников декабристов
о помиловании арестованных. 1826 г.

В конце 1825 г. и первой половине 1826 г. к следственному делу о «злумышленном тайном обществе» было непосредственно привлечено более 300 человек. Все эти лица, подозреваемые в принадлежности к тайным обществам и заговору, закончившемуся воинским мятежом, арестовывались и доставлялись в Петербург, где размещались в казематах и арестантских покоях Санкт-Петербургской крепости, а также на гауптвахтах столицы (прежде всего — на «главной гауптвахте», «у дежурного генерала» Главного штаба и на «городском карауле»). Аресты затронули множество семейств, не исключая влиятельные фамилии и семейные кланы, весьма приближенные к трону. К тайным обществам оказались причастными также родственники лиц, занимавших видные посты в государственном управлении.

Человеческие чувства, в данном случае — естественные чувства родителей и родных, не отменимы, и вскоре, уже через несколько недель после 14 декабря 1825 г., новому императору пришлось столкнуться с целым потоком прошений на его имя, содержание которых сводилось к просьбе помиловать арестованных родственников. Оставить без ответа эти обращения было невозможно. Перед властью обозначилась непростая проблема: как совместить неотвратимое наказание, которое должны были понести виновные в заговоре, с милосердием и состраданием? Именно этого ждали от императора семьи многих арестованных, их ожидания, в свою очередь, влияли на общественное мнение в целом.

Насколько реалистичны были надежды на «помилование», питаемые родственниками привлеченных к следствию? Факты свидетельствуют о том, что случаи, когда родственные связи арестованных оказали определенное влияние на ход расследования и сыграли заметную роль при решении вопроса о дальнейшей участи некоторых из привлеченных к делу, существовали. Спустя несколько дней после выступления на Сенатской площади к императору был доставлен участник Петербургского филиала Южного общества корнет Кавалергардского полка Н.Н.Депрерадович, причем, доставлен он был «с повинной» собственным отцом, Н.И.Депрерадовичем, генерал-адъютантом, лицом, достаточно близким к Николаю Павловичу¹. Такой же поступок в отношении своего сына, подпоручика Преображенского полка Н.В.Шереметева, совершил В.С.Шереметев. И Н.Н.Депрерадович, и Н.В.Шереметев были вскоре освобождены, отданы «под присмотр» каждый своему отцу, а в дальнейшем переведены из гвардии в армию и оказались на Кавказе². Получили «высочайшее прощение» А.Г.Вилламов и князь А.И.Гагарин, участники сопротивления присяге в гвардейской Конной артиллерии — первых беспорядков в день 14 декабря 1825 г., дети секретаря императрицы-матери Марии Федоровны Г.И.Вилламова и обер-штальмейстера, сенатора князя И.А.Гагарина. После кратко-

¹ См.: Восстание декабристов. Документы. Т. XVIII. М., 1984. С. 351.

² См. там же. Т. XVI. М., 1986. С. 86, 181, 198; Т. XVIII. М., 1984. С. 351—352.

временного ареста и единственного допроса был освобожден князь А.А.Суворов — внук знаменитого полководца. Избежали какого-либо наказания два сына директора придворной Певческой капеллы Ф.П.Львова Василий и Илья, причастные к заговору, но по высочайшему повелению освобожденные после кратковременного ареста³. Существенное влияние на благоприятный исход дела сыграли родственные связи в ряде других случаев: сын камергера Алексея Александровича Плещеева, близкого к Марии Федоровне, Александр, был освобожден без последствий (император настаивал на скорейшем окончании его дела), а его старший брат, Алексей, против которого были собраны неопровержимые свидетельства о его вступлении в Петербургский филиал Южного общества, был только переведен тем же чином в армию. Единственный сын светлейшего князя председателя Государственного совета П.В.Лопухина, генерал-майор Павел Петрович Лопухин, был привлечен к допросам неарестованным, после чего «освобожден без последствий», а дальнейшее расследование в его отношении было фактически прекращено⁴.

Собирая и анализируя данные по этому вопросу, исследователь приходит к заключению, что в подобных случаях власть не стремилась довести расследование обстоятельств вины до конца столь же последовательно, как это было в отношении лиц, не связанных с близкими к ней семейными кланами. В числе участников «Союза благоденствия» и Южного общества оказался сын главнокомандующего Второй армией генерала от кавалерии графа П.Х.Витгенштейна флигель-адъютант ротмистр Кавалергардского полка Лев (Людвиг) Петрович Витгенштейн. После допроса в Следственном комитете он был по указанию Николая I освобожден от ареста, несмотря на очевидную близость к П.И.Пестелю и А.П.Барятинскому; больше того, по высочайшему повелению было положено не считать его «прикосновенным к делу»⁵. Избежали серьезного рассмотрения в Следственном комитете своего участия в «Союзе благоденствия» адъютанты великого князя Михаила Павловича князь И.А.Долгоруков и И.Г.Бибииков. Этот вывод — не просто наблюдение, а результат анализа следственной деятельности относительно целой группы лиц, которые могли рассчитывать на смягчение участи в результате ходатайств влиятельных родственников.

Не следует, однако, забывать, что «высочайшее прощение» следовало, как правило, в тех случаях, когда вина, вскрытая расследованием по делу, была в глазах власти не столь велика. Если следствие не обнаруживало данных о причастности к воинскому мятежу, планам покушения на императора и к другим тяжким преступлениям, — лишь в этих случаях арестованные могли рассчитывать на снисхождение или «прощение» императора. Исключения из этого правила крайне немногочисленны. Помимо упомянутого выше Н.Н.Депрерадовича, к ним можно еще отнести, пожалуй, самый известный случай фактического «прощения» лица, серьезно замешанного в тайных планах заговорщиков — М.Ф.Орлова. Заступничество брата, А.Ф.Орлова, очень близкого к семье нового императора, привело к тому, что после заключения в крепости М.Ф.Орлов был уволен со службы и отправлен в свою деревню под бдительный надзор полиции; через 5 лет, в 1831 г., ему было позволено жить в Москве, опять-таки по прошению брата⁶.

Когда же выявленная роль в военном заговоре и в планах изменения политического устройства государства была значительна, то в этом случае не могли спасти

³ См.: Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 237, 242, 280—281, 320—321.

⁴ См. там же. С. 278, 301.

⁵ См.: Восстание декабристов. Документы. Т. XVI. С. 42—43, 58.

⁶ См.: Декабристы. Биографический справочник. С. 135—136.

ни близость к высшей власти (С.П.Трубецкой, братья С.И. и М.И.Муравьевы-Апостолы), ни родственные связи с самыми влиятельными лицами (А.З.Муравьев), ни хорошие личные отношения с императором (М.И.Пушкин, А.Е.Розен). В Сибирь отправились осужденные Верховным уголовным судом сын обер-гофмейстерини двора С.Г.Волконский, сын камергера, сенатора, действительного тайного советника Ф.Ф.Вадковский, сын камергера П.Н.Свистунов, единственный сын обер-шенка графа Г.И.Чернышева Захар Григорьевич Чернышев, племянник А.Н.Голицына князь Валериан Михайлович Голицын (его старший брат Александр, правда, был освобожден без последствий), представитель весьма близко стоявшей к императору семьи Мухановых П.А.Муханов и ряд других родственников, лиц из окружения Николая I. Для обнаруживших свою вину участников тайных обществ и военных выступлений никакого снисхождения и облегчения участи не последовало. Вина братьев Бестужевых, Е.П.Оболенского, А.И.Одоевского, братьев А.М. и Н.М.Муравьевых в глазах власти, конечно, была очень велика. Но кто знает, каким мог быть приговор Верховного уголовного суда, если бы родители этих лиц имели такое же влияние на императора, как родственники Н.Н.Депреядовича, Л.П.Витгенштейна, братьев Львовых или Плещеевых? Все это говорит о том, что Николай Павлович не считал для себя возможным воспользоваться правом прощения виновных или смягчения их участи. В этой связи особенно настоятельно возникла необходимость урегулирования взаимоотношений власти и родственников декабристов, принадлежавших часто к «первым фамилиям» империи.

Лицом, которому было поручено столь деликатное и ответственное занятие, как официальная переписка с родственниками подсудимых, был близко стоявший к императорской семье член Государственного совета, управляющий придворной частью князь Александр Николаевич Голицын (1773—1844). В 1826 г. он не занимал крупных государственных постов, но вместе с тем в достаточной степени сохранял свое влияние, пользуясь доверием императора. Будучи членом высочайше учрежденной Следственной комиссии для расследования дела о злоумышленном тайном обществе, А.Н.Голицын, разумеется, являлся человеком, хорошо осведомленным о мере причастности каждого из подсудимых лиц. То, что именно А.Н.Голицыну было поручено императором отвечать на прошения родственников, не вызывает сомнений. Об этом недвусмысленно свидетельствуют резолюции на оригиналах публикуемых документов, принадлежащие руке императора («К Голицыну»), а также пометы самого Голицына⁷. Николай I пересылал письма родственников арестованных, обращенные на его имя, именно А.Н.Голицыну, с поручением подготовить ответы на эти прошения. Официальный ответ в полной мере отражал те резолюции, которые в каждом случае выносил император.

Публикуемые документы дают наглядное представление о тех формулах официальных писем, которые были выработаны властью для того, чтобы донести до родственников, обращающихся с прошениями о «пощаде» и смягчении участи, вполне определенный — отрицательный ответ. Родственникам рекомендовалось ожидать окончания дела, ввиду того, что дело, которое ведет Следственный комитет, еще не закончено. Это фактически означало, что принадлежащее самодержцу право помилования не распространяется на подсудимого, что в его отношении будет поступлено в соответствии с «силой» существующих законов. Это содержание «послания» было, по-видимому, вполне понятно родственникам. Документы фиксируют также формализованный ответ просителя на официальное извещение, своеобразную «расписку» в том, что проситель был ознакомлен с высочайшей резолюцией по его прошению. Родственники соглашались «с покорностью» ожидать решения дела (иногда — «приговора»), предавая судьбу арестованного в руки правосудия и милосердия императора.

⁷ См. док. №№ 1, 13, 17.

Каждое обращение имеет свой неповторимый отпечаток индивидуальности его автора. И реакция власти на то или иное письмо в своих акцентах и нюансах обусловлена часто именно этими особенностями прошений. Так, в случае прошения А.М.Искрицкого, слишком эмоционального, некстати упоминающего еще троих своих сыновей, рельефно проступает холодное официальное отношение. В своем ответе ему А.Н.Голицын особенно не церемонился (док. №№ 23 и 24). Иначе расставлены акценты в письме, адресованном князю П.Н.Оболенскому. Хотя уже было вполне очевидно, что Е.П.Оболенский не избежит самого серьезного наказания, его отец, представитель древнего аристократического рода, занимавший пост тульского губернатора, получил достаточно осторожный ответ, который учитывал резолюцию Николая I. Всеподданнейшее прошение князя И.С.Одоевского написано слогом, характерным для человека, хорошо знакомого с традицией такого рода обращений на высочайшее имя. К тому же И.С.Одоевский, понимая, что апелляция к личным качествам сына для просьбы о помиловании недостаточна, полностью признает своего сына виновным и просит отдать его отцу «для исправления». Письмо вызвало необычную реакцию императора, о чем говорит его резолюция: «Отвечать, что я сделаю все, что могу, и его благодарю за чувства ко мне». Николай I смог оценить тон, в котором было написано письмо.

Документы доносят до нас те аргументы, которые использовали их авторы для обоснования своей просьбы о прощении или смягчении участи арестованных. Как правило, это была апелляция к христианским чувствам милосердия и прошения «заблудших», дополнительным основанием для чего служил их молодой возраст (см., например, письмо А.М.Искрицкого на имя А.Н.Голицына, автор которого утверждал, что его сын Д.А.Искрицкий был увлечен в заговор «единственно по безрассудной молодости» — док. № 23). Нередко в прошениях встречается описание личных качеств арестованных, рисуящее их с самой лучшей стороны, а также «бедственное и недостаточное состояние» семьи арестованных. Действительно, во многих случаях потеря «единственной опоры», например, старшего сына, служившего в гвардии, усугубляла бедственное материальное состояние «недостаточных» семейств (док. №№ 11, 12). Весьма примечательным является то обстоятельство, что факт участия в «злонамеренном» тайном обществе и мятеже часто объясняется в прошениях родственников как «вовлечение злонамеренными людьми». К такому обоснованию причин участия своего сына в мятеже прибегает даже князь Петр Николаевич Оболенский, несмотря на уже известную по сообщениям в газетах и по устной молве руководящую роль Е.П.Оболенского в событиях 14 декабря (док. № 19).

Просьбы о прощении или о смягчении наказания, особенно те из них, в которых звучал мотив тяжелого материального положения семей арестованных, как правило, приводили в конечном итоге к высочайшему решению о одновременной или постоянной денежной помощи, причем, в ряде случаев такое решение, по видимому, призвано было заменить суть просьбы, с которой обращались к власти просители — о прощении арестованного родственника, и в какой-то мере компенсировать потерю для семьи. Это было еще одним свидетельством, традиционно указывающим на невозможность облегчения участи привлеченных по делу, а тем более — их прошения (см. случаи с обращениями родственников братьев Бестужевых, С.М.Палицына).

Наконец, публикуемые документы, являются ярким свидетельством эпохи. В них в полной мере запечатлелась подлинная человеческая трагедия многих дворянских семей, от весьма влиятельных и богатых до самых бедных, по которым тяжело ударил бурный, драматичный водоворот исторический событий 1825—1826 гг. Документы эти — историческое свидетельство отчаянных и безнадежных попыток родственников привлеченных по делу спасти своих сыновей и братьев. Они же четко и недвусмысленно отразили реакцию власти, ответы императора на обращенные к нему просьбы.

Публикацию составили всеподданнейшие прошения (или, в строгом соответствии с тем названием, которое чаще всего фиксируется в официальной документации — «всеподданнейшие просьбы», иногда — «письма»), письма на имя князя А.Н.Голицына, принадлежащие П.М.Бестужевой — матери А.А., М.А., Н.А., П.А. Бестужевых, сестрам декабристов — Елены, Ольги и Марии Бестужевым, князю П.Н.Оболенскому — отцу арестованных Е.П. и К.П. Оболенских, князю И.С.Одоевскому — отцу А.И.Одоевского, Е.Ф.Муравьевой — матери А.М. и Н.М. Муравьевых, А.М.Искрицкому — отцу Д.А.Искрицкого, а также прошение о смягчении собственной участи арестованного С.М.Палицына. Включение последнего из перечисленных документов в состав публикации обусловлено тем обстоятельством, что это прошение декабриста рассматривалось, как и прошения родственников арестованных, в Собственной его императорского величества канцелярии и имело такие же последствия — решение императора о материальной поддержке матери декабриста.

Среди материалов Собственной канцелярии имеются также: всеподданнейшие прошения матери декабриста Н.Я.Булгари графини Елизаветы Булгари от 22 января 1826 г., графа Г.И.Чернышева и графини Е.П.Чернышевой — родителей З.Г.Чернышева, А.П.Кожевниковой — сестры Н.П.Кожевникова, ряд более поздних по времени ходатайств родственников декабристов, касающихся свиданий и переписки с осужденными. Здесь же сохранилось прошение жены А.В.Ентальцова Анны Васильевны, которая «испрашивала перемены» для своего мужа — двух лет каторжных работ на «водворение его поселенцем в одном из неотдаленных мест». Резолюция Николая I на это прошение гласила, что им было сделано «возможное облегчение при решении дела», т.е. при конфирмации приговора Верховного уголовного суда, поэтому просьбу удовлетворить он не может⁸.

В письмах А.Н.Голицына строго соблюдается формула официального ответа. Так, графине Е.Булгари по поручению князя титулярный советник Ковальков объявил резолюцию императора, которая заключала в себе слова: «нужно ожидать окончания дела, по которому сын ее оправдается или обвинен будет, а что Его Величество теперь ничего не может ей предварительно сказать»⁹. 28 января 1826 г. Голицын пишет обер-шенку графу Григорию Ивановичу Чернышеву в ответ на его письмо от 10 января: «в рассуждении участи сына вашего надобно ожидать окончания дела, а до того времени Его Величеству ничего невозможно сделать для него»¹⁰. В докладной записке, доведенной до сведения императора 20 февраля 1826 г., А.Н.Голицын писал: «Обер-шеник Граф Чернышев утруждал Ваше Императорское Величество от 10[-го] минувшего Генваря всеподданнейшею просьбою о сыне его, впавшем в число виновных по делу тайного общества. Ваше Величество Высочайше указать мне соизволили объявить ему, что в рассуждении участи сына его надобно ожидать окончания дела, а до того времени ничего невозможно сделать для него. Таковое объявление сделано мною ему, и в ответ на оное пишет он ныне, что он с покорностию ожидает приговора над сыном, и хотя оплакивает его участь как отец, но предает его совершенно правосудию Вашего Величества. При сем изъявляет он верноподданнические чувства свои и просит представить сие письмо к воззрению Вашего Величества в подлиннике»¹¹. 22 апреля 1826 г. Голицын отвечал графине Елизавете Петровне Чернышевой на ее письмо от 21 марта: «Государь Император, получив письмо Вашего Сиятельства, касательно участи сына Вашего, высочайше соизволил поручить мне уведомить вас в ответ на оное, что Его Величество ничего

⁸ РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 14, 15, 16.

⁹ Там же. Л. 7, 9а.

¹⁰ Там же. Ч. 3. Л. 55. Оригиналы писем Г.И. и Е.П. Чернышевых см. Л. 52—53, 56, 60—61.

¹¹ Там же. Л. 59—59об. Текста упоминаемого в этой записке письма Г.И.Чернышева в деле нет.

не может обещать вперед, потому что дело не приведено к концу и не поступило еще к Его Величеству»¹². Излагая содержание всеподданнейшей просьбы от 3 января 1826 г. «девицы» Александры Кожевниковой, «которая умоляет ... о помиловании брата ее, лейб-гвардии Измайловского полка Подпоручика Кожевникова, впавшего в число виновных 14 минувшего Декабря», Голицын в своей докладной записке императору писал: «Не зная меры преступления его, она может сказать только то, что он поведением своим составлял доселе утешение всего семейства, которое восхищалось благоволением к нему и Вашего Величества. Теперь же, видя отчаяние и глубокую горесть престарелого Отца своего, она дерзнула прибегнуть, без ведома его, к милосердию Вашего Императорского Величества. Семейство Кожевниковых, невзирая на бедственное и недостаточное положение свое, почло бы себя счастливейшим, если бы удостоилось получить испрашиваемую ею у Вашего Величества милость для ее несчастного брата»¹³. Докладная записка была представлена государю 16 января 1826 г., в ответ Николай I изволил объявить, что до рассмотрения дела он ничего не может сделать. Согласно рапорту титулярного советника Ковалькова, А.П.Кожевникова в ответ заявила, что «предает совершенно судьбу виновного брата своего правосудию и Милосердию Государя Императора»¹⁴.

Публикуемые документы отложились в фонде Собственной его императорского величества канцелярии (Д. 4580. Ч. 1, 3, 4. «Переписка, касающаяся восстановления 14 декабря 1825 г.»). Именно в Собственную канцелярию направлялись письма родственников привлеченных к делу, сюда же императором пересылались письма о помиловании родственников, обращенные на высочайшее имя. Текст публикуемых документов приведен в соответствие с современными правилами правописания, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов, характерные для первой четверти XIX в. Курсивом выделены слова, подчеркнутые в тексте оригинала. В квадратных скобках приводятся пропущенные или сокращенные слова или части слов. В угловых скобках приведены слова, подающиеся лишь приблизительному прочтению.

Публикацию подготовил кандидат исторических наук П.В.ИЛЬИН.

№ 1

Всеподданнейшая просьба П.М.Бестужевой^а

Всемиловитивейший Государь!

Пораженная неимоверным несчастьем, бедственною потерю вдруг 4-х сыновей моих, лишенная в старости всякой подпоры и утешения, растерзанная горестию, осмеливаюсь упасть к стопам Вашего Императорского Величества, умоляя войти в ужасное положение несчастнейшей из матерей и милосердным помилованием заблуждению неопытной юности продлить тем бедственную жизнь мою, еще необходимую для 3-х бесприютных дочерей моих.

Всемиловитивейший Государь! Не постигая всей обширности моего несчастья и не зная в чем состоят преступления сыновей моих, недоумеваю, неужели, начиная со старшего, который мне был помощник и утешитель

¹² Там же. Л. 62.

¹³ Там же. Л. 20—20об., 21.

¹⁴ Там же. Л. 22.

^а На документе имеются помета Николая I карандашом: «К Голицыну» и надпись рукой А.Н.Голицына: «Получено от Государя Императора 3-го Генв[аря]. 1826».

тель в горестной моей жизни, все они, столь прежде лестную подающие о себе надежду быть верными сынами Государю и отечеству, соделались равно виновны, в том числе и младший 18-ти летний, приехавший из Кронштадта единственно для свидания со мною после 7-ми месячной разлуки, и весьма редко бывающий в столице, неужели и сей несчастный к беспримерному моему бедствию увлечен был к пагубному заблуждению?¹

Благоволите, Всемилостивейший Государь, ознаменовавши начало Вашего царствования благодтию и милосердием, облегчить судьбу несчастных детей моих и тем оживить пораженное неслыханным злополучием семейство!

Всемилостивейший Государь
Вашего Императорского Величества
Верноподданнейшая
Статская Советница
Вдова *Парасковья Бестужева*²

Резолюция по левому краю л. 5^а: «[Государь император] Высочайше указать соизволил 9-го Генваря 1826 года объявить ей, что в рассуждении ее детей идет рассмотрение, следовательно теперь ничего сделать нельзя, а ежели она находится в нужде, то бы объявила чиновнику, который к ней послан».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 5—5об. Писарская рукопись.

№ 2

Всеподданнейшее прошение Е.А., М.А. и О.А. Бестужевых

Всеавгустейший Монарх!

Преклоняя колена, молим милосердного нашего Императора помиловать и спасти от гибели, хотя виновных, но все любезных сердцу нашему несчастных братьев, в коих имели и надеялись иметь и впредь себе достойных покровителей бедного и беззащитного нашего состояния.

В торжественные сии и праздничные для других дни³, мы же, вновь осиротелые, по кончине честного и заслуженного родителя нашего⁴, проводим оные беспрестанно в слезах и воздыханиях о лишении братьев, и в горестном нашем положении считали бы и то уже щастьем, если бы могли взглянуть на наших несчастливцев, или оживить их сердце уверенностию, что не забыты сострадающими о них родными.

Вашего Императорского Величества
Верноподданнейшие
Елена Бестужева
Марья Бестужева
*Ольга Бестужева*⁵

1825-го года Декабря 27 дня.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 6. Копия.

¹ Резолюция написана другой рукой, возможно, А.Н.Голицыным.

№ 3

Рапорт титулярного советника Ковалькова

Вследствие поручения Вашего Сиятельства я объявил Статской Советнице Бестужевой, на просьбу ее, резолюцию Его Императорского Величества: что как об детях ее идет еще рассмотрение, следовательно теперь ничего нельзя сделать для них; а ежели она сама находится в нужде, то объявила бы о сем мне, дабы я мог довести сие до сведения Вашего Сиятельства.

Г-жа Бестужева отвечала мне: что за постигшим ее бедствием, она не знает и не чувствует на сей раз собственных своих нужд, будучи единственно занята участью детей своих; но что впоследствии, если найдется в таком положении, что помощь будет для нее необходимою, она осмелится прибегнуть к милосердию и щедротам Государя Императора чрез посредство Вашего Сиятельства.

Титулярный советник
Ковальков

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 7. Копия.

№ 4

Докладная записка А.Н.Голицына

По просьбе Статской Советницы Бестужевой о сыновьях

Статская Советница Бестужева, вместе с тремя дочерьми своими, подала всеподданнейшую просьбу Вашего Императорского Величества, об облегчении участи четырех сыновей ее, оказавшихся виновными 14[-го] минувшего Декабря. Она же пишет, что недоумевает в том, как могут все они быть равно преступны, не исключая и младшего ее сына, который только что приехал из Кронштадта для свидания с нею.

По просьбе сей, 9-го сего Генваря Ваше Величество высочайше указать соизволили мне послать к ней чиновника, для объявления ей, что в рассуждении дела ее детей идет еще рассмотрение; следовательно ничего нельзя сделать для них; но ежели она сама находится в нужде, то объявила бы о сем посланному.

Сие Высочайшее Повеление и исполнено было мною. Бестужева отвечала, что за постигшим ее бедствием, она не знает и не чувствует на сей раз собственных своих нужд, будучи единственно занята участью несчастных детей своих; но впоследствии, если найдет себя в таком положении, что помощь будет для нее необходимою, то осмелится прибегнуть к милосердию Вашего Императорского Величества.

Резолюция по левому краю л. 8^а: «Докладывано в С.Петербурге 16-го Генваря 1826 года, всемилостивейше пожаловано две тысячи рублей пенсии, а по смерти ее продолжить оную дочерям».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 8—8об. Копия.

^а Резолюция написана другой рукой, возможно, А.Н.Голицыным.

№ 5

Указ Николая I Кабинету

Нашему кабинету

Вдове Статской Советнице Прасковье Бестужевой всемилостивейше повелеваю производить по две тысячи рублей ежегодной пенсии, продолжая оную по смерти ее дочерям.

На Подлинном Подписано Собственною Его Имп. Вел. Рукою Тако:

НИКОЛАЙ

С.Петербург

23 Генваря 1826 года.

С подлинником верно:

Действительный Статский Советник
Василий [Попов]

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 9. Копия.

№ 6

Письмо П.М.Бестужевой А.Н.Голицыну

Ваше Сиятельство!

Будучи лично у Вашего Сиятельства, но не имея счастья к сожалению моему видеться с Вами, также и впредь по многотрудным Вашим занятиям не обнадежена сию благосклонности^а, то решаюсь чрез письмо утрудить Ваше Сиятельство всепокорнейшею моею просьбою оказать мне величайшее одолжение, приняв на себя труд быть великодушным посредником для принесения всеподданнейшей моей и дочерей моих жарчайшей благодарности Его Императорскому Величеству за щедроты, столь милостиво на нас излианные, коими будучи глубоко тронуты, и чувствуя в полной мере столь беспримерно великодушное в отношении нас благодеяние Его Императорского Величества, теряюсь в благодарных и вместе с тем в горестных ощущениях, не нахожу достаточных и достойных выражений для изъяснения вечной нашей благодарности!

При сем принося Вашему Сиятельству искреннюю мою благодарность за сообщение Высокомонаршей милости, при засвидетельствовании глубочайшего моего почтения с совершенной преданностию имею честь быть

Вашего Сиятельства
Милостивого Государя
Всепокорнейшая
Парасковья Бестужева

1826-го года Февраля 1-го дня.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 11—11об. Копия.

^а Так в тексте документа.

№ 7

Письмо Е.А.Бестужевой А.Н.Голицыну

Ваше Сиятельство!

По необычайной милости Его Императорского Величества получив дозволение посредством Вашего Сиятельства иметь переписку с нещастными моими братьями, сообщенной нам Господином Камер-юнкером Ковальковым; не предполагая часто сим беспокоить Ваше Сиятельство, но будучи в неизвестности о состоянии их здоровья, прошу всепокорнейше Ваше Сиятельство оказать нам благодеяние, доставив об оном сведение, и есть ли можно, препроводить им приложенную при сем записку; в коей хотя не осмелилась без высшего позволения порадовать их оказанною нам Высокомонаршею милостию, но по крайней мере хотя несколько успокоить их нащот нашего здоровья.

Прося великодушного извинения, что решилась наконец обеспокоить сим Ваше Сиятельство, с глубочайшим моим почтением и совершенною преданностию

имею честь быть
Вашего Сиятельства Милостивого Государя
Всепокорнейшая *Елена Бестужева*

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 12. Копия.

№ 8

Служебная записка А.Н.Голицына

4 февраля [1826 г.]

Надобно возвратить сие письмо на имя всех братьев Бестужевых, ибо нельзя от одного к другому передавать ту же бумагу по правилам принятым, а если хотят, то к каждому особо написать и ко мне прислать для отдачи им, но не требовать от них ответа, так, как тут написано, ибо им не позволено писать — но что они все здоровы, о том могу удостоверить.

Резолюция по левому краю^a: «Письмо возвращено и резолюция объявлена чрез г. Ковалькова».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 1. Л. 13. Автограф.

№ 9

Всеподданнейшее письмо С.М.Палицына

Всемиловивейший Государь!

С сердцем, растерзанным раскаянием, стыдом и горестью, осмеливаюсь упасть к стопам Вашего Императорского Величества со всенижайшей просьбою. Я виновен, не смею даже оправдываться, но может

^a Резолюция написана другим почерком.

быть не так, как обстоятельства показывают, ибо душа моя всегда была чужда коварным замыслам. Но все еще виновен, дерзаю повторить, не смею оправдываться — прошу одной милости: выслушать меня.

Какими словами могу изобразить Вашему Императорскому Величеству теперешние мои страдания; мысль, что ввергнул в гроб мать мою⁶ и раскаяние раздирают мою душу — мучения ее ужасны — они несравненны. Не дерзаю сам просить о помиловании; заслуги отца⁷ не дают сего права моей матери^а, но ее злополучия позволяют ей доступ к престолу Вашему, как единственному прибежищу несчастных, как к престолу Помазанника Всевышнего. Несчастья ее беспримерны. В 1812 году потеряла большую часть своего имения, в последующих годах лишилась супруга, сына, всего своего достояния и теперь находится без пристанища, почти без покрова. Я оставался ей одною надеждою, одною подпорою, но мой позор погубит ее, она не переживет сего удара. Молю Вас, Августейший Монарх! Орошаю слезами стопы Ваши, сжальтесь над нею, вырвите ее из объятий смерти, распространяя и на меня сие драгоценное преимущество Вашей Власти, данное самим Богом — право помилованья.

Моя вина велика, но раскаяние еще больше, оно терзает меня — сердце обливается кровью, рыдания и слезы стесняют грудь мою, умоляю всем священным Ваше Императорское Величество, спасите мать мою, простив великодушно сына.

Осмеливаюсь еще донести Вашему Императорскому Величеству, что смутившись духом при допросе, я не везде сделал обстоятельные показания.

Вашего Императорского Величества
несчастнейший верноподданный
*Степан Палицын*⁸

1826 года 5-го Генваря⁹

На верхнем поле л. 8 резолюция Николая I карандашом на французском языке; надпись неразборчива.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 8—9. Автограф.

№ 10

Справка о местожительстве матери С.М.Палицына

Справка

Мать г. Прапорщика Палицына жительство имеет в Смоленской губернии и оно же уезда, в деревне Александровской, у брата своего надворного советника Шупинского.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 10.

^а Так в тексте.

№ 11

Отношение смоленского гражданского губернатора
Я.С.Храповицкого А.Н.Голицыну

№ 64

8 февраля 1826 г.

Милостивый Государь!

Князь Александр Николаевич!

Вследствие отношения Вашего Сиятельства ко мне от 15-го сего января №13 смоленский губернский дворянства предводитель, коему поручил я собрать сведения о состоянии, обстоятельствах и семействе вдовы Палицыной и не имеет ли она в чем нужды, с удостоверения смоленского уездного [предводителя], отвечает мне, что вдова 10 класса Ольга Палицына состояния теперь бедного, ибо числившееся за нею по здешней губернии имение со времени нашествия неприятеля от разных несчастных случаев из владения ее выбыло, а из объяснений, при рапорте уездного предводителя приложенных, видно, что оно заключалось в 600 душах в 1812 году [и] потерпело разорение. Главнейшую же причину, вовлекшую вдову сию в бедственное положение, было то, что имение за невыполнение покойным мужем ее различных обязательств подверглось продаже. Семейство ее составляют два сына и дочь — из коих Степан, имеющий от роду 19 лет, на службе в Гвардейском Генеральном Штабе прапорщиком, Александр 17 [лет] в Артиллерийском училище юнкером, дочери Екатерине 13 лет, находится при ней. К пропитанию и содержанию себя с семейством никаких средств не имеет, пособия ниоткуда не получала; а ныне испрашивает монаршего воззрения.

Об оном извещая Ваше Сиятельство, имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностию

Милостивый Государь Вашего Сиятельства

Покорнейший Слуга *Иасон Храповицкий*

№1007

30 января 1826

князю Александру Николаевичу Голицыну

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 12—12об. Автограф.

№ 12

Докладная записка А.Н.Голицына

Служащий в Гвардейском Генеральном Штабе прапорщиком Степан Палицын, участвовавший в деле 14-го декабря, во всеподданнейшей просьбе своей испрашивал у Вашего Императорского Величества прощения, ради несчастной матери его, находящейся в бедности и почти без пристанища и имевшей в нем единственную опору.

Вашему Величеству благоугодно было повелеть мне узнать о состоянии, обстоятельствах и семействе матери просителя, и не имеет ли она нужды в помощи.

Во исполнение сего Высочайшего Вашего Величества повеления, по жительству матери просителя вдовы Палицыной в Смоленской Губер-

нии писал я к тамошнему Гражданскому губернатору о доставлении ко мне сведений о обстоятельствах ее. Из ответа его ко мне явствует, что вдова Чиновника 10-го Класса, Ольга Палицына, во время нашествия в 1812 году неприятеля, потерпела разорение; имение ее состояло тогда в 600 душах, которые впоследствии проданы для удовлетворения невыполненных покойным мужем ее долговых обязательств. Семейство ее ныне составляют два сына и дочь, из коих старший есть нынешний проситель, 19-ти лет от роду, младший же 17-ти лет, состоит в Артиллерийском училище юнкером, а дочь 13-ти лет находится при матери. К содержанию себя с семейством она никаких средств не имеет, равно как и пособия ниоткуда не получает, и потому она испрашивает милостивого воззрения Вашего Величества на ее участь.

Резолюция по левому краю л. 13^а: «В С.Петербур[урге] 13 февраля 1826 всемилостивейше пожаловано три тысячи рублей единовременно».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 13—14. Копия.

№ 13

Всепопданнейшее прошение И.С.Одоевского

Всемилоостивейший Государь!

К стопам Отца Милосердного, к Стопам Отца Отечества припадает Отец нещастной и убитой отчаянием!

Сын мой единственный¹⁰ прогневал Царя, который для общего блаженства и спокойствия каждого должен быть строг и правосуден. Сын мой покрыл себя и меня стыдом, но по врожденной моей беспредельной приверженности к Царскому престолу и по чувствам верного Сына Отечества, я не дерзаю и не могу просить сыну помилования, ибо вина его превышает все меры воображения моего! Неслыханным событием 14-г[о] числа все уничтожено, <доля> сына моего нещастного, природные его дарования, прилежание к наукам и к службе; всегдашнее отличное его поведение, за-свидетельствованное его полковым командиром¹¹ и всем корпусом офицеров, — все сие истреблено обольщением и коварными замыслами зловердных людей; — тогда, когда по данному мною ему воспитанию я всегда надеялся видеть его достойным монаршего внимания. И так, мои 20-ти летние нежные попечения, советы, ему данные, и просьбы были слабее обольщения людей хищных, кои одним днем убили Сына и Отца. Ваше Императорское Величество, будучи сами чадолюбивый родитель, поверить изволите жестокой горести рыдающего отца!

Буде милосердным монархом уважаемы быть могут молодые лета сына и слезы 57-ми летнего Отца, который беспорочно жил и престолу служил усердно в [...] ⁶ 35 лет; то умоляю слезно Вашего Императорского Величества⁸, по наказании сына моего, отдать его мне, для исправле-

^а Резолюция написана другим почерком.

^б Слово неразборчиво.

^в Так в тексте документа.

ния; дабы мог я бы его паки сделать достойным носить, как я, имя вашего верноподданного.

Сколь щастлив бы я был, если б Ваше Императорское Величество, за зло, сделанное мне и Отечеству, коварными обольстителями Сына моего, употребить изволили меня для истребления^а и охранения Священной и драгоценной Особы вашей от сил извергов, нарушающих спокойствие Ваше и нашего щастливого Отечества под Скипетром Вашим.

Примите милостиво строки
Вашего Императорского Величества
Верноподданного
Отставного генерал майора
Князя *Ивана Одоевского*¹²
Января 16-г[о] дня 1826.
Владимирской губернии
[...]б Уезда из С. Николаевского

На прошении имеется резолюция, написанная карандашом Николаем I: «Отвечать, что я сделаю все что могу и его благодарю за чувства ко мне».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 25—26. Автограф.

№ 14

Письмо А.Н.Голицына И.С.Одоевскому

Милостивый Государь мой
Князь Иван Александрович^в

Государь Император, получив письмо Вашего Сиятельства от 16 минувшего Генваря, касательно сына вашего, высочайше изволил поручить мне, отвечать Вам, что *Его Величество* сделает все в сем случае, что может, а вас благодарит за чувства, изъясненные Вами в сем письме к Его Императорскому Величеству.

Сообщая вам [...]б, Милостивый Государь мой, о таковой Монаршей <милости>, с [...]б.

И[мею] ч[есть] б[ыть].

Князь Александр Голицын^г

№ 43.

СПб. 3 Февр[аля]. 1826

Его Сиятельству Князю Одоевскому

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 27. Копия отпуска.

^а Так в тексте документа.

^б Слово неразборчиво.

^в Так в тексте, ошибка А.Н.Голицына.

^г Письмо подписано А.Н.Голицыным собственноручно.

№ 15

Письмо И.С.Одоевского А.Н.Голицыну

Милостивый Государь

Князь Александр Николаевич!

Обязанностью моею почитаю принести Вашему Сиятельству всепокорнейшую благодарность мою, за почтеннейшее письмо ваше от 3-го текущего [месяца], по последней почте мною полученного за 43-м [номером] с Милостивейшим отзывом *Его Императорского Величества*, коим Ему благоугодно было меня ошастливить.

Хотя известно мне давно всегдашнее расположение Вашего Сиятельства ко всем ищущим вашего покровительства и также все благоговорения ваши к тем, кои прибегают к вам; но я, не имея никакого права на испрошение вашего ко мне благорасположения, мало будучи вам известным, не дерзаю просить вас, Милостивый Государь, сделать мне благодеяние при первом случае, повергнуть к стопам моего Милосердного Государя искреннейшие чувства верноподданнической моей признательности, за милостивое и сострадательное внимание Его Императорского Величества ко мне, усерднейшему и преданнейшему его подданному.

Щастливейшим из смертных почел бы я себя, если б Его Императорское Величество благоволил бы мне доставить способ заслужить сделанное преступление несчастным сыном моим; мирное нынешнее время препятствует мне паки жертвовать жизнью на службу царя, мною обоготворяемого. Я, верно, бы не остановился пролить последнюю каплю крови, для того чтобы оною замыть то постыдное пятно, которое ныне сделано сыном мне и фамилии моей, служащей царям и существовавшей более 600 лет не краснея? — Как щастлив бы я был тогда, если б удостоился воззрением на меня Отца нашего Отечества, мною обожаемого, в коем ныне видим Спасителя нашего, избранного Всевышним для открытия гнуснейшего из заговоров, и постыдного для россиян; без коего Отечество наше неминуемо бы погибло, сделавшись жертвою злобных и безрассудных злоумышленников.

По приверженности моей к монарху и Отечеству желал бы я полезным быть в такой службе, где мог бы показать мое рвение врожденное и мою готовность служить как и прежде с усердием и правилами, сродными честному и благородному россиянину; дабы тем истребить вину сына моего единого и обратить на меня вящее милостивое внимание Милосердного моего Государя, коему уже столь много теперь обязан тот, который имеет честь быть с глубочайшим высокопочитанием и совершеннейшей преданностию к вам

Вашего Сиятельства
Милостивого Государя
Покорнейший слуга
Князь *Иван Одоевский*

1826-го года 20-е февраля

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 28—29. Автограф.

№ 16

Докладная записка А.Н.Голицына

Князь Одоевский во всеподданнейшей просьбе своей от 16[-го] Генваря сего года умолял *Ваше Императорское Величество* благоволить, по наказании сына его, впавшего в число преступников 14 декабря, отдать его ему для исправления. При сем он изъявил и верноподданнические чувства свои. *Ваше величество* Высочайше указали мне отвечать ему, что в рассуждении испрашиваемого им соизволите сделать что можно будет, а его благодарите за чувства, изъясненные им в письме к *Вашему Величеству*.

Такое объявление сделано мною ему и в ответе на оное пишет он ныне ко мне, прося повергнуть к стопам *Вашего Величества* чувства глубочайшей его признательности за милостивое и сострадательное внимание к нему. Притом он изъясняет, что почел бы себя щастливым, если бы *Ваше Величество* соблаговолили доставить ему способ загладить преступление несчастного сына его; но как мирное время не позволяет ему жертвовать жизнью и омыть на поле чести своею кровию то постыдное пятно, которое положил сын его на весь род Князей Одоевских, служивших верно Престолу более 600 лет, то желал бы он быть полезным в другом роде службы, где бы мог показать рвение свое и готовность служить, как и прежде, с усердием, руководствуясь правилами, свойственными честному и благородному Россиянину, и тем загладить вину сына своего и обратить на себя милостивое воззрение *Вашего Императорского Величества*.

Резолюция по левому краю л. 30^а: «Доведено до сведения Государя Императора 27 марта 1826».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 30— 31. Копия писарская.

№ 17

Всеподданнейшее прошение Е.Ф.Муравьевой^б

Всемиловивейший Государь!

Поверженная в бездну горести, превышающей силы человек[ес]кие, я упадаю к ногам вашего Императорского Величества и обмываю их слезами своими, умилосердитесь над старостью моей, ради памяти в Бозе почивающего Государя Александра Павловича; который был ко мне столько Милостив. Сим-то драгоценным для Вас именем прошу вас Всемиловивейший Государь, услышите Моление мое: Кроме несчастия, в которое я погружена, я стражду еще за Здоровье детей моих; они оба слабого сложения, у меньшого¹³ слаба грудь, у старшего¹⁴ же опасная хроническая болезнь в легком, от которой ему делаются сильные дурноты, ужасное биеение сердца и разные другие припадки. Ежели бы Доктор Рейнольд¹⁵ был здесь, то он мог бы засвидетельствовать, что болезнь его очень важная; он

^а Резолюция написана другой рукой, возможно, А.Н.Голицыным.

^б Надпись рукой А.Н.Голицына: «Получено от Государя 8-го Мая 1826».

лечил его. Услышите, Государь, глас моления моего, чтобы наказание сына моего было соразмерно силам его; и не разлучайте жену¹⁶ и мать от него. Всемиловитейший Государь, не дайте нам всем погибнуть. Чувства Матери к детям Священны, сам Бог вложил их в сердце. Примите Милосердно прошение несчастной, за что наградит Вас Всевышний.

Всемиловитейший Государь!
Вашего Императорского Величества
Верно подданная *Екатерина Муравьева*¹⁷

6-го Мая 1826-го

Резолюция по левому краю^а: «8-го мая 1826 [Государь] высочайше указать соизволил объявить, что он ничего не может ей обещать и что дело еще не поступило к Его Императорскому Величеству, о чем я письмом [...]»^б и уведомил Г-жу Муравьеву».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 36. Копия писарская.

№ 18 Записка А.Н.Голицына

Сие письмо препроводить в подлиннике к Бенкендорфу¹⁸ и спросить, что мне отвечать ей.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 3. Л. 37. Автограф.

№ 19 Письмо П.Н.Оболенского А.Н.Голицыну

Милостивый Государь!

Князь Александр Николаевич!

Простите по свойственной вам велико благотворительной душе, воззвание и вопль семидесятилетнего Старца! О несчастном, очарованно завлеченном сыне моем Князе Евгении Оболенском¹⁹. Поверьте, не по пристрастию чадолюбивого отца, но совести старца, чтущего правду: что юноша сей всегда был отличного поведения, благоденствия, ревностной исполнитель должности своей по службе и сострадательен к ближнему, он заслужил любовь и доверенность своего начальника²⁰, которой в воздаяние ему, и меньших его братьев²¹, яко в награду себе испросил!^в В Бозе почивающего *Императора* определить их в пажецкий корпус: теперь и они по брате яко бы в несчастии, а я, находясь в неведении о участи их скорблю. К вящему удручению отеческого сердца: письма несчастного, у меня хранимые, пылают во всех отношениях благороднейшими чувствами души; неужели сын мой не по сердцу писал отцу! А из сего по вере христианина и по промыслу всемогущего творца заключить должен, что в сонмище неистовых попавши мгновенно вовлечен, и Ан-

^а Резолюция написана другой рукой, возможно, А.Н.Голицыным.

^б Слово неразборчиво.

^в Так в тексте документа.

гел хранитель его отклонился, что успехом было злему духу ввергнуть его в таковое противузаконие. Примите, душевно почтеннейший благодворитель, моление старца отца и всего семейства, которое ожидало по мне иметь в *нем подпору*. В уповании пределы всевышнего не отчаиваюсь, что и вы к сбережению и раскаянию грешника употребите, что бог вам по сердцу положит; а что от благотворения вашего восчувствует старец и потомство его, то душа ваша ощущать будет, когда все предстанем пред всемогущаго на судилище страшном.

Примите нелестные уверения моего [...] ^а почитания и совершенной преданности Милостивый Государь!

Вашего сиятельства
всепокорнейшего слуги
Князя *Петра Оболенского*²²

1826 года 13 генваря
Москва

Резолюция по левому краю л. 2^б: «Заготовить отношение с тем, что дело сие не кончено, следовательно я ничего не могу [сделать] в оном, а советую предать все в волю Божию и просить от него подкрепления».

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 2—2об. Автограф.

№ 20

Письмо А.Н.Голицына П.Н.Оболенскому

Милостивый Государь мой
Князь Петр Николаевич

На письмо Вашего Сиятельства от 13 сего Генваря честь имею уведомить вас, что дело о сыне нашем еще рассматривается, следовательно я не имею никакого способа что-либо сделать для него. Принимая же сердечное участие в справедливой горести вашей, я не знаю иного средства утешить вас, как советовать вам, Милостивый Государь мой, предать судьбу вашего сына воле Божией, от которой все зависит, и искать в сей преданности сил к перенесению скорби вашей.

С совершенным почтением и преданностию ч[есть] и[мею] б[ыть]

Вашего Сиятельства
покорнейшим слугою
Князь *А.Голицын*^в

№ 35
СПб

Генваря 27 дня 1826.

Его Сиятельству Князю П.Н. Оболенскому

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 3. Копия отпуска.

^а Слово неразборчиво.

^б Резолюция написана А.Н.Голицыным собственноручно.

^в Копия подписана А.Н.Голицыным собственноручно.

№ 21

Всеподаннейшее прошение П.Н.Оболенского^а

Всемиловнейший Государь!

Глас божий, Глас народа: <отец> Государь! Что ты премилосердый: прости дерзновенный вопль семидесятилетнего старца, в преступлении сына: о коем удостоверюсь, что по Завету моему к нему с чувством христианина выполнил покаянием и раскаянием освященную обязанность к Всевышнему и Земному царю, припадая к стопам твоим, молю о несчастно очарованном злыми: вовлечением в такое преступление. Государь! Исповедую тебе яко боящийся бога: не лживо и не пристрастно, как отец о сыне хваление качеств изъявит, но истинна. Не свойственно преступление душе его. Бог кающихся и раскаявшихся приемлет: ты на Земле подобен ему, священная особа царя освящает небесною благодатью царское сердце. Милостивым взглядом царя ниспадают оковы, и даже закоснелой злодей делается пламенным поборником добродетели: вопию к тебе, чадолюбивый отец подданных, не отрини его от меня и семейства моего: да вообще вознесем теплые молитвы к всевышнему о благоденствии и ниспослании всех благ на освященную особу Вашу и всего *Императорского* дома.

Всемиловнейший государь!

Вашего Императорского Величества

Верно подданный

Действительный статский советник

и свя[то]го Владимира ордена 3-й степени кавалер

Князь *Петр Оболенский*

Имею собственный дом в Москве

Новинской части 1-го квартала под № 4.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 4. Автограф.

№ 22

Докладная записка А.Н.Голицына^б

Ваше Императорское Величество сооблаговостили прислать ко мне всеподаннейшую просьбу Действительного статского советника Князя Оболенского, в коей он умоляет о помиловании сына его, участвовавшего в деле 14 Декабря, и который увлечен был, как он пишет, в сие преступление, совсем не свойственное Душе его и качествам. Изъясняя при сем раскаяние виновного сына своего и полагая всю надежду свою на благодать *Вашего Величества*, он просит не разлучать его с ним и с семейством его.

Прежде сего Князь Оболенский писал и ко мне по сему предмету, и я ему отвечал, что как дело о сыне его еще рассматривается, следова-

^а На прошении имеется надпись рукой А.Н.Голицына: «Получено от Государя Императора 14 февраля 1826».

^б Помета рукой А.Н.Голицына: «Читано Государю 20 фев[раля]. 1826».

тельно и не имею я никакого способа что-либо сделать для него, а советовал ему предать судьбу виновного воле Божией.

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 5—5об. Копия.

№ 23

Письмо А.М.Искрицкого А.Н.Голицыну

Сиятельнейший князь
Милостивый Государь!

Удрученный выше меры и в отчаянии пережить свои нещастии, решаюсь быть дерзновенным, прося у ног Ваших пощады, помилования сыну моему Демьяну²³, единственно по безрассудной молодости в бездну вовлеченному.

В здравом разуме моем я считал себя обязанным [проявлять] заботливость о четырех сыновьях²⁴. Теперь он у меня один, ибо он нещастлив; о нем я помышляю, для него грусть моя просит приближения ночи и ускорения дня. Везде он, чтобы меня удручать печалию и доводить до отчаяния.

Сиятельнейший Князь! Будьте благодетелем нещастнейшему отцу, который жизнь свою [мыслит] только приятною чрез своих детей; спасите ему сына одного, чтобы называться спасителем всех четырех. Превратите юдоль печали, где льются слезы отчаяния, в жилище радости и благословения доброго Монарха и избранных им. Проступок молодости загладит сын мой усердием в службе и преданностью Престолу *Августейшего Императора Николая*.

Имею честь быть с истинным почтением и совершеннейшею преданностью

Сиятельнейший Князь!
Милостивый Государь!
Вашего Сиятельства
Всепокорнейший слуга
*Александр Искрицкий*²⁵

5-е апреля 1826.

Минск

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 26—26об. Автограф.

№ 24

Письмо А.Н.Голицына А.М.Искрицкому

Милостивый Государь!

Письмо ваше от 5 числа сего месяца я получил, и в ответ на оное обязываюсь сказать вам, что от меня вовсе не зависит оказать по просьбе вашей помилование вашему сыну^a, каковое принадлежит единому Государю, а я^b принадлежу только к Комитету из следователей.

^a Далее зачеркнуто: «как Вы просите, ибо».

^b Далее зачеркнуто: «не судья его».

Вам остается ожидать решения его дела и предать судьбу его всемогущему Промыслу Божию, во власти которого мы все состоим.

С истинным почтением имею честь быть
Вашим покорнейшим слугою
Князь Александр Голицын^а

В С.Петербурге
23 апреля 1826
Господину Искрицкому

РГИА. Ф. 1409. Оп. 2. Д. 4580. Ч. 4. Л. 27. Копия.

Примечания

¹ Речь идет о Петре Александровиче *Бестужеве* (1803—1840) — мичмане 27-го флотского экипажа, адъютанте командира Кронштадтского порта Ф.В. фон Моллера, члене Северного общества, участнике выступления 14 декабря 1825 г. О его приезде из Кронштадта накануне 14 декабря и участии в событиях этого дня см. воспоминания Е.А.Бестужевой и комментариев к ним: 14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. С. 450, 660—661.

² *Бестужева* (Петрова) Прасковья Михайловна (1775—1846) — мать А.А., М.А., Н.А., П.А. Бестужевых, жена (с 1798 г.) А.Ф.Бестужева (1761—1810), правителя канцелярии президента Академии художеств, писателя, публициста, издателя. Дочь отставного унтер-офицера Инженерного корпуса.

³ Возможно, имеются в виду рождественские праздники.

⁴ Речь идет об Александре Федосеевиче Бестужеве, отце братьев и сестер Бестужевых.

⁵ *Бестужевы* Елена Александровна (1792—1874), Мария Александровна (1799—1889), Ольга Александровна (1799—1889) — сестры декабристов.

⁶ *Палицына* (*Шупинская*) Ольга Александровна — мать декабриста С.М.Палицына.

⁷ *Палицын* Михаил Васильевич (ум. до 1825) — отставной поручик артиллерии.

⁸ *Палицын* Степан Михайлович (1806—1887) — прапорщик гвардейского Генерального штаба. Принят в Северное общество, участник совещаний накануне 14 декабря 1825 г., имел поручение сообщать о передвижениях полков. Привлечен к следствию, от суда освобожден, но оставлен в крепостном заключении сроком на 1 год, а затем переведен тем же чином в сибирские гарнизонные части, с 1832 г. — на Кавказе. В 1836 г. вышел в отставку поручиком, жил под надзором в имении своего дяди П.А.Шупинского в Смоленской губернии.

⁹ В следственном деле С.М.Палицына содержится еще одно прошение на высочайшее имя, датированное 8 февраля 1826 г. В нем он, между прочим, упоминает и публикуемое прошение (от 5 января).

¹⁰ *Одоевский* Александр Иванович (1802—1839) — князь, корнет лейб-гвардии Конного полка, член Северного общества, участник событий 14 декабря 1825 г., командовал «пикетом» мятежных частей, привлечен к следствию и предан Верховному уголовному суду. Осужден по IV разряду и приговорен к 12 годам каторжных работ.

¹¹ Речь идет о графе (с 15 декабря 1825) Алексее Федоровиче *Орлове* (1876—1861), командире лейб-гвардии Конного полка.

¹² *Одоевский* Иван Сергеевич (1769—1839) — князь, отставной генерал-майор.

¹³ Имеется в виду *Муравьев* Александр Михайлович (1802—1853) — корнет Кавалергардского полка. В 1820 г. вступил в «Союз благоденствия», затем был привле-

^а Письмо подписано А.Н.Голицыном собственноручно.

чен в Северное общество, участвовал в деятельности Петербургского филиала Южного общества. Участник совещаний накануне 14 декабря 1825 г., в восстании участия не принимал, но пытался присоединить к нему Кавалергардский полк. Предан Верховному уголовному суду. Осужден по IV разряду и приговорен к 12 годам каторжных работ.

¹⁴ Имеется в виду *Муравьев* Никита Михайлович (1795—1843) — капитан гвардейского Генерального штаба, один из основателей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», руководитель Северного общества, автор проекта конституции. Предан Верховному уголовному суду, осужден по I разряду, приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторжных работ. С 1827 г. находился в Читинском остроге и Петровской тюрьме. С 1835 г. на поселении. Историк, политический мыслитель.

¹⁵ *Рейнгольд* Эмиль фон (1785—1867) — доктор, действительный статский советник.

¹⁶ Имеется в виду Александра Григорьевна *Муравьева* (Чернышева) (1800—1832) — жена Н.М.Муравьева.

¹⁷ *Муравьева* (баронесса Колокольцова) Екатерина Федоровна (1771—1848) — мать А.М. и Н.М.Муравьевых, жена М.Н.Муравьева (1757—1807), воспитателя Александра I, товарища министра народного просвещения, попечителя Московского университета, писателя.

¹⁸ *Бенкендорф* Александр Христофорович (1783—1844) — граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, начальник I-й Кирасирской дивизии, член Следственной комиссии по делу декабристов. С 1826 г. — шеф корпуса жандармов и главный начальник III Отделения Собственной его императорского величества канцелярии.

¹⁹ *Оболенский* Евгений Петрович (1796—1865) — князь, поручик лейб-гвардии Финляндского полка, старший адъютант дежурства пехоты Гвардейского корпуса. Принадлежал к «Союзу спасения» и «Союзу благоденствия», один из руководителей Северного общества. Непосредственный организатор выступления 14 декабря 1825 г., активный его участник. Предан Верховному уголовному суду, по приговору которого осужден по I разряду, приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторжной работой. С 1839 г. на поселении. В 1856 г. амнистирован. Мемуарист.

²⁰ Имеется в виду Карл Иванович *Бистром* (1770—1838) — генерал-лейтенант, командующий всей пехотой Отдельного Гвардейского корпуса, непосредственный начальник Е.П.Оболенского, с 20 декабря 1825 г. — генерал-адъютант.

²¹ Речь идет о братьях Е.П.Оболенского, князьях Сергее и Дмитрие, в 1826 г. воспитанниках Пажеского корпуса.

²² *Оболенский* Петр Николаевич (1762—1830) — князь, действительный статский советник, тульский губернатор.

²³ *Искрицкий* Демьян Александрович (1803—1831) — подпоручик гвардейского Генерального штаба. В 1820 г. был принят в тайное общество Ф.Н.Глинки — один из дочерних кружков «Союза благоденствия». Член Северного общества, участник совещаний накануне 14 декабря 1825 г., получил задание сообщать о передвижениях полков, квартировавших по реке Фонтанке. Находился на Сенатской площади, но не в каре восставших. Привлечен к следствию, Верховному уголовному суду предан не был.

²⁴ Речь идет о сыновьях А.М.Искрицкого — декабристе Д.А.Искрицком и его братьях: Михаиле (р. 1802), Александре (1806—1867). О четвертом сыне А.М.Искрицкого сведений собрать не удалось.

²⁵ *Искрицкий* Александр Михайлович (1782—1843) — статский советник, обер-секретарь 3-го департамента Сената (1814—1821).

«КТО ЭТО НА СКАЛЕ, ОКРУЖЕННОЙ МОРЕМ...»

Стихотворение декабриста В.Л.Давыдова
«Napoléon-Bounaberdi». 1837 г.

Имя Василия Львовича Давыдова постоянно встречается на страницах декабристоведческой литературы. Его роль как руководителя Каменской управы Южного общества, одного из ближайших сподвижников П.И.Пестеля, была выяснена в ходе следствия и резюмирована в Алфавите декабристов следующим образом: «Вступил в Союз благоденствия в 1820 году и по уничтожении оного присоединился к Южному обществу, в которое сам принял четырех членов. Он не только был в Киеве на совещаниях 1822 и 1823-го года, но и совещания сии происходили у него в доме, а также в деревне его Каменке. Он соглашался на введение республики с истреблением государя и всего царствующего дома, о чем объявлял и принимаемым им членам. Бывши в С.-Петербурге, имел поручение согласить Северное общество действовать к одной цели с Южным; на сей конец сносился с некоторыми членами. Он знал о сношениях с Польским обществом и говорил, что оно принимает на себя изведение цесаревича. Знал о заговорах против покойного императора в 1823 году при Бобруйске и в 1824 при Белой Церкви, однако в 1825 году на контрактах в Киеве не одобрял предложения о начатии возмутительных действий. По приговору Верховного уголовного суда осужден к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу вечно. Высочайшим же указом 22-го августа повелено оставить его в работе 20 лет, а потом обратиться на поселение в Сибири»¹.

Гораздо меньше В.Л.Давыдов известен как поэт. Далеко не каждый знаток пушкинско-декабристской эпохи знаком с его произведениями. И дело не только в том, что большая часть его поэтического наследия остается неопубликованной, а еще большая — утрачена (скорее всего, безвозвратно), главное — даже сохранившиеся опыты по своей художественной и общественной значимости уступают произведениям известных поэтов-декабристов, оставивших яркий след в истории русской поэзии. Поэтому публикаторы давыдовского стихотворного наследия склонны рассматривать его опыты как «импровизации», являющиеся всего лишь дополнением к общей картине декабристской лирики.

Первая публикация трех сатирических отрывков В.Л.Давыдова была осуществлена М.К.Азадовским. Работая над изданием воспоминаний Бестужевых, М.К.Азадовский обнаружил в записях М.И.Семевского, сделанных со слов М.А.Бестужева, стихотворные отрывки, принадлежащие Давыдову: эпиграммы на Николая I, которые потом неоднократно переиздавались и цитировались исследователями². Позже А.Л.Дымшиц обнаружил автографы опубликованных М.К.Аза-

¹ Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 251—252.

² См.: Азадовский М.К. Эпиграммы декабриста В.Л.Давыдова // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском госуниверситете. Казань, 1929. Т. 34. Вып. 3—4. С. 186—188; Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951. С. 394.

довским отрывков и издал их с добавлением двух басен и шуточного послания к И. И.Пушину³. И, наконец, Б.С.Мейлах опубликовал еще два небольшие лирические стихотворения Давыдова, написанные на французском языке⁴.

Автограф публикуемого ниже произведения хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 273 (Якушкиных). Оп. 1. Д. 1005). Впервые на факт существования данного стихотворения указал В.Э.Вацуро, обнаружив его копию в альбоме Е.В.Коробьиной, куда оно было вписано рукой декабриста М.И.Муравьева-Апостола в 1870-е гг. Тогда же В.Э.Вацуро отметил, что «это стихотворение осталось неизвестным исследователям литературного наследия В.Л.Давыдова»⁵. Однако о местонахождении автографа не сообщалось. Позже это было сделано А.А.Ильиным-Томичем в специальной статье, посвященной В.Л.Давыдову в биографическом словаре «Русские писатели»⁶.

Датировка в автографе отсутствует. Однако текст можно датировать на основании копии в альбоме Е.В.Коробьиной: «Петровский завод за Байкалом. 1837 год»⁷.

Стихотворение посвящено Ивану Дмитриевичу Якушкину. Личное знакомство Давыдова и Якушкина состоялось в ноябре 1820 г. Об этом сохранились интересные воспоминания Якушкина. Приехав на юг, для того чтобы пригласить представителей тамошнего тайного общества в Москву на съезд «Союза благоденствия», который, по словам Якушкина, «дремал»⁸, он был приглашен генералом М.Ф.Орловым, чье присутствие на съезде считалось совершенно необходимым, на именины матери Давыдова Екатерины Николаевны в их имение Каменку. «Приехав в Каменку, — вспоминал Якушкин, — я полагал, что никого там не знаю, и был приятно удивлен, когда случившийся здесь А.С.Пушкин выбежал ко мне с распростертыми объятиями. Я познакомился с ним в последнюю мою поездку в Петербург у Петра Чаадаева, с которым он был дружен и к которому имел большое доверие. Василий Львович Давыдов, ревностный член Тайного общества, узнавши, что я от Орлова, принял меня более, чем радушно. Он представил меня своей матери и своему брату генералу Раевскому как давнишнего короткого своего приятеля. С генералом был сын его полковник Александр Раевский. Через полчаса я был тут, как дома. Орлов, Охотников и я, мы пробыли у Давыдова целую неделю. Пушкин, приехавший из Кишинева, где в это время он был в изгнании, и полковник Раевский прогостили тут столько же»⁹.

Все лица, упоминаемые Якушкиным, составляли неповторимую атмосферу Каменки, в которой кипели политические споры, велись разговоры о поэзии и искусстве. Особую остроту в эти разговоры вносили известия о революциях, начавшихся в 1820 г. в южной Европе. За здравие революционеров поднимались тосты, в их честь слагались стихи:

³ См.: Дымшиц А.Л. Сатирические стихотворения В.Л.Давыдова // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 282—288.

⁴ См.: Мейлах Б.С. Из неизданного литературного наследия декабристов // Декабристы и русская культура. Л., 1976. С. 222—228.

⁵ Вацуро В.Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского дома (1750—1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1977 год. Л., 1979. С. 36.

⁶ См.: Русские писатели. 1800—1917. М., 1992. Т. 2. С. 67—68.

⁷ Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 36.

⁸ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма. М., 1951. С. 35.

⁹ Там же. С. 40.

Спасенья чашу наполняли
 Беспенной мерзлою струей
 И за здоровье *тех* и *той*¹⁰
 До дна, до капли выпивали!.. —

писал Пушкин в послании В.Л.Давыдову в 1821 г., вспоминая эту насыщенную событиями жизнь в его усадьбе. В личности самого Давыдова удачно сочетались политический радикализм и утонченность светской культуры. По словам Н.И.Лорера, «он был представителем тогдашнего *сomme il faut*, богат, образован, начитан»¹¹. Подлинно светская простота и безыскусность, проявляющиеся не только в манерах, но и в искреннем интересе к окружающим его людям, позволили Давыдову быстро найти общий язык с далеко не светским Якушкиным. Неделя каменского общения запомнилась им на всю жизнь. Спустя много лет в далекой Сибири Якушкин так и остался навсегда для Давыдова человеком из того, дорогого для него, мира прошлой жизни. В 1854 г., посетив тяжело больного Давыдова в Красноярске за несколько месяцев до его смерти, Якушкин писал сыну Евгению: «У нас с ним столько общих воспоминаний, что точно, может быть, при наших с ним беседах он забывает настоящее и переносится в былое, в которое немудрено, что и он и я, мы были лучше, нежели теперь»¹².

В строках, предвещающих публикуемое стихотворение, Давыдов называет себя учеником В.Гюго. В данном случае он имеет в виду оду французского поэта «Буонапарте», написанную в 1822 г. и тогда же опубликованную в сборнике «*Odes et ballades*», и два стихотворения 1828 г. из сборника «*Les Orientales*». Идеино-художественные трактовки образа Наполеона в этих сборниках резко различны. В первом литературное новаторство сочетается с политическим консерватизмом. Реставрация Бурбонов по-новому высветила роль контрреволюционных сил в недавней истории Франции. Гюго отдает щедрую дань этому «новому» взгляду. Тема жертвенности людей, подтвердивших ценою жизни свою верность престолу, является одной из основных в его одах того времени. Сами сюжеты подсказывали выпендренный, высоко торжественный стиль с ярким метафоризмом и эмоциональной напряженностью. Поэтический мир од Гюго поделен на две резко контрастные части: силы революции, воплощающие адское начало мрака и преступлений, и монархисты, жертвующие собой во имя престола. Оба эти мира достигают предельной идеализации как абсолютное зло и абсолютное добро. Все зло революции с ее последствиями сконцентрировалось в Наполеоне. Об этом идет речь в оде «Буонапарте». Тексту предшествует эпиграф: *De Deo*¹³, выражающий основную мысль произведения: Наполеон — это живой бич (*un fléau vivant*), посланный Богом в наказание французам за их преступления.

Идейная основа оды Гюго не оригинальна. Это широко распространенные во Франции периода Реставрации взгляды ультрароялистской партии¹⁴. Русскому читателю они были знакомы из произведений Ж. де Местра, Ф.Шатобриана, Л.Бональда и др. Однако в области стихотворной формы Гюго производил впечатление новатора¹⁵.

¹⁰ *Те* — испанские и неаполитанские революционеры, *та* — конституция.

¹¹ Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 65—66.

¹² Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 381.

¹³ От Бога (*лат.*).

¹⁴ О связях Гюго с ультрароялистами см.: Venzac G. *Les origines religieuses de Victor Hugo*. Paris, 1955. P. 363—382.

¹⁵ Не случайно В. К. Кюхельбекер связывал с именами В.Гюго и А. де Виньи развитие европейского модернизма. См.: Кюхельбекер В.К. Путешествие. Днев-

В предисловии к сборнику «Odes et ballades» Гюго отмечал тесную связь поэзии и политики: «Есть два умысла в публикации этой книги, умысел литературный и умысел политический; при этом, по мысли автора, последний есть следствие первого, ибо история людей представляется только тогда поэтической, когда рассматривается с высоты монархических идей и религиозных верований»¹⁶. В «les Orientales» Гюго, напротив, отстаивает право поэта на чистую фантазию, не признающую никаких ограничений, идущих извне: «пусть поэт идет туда, куда он захочет, делает то, что ему нравится; это закон. Пусть он верит в Бога или в богов, в Плутона или в Сатану ... или ни во что... Поэт свободен»¹⁷. Освобождая себя таким образом от тех ограничений, которые политика накладывает на поэзию, Гюго становится одним из творцов поэтической мифологизации Наполеона в европейской литературе. В двух стихотворениях нового сборника автор воспевае Наполеона в орнаментально-восточном стиле. Первое из них имеет характерный эпиграф: «Grand comme le monde»¹⁸. Оно написано от имени каирского араба (un arabe du Caire) «libre et pauvre» (свободного и бедного), который воевал в войсках Наполеона. Символична картина Бонапарта, стоящего на скале острова святой Елены Бонапарта, который

Embrasse d'un coup d'oeil les deux moitié du monde
Gisantes à ses pieds dans l'abîme béant¹⁹.

Даже поверженный, Наполеон остается властелином мира. Он продолжает владеть умами людей, превратившись в неиссякаемый источник поэтического вдохновения.

От консервативно-монархической концепции оды «Буонапарте» 1822 года ничего не остается. Величие Наполеона делает бессмысленным любую моральную его оценку: «*Tu domines dans notre âge; ange ou démon, qu'importe?*»²⁰.

При всей сложности и разнообразии декабристских оценок Наполеона²¹ они никогда не совпадали ни с религиозно-монархической трактовкой французских консерваторов, ни с чисто поэтическим преклонением. Наполеон и его политика оценивались по либеральной шкале ценностей, и это обусловило двойственное к ним отношение. С одной стороны, Наполеон, безусловно, осуждался за нарушение человеческих прав и узурпацию власти. «Буонапарте, сей необыкновенный человек, — писал Кюхельбекер в 1820 г., — счастливый питомец революции, жертва своего чes-

ник. Статьи. Л., 1979. С. 317. О восприятии Гюго в России см.: Алексеев М.П. Виктор Гюго и его русские знакомства. Встречи. Письма. Воспоминания // Алексеев М. П. Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 373—508.

¹⁶ Hugo V. Odes et ballades. Paris, 1885. P. 5. (Далее ода «Буонапарте» цитируется по этому изданию).

¹⁷ Hugo V. Les Orientales. Les feuilles d'automne. Paris, 1885. P. 3—4 (Далее стихотворения «Бонаберди» «Он» цитируются по этому изданию).

¹⁸ Велик, как мир (фр.).

¹⁹ Охватывает одним взглядом две половины мира,

Лежащие у его ног в зияющей бездне (фр.).

²⁰ Ты царствуешь над нашим веком; ангел или демон, что за важность? (фр.).

²¹ Вряд ли следует согласиться с мнением Н.И.Казакова, утверждавшего, что отношение декабристов к Наполеону «было в целом резко отрицательным» (Казаков Н.И. Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 4. С. 51). Такой взгляд представляется сильно упрощенным. Далеко не всегда можно ставить знак равенства между прямыми высказываниями декабристов о Наполеоне и их внутренним отношением к нему.

толобия и презрения к человечеству, является в стенах Рима — новый Одоакр»²². В этом смысле борьба против Наполеона мыслилась как освобождение «из-под ига»²³:

Народы стали за права;
Цари соединили силы...²⁴

Но был и другой аспект — это сама личность Наполеона, «пред кем унизились цари». Это открывало возможность для внутреннего его оправдания. Открыто осуждая друг в друге малейшие проявления бонапартизма, многие из декабристов в глубине души примеряли на себя судьбу Наполеона. «Мы все глядим в Наполеоны», — писал А.С.Пушкин. Бонапартизм настолько вошел в кровь и плоть декабристской эпохи, что проявлялся даже в физическом облике людей, в которых современники стремились уловить малейшие черты внешнего сходства с Наполеоном, видя в этом проявление внутренней сути. По словам священника П.Н.Мысловского, Пестель «увертками, телодвижением, ростом, даже лицом очень походил на Наполеона. И сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всех сумасбродств и самых преступлений»²⁵. В.А.Оленина в письме к П.И.Бартеневу вспоминала: «Сергей Мур[авьев]-Апостол ... имел ... необычайное сходство с Наполеоном I-м, что наивно не мало разыгрывало его воображение»²⁶.

Особенно сильно бонапартистские настроения проявились у М.Ф.Орлова. В 1820 г., когда начались революции на юге Европы, он, как свидетельствует дневниковая запись А.С.Пушкина, говорил: «Революция в Испании, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона»²⁷. Свое понимание наполеоновской политики Орлов изложил в «Капитуляции Парижа»: «Наполеон не был кровожаден! Сердце его в дружеских беседах часто открывалось для самых нежных ощущений; он тысячу раз доказывал в продолжение государственной жизни своей, что эта официальная жестокость была не столько природная, как притворная. Но он приносил все в жертву пламенному честолюбию своему; оно составляло для него источник коварной политики, сообщало ему характер непоколебимости и дикого свирепства. Жизнь его естественно разделилась на два совершенно различные периода. В первом — гений его служил Франции, во втором — он употреблял уже Францию в услуги прихотливого гения своего. Приучась на сражениях видеть равнодушно уничтожение рода человеческого, он пользовался неограниченно Францией, как завоеванной землей»²⁸.

С годами в декабристских оценках Наполеона наметился сдвиг в сторону более объективных критериев. Чем дальше в прошлое уходила война 1812 г. и после-

²² Кюхельбекер В.К. Европейские письма // Декабристы. Антология. В 2 т. Л., 1975. Т. 2. С. 159—160.

²³ Фонвизин М.А. Обзорение проявлений политической жизни в России // Библиотека декабристов. Вып. 4. М., 1907. С. 20.

²⁴ Глинка Ф.Н. Избранные произведения. Л., 1957. С. 205.

²⁵ Мысловский П.Н. Из записной книжки // Шукинский сборник. Вып. 4. М., 1905. С. 39.

²⁶ Воспоминания о декабристах. Письма В.А.Олениной к П.И.Бартеневу (1869 г.) // Декабристы. Государственный литературный музей. Летописи. Кн. 3. М., 1938. С. 485.

²⁷ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1958. Т. 8. С. 578.

²⁸ Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963. С. 21.

дующие события, становясь историей, тем значительнее представлялась фигура врага, которого удалось победить России. Так, декабрист В.С.Норов, с основанием опровергая популярную среди французов версию о морозе, истребившем французскую армию, считал, что не следует переоценивать военные заслуги русских и соответственно принижать заслуги Наполеона. В конечном итоге поражение Наполеона в России и, особенно в Европе в 1813 г., Норов объясняет случайными факторами, которые чаще благоприятствовали русским и их союзникам, чем французам. Что же касается фигуры самого Наполеона, то декабрист в полной мере оказывается способным оценить его масштабы: «Но почтим прах великого человека, которого люди просвещенные не называют более Аттилою. Тот, кто в двадцать четыре года, предводительствуя республиканскими фалангами, губил, ничтожил Цесарские армии, кто восстановил отечество Сципионов, почтил прах Виргилия, сокрушил силы Мамелюков, прошел палящие пески Сирии и Африки, смирил диких Бедуинов, призвал ученых в пустыни Мемфиса, основал Институт в Каире, воскресил науки и искусства в земле Птолемея, освободил отечество от тиранской власти кроважанных диктаторов, проложил путь чрез снежные вершины Альпов, начертал мудрые законы — тот не станет в Истории на ряду с бичами народов»²⁹.

Хронологически точка зрения Норова ближе всего к стихотворению Давыдова. Правда, Василий Львович не столько стремится дать какую-либо готовую оценку, сколько размышляет над феноменом Бонапарта. Это особенно заметно при сравнении его стихотворения с текстами Гюго. «Ученик» явно не принимает ни одну из концепций своего «учителя», хотя трактовка Наполеона в «les Orientales» ему явно ближе. Это видно уже из заголовка. Рядом с французским именем Наполеон стоит восточный вариант его фамилии — Бонаберди, заимствованный из названия стихотворения Гюго³⁰. Однако, если у Гюго эта арабская форма имени Бонапарт мотивирована тем, что стихотворение представляет собой монолог араба, то у Давыдова оно является отсылкой к тексту Гюго. Поэтический язык Гюго декабрист использует для построения несколько иного образа Наполеона.

Давыдов сохраняет основной мотив оды своего «учителя»: Наполеон — посланник мстящего Бога (*Dieu vengeur*). Но если для Гюго он всего лишь слепое оружие Провидения: *живой бич (léau vivant), не знающий пославшего его Бога (ignorant Dieu qui l'avait envoyé)*, то для Давыдова он — *ангел-истребитель (l'ange exterminateur), его рука метала некогда Божий гром (sa main jadis lansait la foudre // de ce Dieu)*. По сравнению с Гюго, Давыдов указывает более конкретно объект, на который направлен Божественный гнев. У Гюго — это французская нация в целом. Давыдов нигде прямо не говорит о Французской революции, но Наполеон, в его представлении, — враг феодально-монархических режимов в Европе, и в этом смысле он продолжает революцию:

... son bras réduisait en poudre
les Rois jouets de la fureur.

В отличие от оды Гюго Наполеон у Давыдова не только разрушающая сила. В его стихотворении намечен и противоположный мотив спасения, и даже жертвенности. Наполеон назван *великим Прометеем (ce grand Prométhée)*. Заимствуя у Гюго два образа, между которыми в тексте оды нет прямой связи: это Наполеон — по-

²⁹ Норов В.С. Записки о походах 1812 и 1813 годов, от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. Ч. 2. С. 13.

³⁰ Сам Гюго так объясняет происхождение этого имени: «Имя *Бонапарт* в арабской традиции стало *Бонаберди*. Смотрите по этому поводу любопытную заметку в поэме гг. Бартеlemi и Мери «Наполеон в Египте» (Hugo V. Les Orientales. P. 224).

сланец ада и Наполеон — венчаемый папой римским (*Il fallut presque un Dieu pour consacrer cet homme*³¹), Давыдов сближает их, создавая контрастную картину деятельности Наполеона: *son nom ... va flottant de l'Enfer aux autels*. Эта контрастность отличает стихотворение Давыдова и от двух других текстов Гюго, где противоположность характеристик, как уже отмечалось выше, не имеет никакого значения.

Интерпретируя деятельность Наполеона в системе бинарных оппозиций (*la gloire le crime; le hasard le destin; le sommet l'abyme*), Давыдов подчеркивает таинственный характер его миссии, который остался непонятым ни миром, ни Францией и который так и останется тайной вечного Провидения и человеческой загадкой.

Значительные идейные расхождения между Давыдовым и Гюго показывают, что декабрист, осваивая поэтическую технику французского поэта, вступает с ним в идеологическую полемику по поводу оценки исторической роли и личности Наполеона. С одной стороны, он не соглашается с сугубо черными красками в изображении великого человека, а с другой, ему чуждо и чисто восточное слепое преклонение перед величием Наполеона, лишённое каких бы то ни было моральных оценок.

Публикацию подготовил и перевел стихотворение с французского языка кандидат исторических наук В.С.ПАРСАМОВ.

В.Л.Давыдов

Napoléon — Bounaberdî

*par une élève de Victor Hugo,
dédié à I. D. Jakoushkin*

Qui est sur ce rocher que la mer environne
Ce fantôme de roi, sans sceptre et sans couronne?
Un souci ténébreux a voilé ses regards:
C'est un Guerrier!... Où sont ses guerriers, ses remparts?
Sa main jadis lançait la foudre
De ce Dieu, dont il fut l'ange exterminateur,
et son bras réduisait en poudre
les Rois jouets de la fureur.

Mais tel qu'un triste Météore
Qui fit la terreur des mortels
Il disparut ... son nom sonore
Que le monde redoute encore,
Va sans cesse flottant de l'enfer aux autels.

.....
.....

J'entends la terre encore gémir
du poids de plus d'un mort célèbre.
Son impérial manteau fut un crêpe funèbre
et des bords du Volga, jusqu'aux rives de l'Ebre
Il vit sa gloire naître, et grandir ... et mourir.

³¹ Потребовался почти что Бог, чтобы освятить этого человека (фр.).

Mais qui de ce rocher pour ce grand Prométhée
a donc pu faire une prison
est-ce un mortel, un héros? ... non!
Il fut précipité... mais par son sceptre athée.

Le turban, le casque guerrier
le bonnet rouge et la couronne
le noir cyprès et le laurier
ont fait l'éclat qui l'environne;
Mais cet éclat fut un secret
de l'éternelle Providence.
Il vint. Il remplit son décret
et ne fut pas compris du monde et de la France.
Il fut l'énigme des humains.
Il fut la gloire, il fut le crime
Et le hasard et le de destin
Le sommet et l'abyme!...

ГА РФ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 1005. Л. 1—3. Автограф.

Перевод

Наполеон Бонаберди

Один из учеников Виктора Гюго.

Посвящено И.Д.Якушкину

Кто это на скале, окруженной морем,
что это за призрак короля без скипетра и короны?
Сумрачная тревога сокрыла его взоры.
Это Воин, где его солдаты, его оплот?
Некогда его рука, направляемая Богом, ангелом истребителем
Которого он был, метала молнии,
и низводила в прах королей, игрушек его ярости.
Но он, кто наводил ужас на смертных,
Он исчез, как печальный метеор...
Его звучное имя, которого еще страшится мир,
продолжает свое колебательное шествие
между адом и алтарями.

.....

.....

.....

Я слышу, как еще стонет земля
под тяжестью самого знаменитого смертного.
Его императорский плащ стал траурным одеяньем.
Он видел, как от берегов Волги до берегов Эбро
его слава рождалась и росла... и умирала.
Но кто смог превратить эту скалу в тюрьму

для этого великого Прометея —
это смертный, герой?.. нет!
Он был низвержен, ... но собственным
атеистическим скипетром.

Тюрбан, шлем воина,
Красный колпак и корона,
Черный кипарис и лавр —
все создавало окружающую его славу;
Но эта слава составляет тайну
вечного Провидения.
Он умер. Он исполнил свое предназначение
и остался непонятым ни миром, ни Францией.
Он был человеческой загадкой.
Он был славой, он был преступлением,
Он был случайностью и судьбой,
Вершиной и пропастью!..

ПЕРМСКАЯ КОРМЧАЯ

1. Описание

В феврале 1983 г. в библиотеке Пермского государственного педагогического института участниками Уральской археографической экспедиции О.Кривоноговой и А.Багровым было обнаружено небольшое, но весьма интересное по своему составу собрание рукописных книг¹. Вскоре мною была подготовлена для библиотеки краткая охранная опись рукописных и старопечатных книг этого собрания. Рукописи из этого собрания используются в научных исследованиях². Судя по штемпелям и пометам на книгах, это собрание возникло на основе рукописей, поступивших во второй половине XIX — начале XX в. из фондов Пермской губернской ученой архивной комиссии и Пермского литературно-театрального музея. В него вошли книги, конфискованные у староверов церковными и светскими властями и пополнившие в свое время библиотеку Пермской духовной семинарии. После образования в 1916 г. Пермского университета это собрание оказалось в его библиотеке, а в дальнейшем было передано в местный педагогический институт.

В 1990 г. охранное описание собрания и Кормчей XV в., находящейся в Перми, было опубликовано сотрудниками Ленинградского государственного университета Н.С.Демковой и С.А.Якуниной³. Предварительный характер описания с неизбежностью создает возможность некоторых уточнений. Полагаю, что авторы описания были лишены возможности видеть, в частности, следующие рукописи: Минея служебная, июнь, XVI в., в четвертку, записи: 1. Скорописью конца XVII — начала XVIII вв. — «Сия книга моя драгуна Гурья Наговицына», 2. Почерком XIX в. — «По описи № 5. К описанию за № 699. Месячная Минея, из консистории при [...]»⁴ части от 20 апреля 1876. № 431 и.д. секрет».

Обилие красных сургучных печатей — соликамского, верхотурского, екатеринбургского исправников, штампов церковных учреждений, действовавших в полном согласии с полицейскими, позволяют проследить пути формирования этого собрания. В старообрядческом сборнике середины XIX в., содержащем Правило келейное, устав о христианском житии, скитское покаяние, чин причащения и эсхатологические сочинения об антихри-

¹ См.: Денисов В. Кормчие книги и белые пятна // Советская Россия. 1983, 1 сентября. До 1983 г. собрание оставалось недоступным исследователям. Оно не было описано Ю.К.Бегуновым, да и мне, дважды, в 1975 и 1980 гг., обследовавшему собрания г. Перми, не удалось познакомиться с этим собранием.

² См.: Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII — середина XIX вв. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1983; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII—XIX вв.). Свердловск, 1987; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Сост. А.Т.Шашков, В.И.Байдин. Свердловск—Екатеринбург, 1991—1993. Т. 1. Вып. 1, 2; Т. 2. Вып. 1, 2; Духовная литература староверов востока России. XVIII—XX вв. Под ред. Н.Н.Покровского. Новосибирск, 1999.

³ См.: Демкова Н.С., Якунина С.А. Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им. А.А.Ушинского (Краткий обзор) // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1990. Т. 43. С. 412—418.

⁴ Далее несколько слов неразборчиво.

сте-Наполеоне и о картофеле⁵, находятся записи, свидетельствующие о судьбе этой книги: на внутренней крышке переплета, карандашом: «По рапорту миссионера Шастина от 26 февраля, № 209»; на л. 1 — «Святцы при отношении консистории от 29 марта 1862 г., за № 202-м»; другая запись на том же листе: «Получено при пред[исании] П[е]р[мской] сем[инарии] от 5 марта 1862 г., № 420, по каталогу № 377». На л. 8 находится штамп в овальной рамке: «Ф[онд] Б[иблиотеки] П[ермской] Д[уховной] сем[инарии]».

Считаю необходимым отметить также роль Пермской губернской ученой архивной комиссии в формировании этого собрания. Согласно концепции комиссий, туда поступали документы, «особенно важные в историческом отношении». Так, в Пермскую губернскую ученую комиссию поступили материалы Екатеринбургского архива горного правления, касающиеся одного из самых невероятных дел в административно-политической истории России XVIII в. — делопроизводства по «слову и делу»⁶, организованного в Екатеринбурге в 1734 г. лично Главным начальником Сибирских и Казанских заводов В.Н.Татищевым, вопреки действовавшему тогда законодательству. Затея Татищева оказалась столь удачной, что «секретные расследования» продолжались до конца XVIII в. Большая часть этих уникальных документов — «Книги секретных дел» — из губернской ученой архивной комиссии оказалась в конце концов в Пермском областном архиве⁷, а часть дел — «Книги секретных дел» за 1735—1737 гг., 1738 г., 1745—1746 гг. — в рукописном собрании Пермского педагогического института⁸.

Настоящая публикация посвящена древнейшей рукописи собрания Пермского педагогического института — Кормчей, соединенной с Мерилом Праведным⁹. Пермская Кормчая, как будем ее именовать в дальнейшем, датируется первой половиной — серединой XV в. Объем рукописи — 460 лл. (20,5x29 см). Тетрадная формула рукописи — 8 листов в тетради — сохраняется на всем ее объеме. Тетради пронумерованы, и хотя некоторые номера тетрадей в начале рукописи частично срезаны при переплете, несомненно, что тетрадная формула не менялась. Единственным исключением из этого стала тетрадь под № 30 (л. 226—229об.), в которой насчитывалось 4 листа. В рукописи имеется 59 тетрадей. Учитывая тетрадную формулу, формат рукописи мы определяем как большую четвертку.

Благодаря наличию тетрадной формулы, можно утверждать, что утрачены первые семь листов рукописи, а сохранившийся первый ее лист был последним в тетради, открывавшей Кормчую. Кроме того, утрачены, по всей вероятности, один—два последних листа¹⁰.

⁵ В описании Н.С.Демковой и С.А.Якуниной сборник учтен под № 14, Малый устав с дополнениями. См.: Демкова Н.С., Якунина С.А. Древнерусские рукописи... С. 415. Сборник описан. См.: Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие... С. 210—211.

⁶ О порядке рассмотрения обвинений по «слову и делу» см.: Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I по материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 30—35; Анисимов Е. Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII в. М., 1999. См. также: Золотов Е. Секретные дела «слово и дело» за 1746 г. и 1747 гг. в пределах нынешней Пермской губернии (Извлечение из исторического архива Пермской ученой архивной комиссии) // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь, 1915. Вып. 12. С. 232—250.

⁷ ГАПО. Ф. 297.

⁸ См.: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль... С. 25—26.

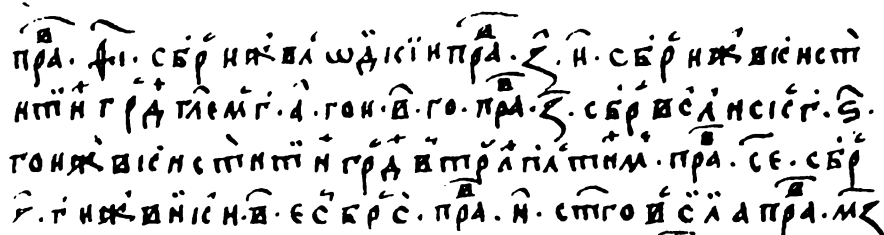
⁹ Об этой Кормчей см.: Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института // Труды ОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 330—337; Пихоя Р.Г. Пермская Кормчая (О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 171—175.

¹⁰ См.: Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV в... С. 335—337.

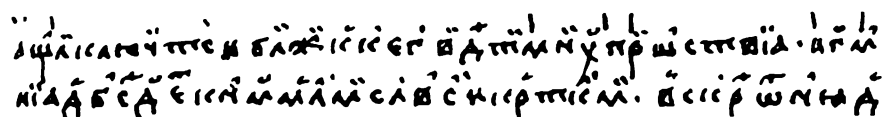
Можно также утверждать, что рукопись переписывалась с более ранней, и переписчики, старавшиеся сохранить расположение статей Кормчей на листах, были вынуждены не дописывать некоторые листы, см. л. 200, 201об. (Отмечу, что на л. 201об. находится номер завершившейся тетради — 26). Очевидно, поэтому остался чистым л. 229об. Следующий лист — л. 230 — открывает новую, тридцатую тетрадь.

Филиграни: якорь без перекладины вверху, с зубчатыми окончаниями лап якоря, с треугольным (острием вниз) основанием и крестообразным завершением нижнего острия якоря. Длина якоря — около 6 см., ширина — 3 см. Длина мачты якоря (до лап) 4 см. Якорь без перекладины, заканчивающихся крестом, тип Брике, № 365—366 (1392—1404 г.), № 372 (1423—1425 г.)¹¹. По наблюдениям Н.С.Демковой и С.А.Якуниной, филиграни рукописи дают сравнительно широкую датировку — от начала XV в. (1410—1418 г.) до 70-х (1476 г.)¹².

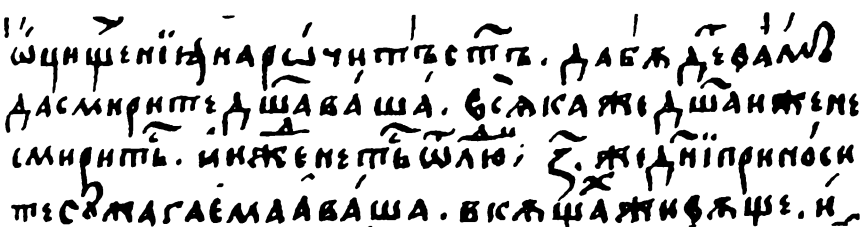
Почерки рукописи: Рукопись написана полууставом XV, 27 строк на страницу. В рукописи имеется два основных почерка. Первый (основной) — характеризуется наличием большого числа выносных гласных, систематически заменяющих некоторые гласные. Образец первого почерка, в том числе и с обозначением надстрочных знаков, передающих гласные, см. на л. 8:

Второй вариант этого первого почерка — с меньшими буквами, более небрежный, без последовательного сохранения различий в толщине вертикальных и горизонтальных линий, характерен для значительной части рукописи. Этот почерк несколько раз изменяется на протяжении написания рукописи, однако эти изменения укладываются в индивидуальные особенности писца. В качестве пример укажу л. 128:

Второй почерк присутствуют на л. 226об., 228об.—229, один лист в 29-й тетради рукописи, и два листа — в тетради под номером 30, состоявшей из 4-х листов. См. второй почерк¹³.

¹¹ См.: Briquet C.M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier. V. 1 A — Ch. Genove. 1907. P. 38.
¹² См.: подробнее: Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV в. С. 330—332.
¹³ См.: ПК. Л. 228об.

Этот почерк характеризуется отсутствием выносных гласных, рисунок букв — «хвостатый», более крупный. Второй писец последовательно применяет юс большой — Ж, для передачи звука У. Отмечу, что второй почерк применялся одновременно с первым.

Гласные выносные. Для этого почерка характерна систематическая замена гласных выносными знаками. Проиллюстрируем это примерами. Буква *Ѧ* изображается над строкой знаком *Ѧ*; буква *Ѣ* — *Ѣ*; буква *Ѥ* — *Ѥ*; буква *Ѧ* — *Ѧ*. Сложнее обстоит дело в том случае, когда выносной знак может означать разные по написанию, но близкие по фонетике буквы. Знак *Ѧ* может означать Я, Ѧ, Ѧ; знак *Ѧ* может означать І, И; знак *Ѧ* — Ѧ, Ѧ; знак *Ѧ* может означать Ж, Ѧ, Ѧ, Ѧ.

Эта система выносных знаков последовательно сохраняется в тексте Кормчей, за исключением первых гласных в начале слова, а также в текстах названий статей.

Употребление букв для передачи гласных звуков, преимущественно используемых в названиях статей, служит для меня основанием для применения букв при замене отмеченных выше выносных знаков. Это означает, что знак *Ѧ* будет передаваться мной как Я, знак *Ѧ* — как Ѧ, знак *Ѧ* — как Ѧ, знак *Ѧ* — как И.

В рукописи нередко встречается очное Ѧ с точкой внутри¹⁴. В качестве примера укажу на написание слов *Ѧчи*, *Ѧко*, *съѦора*¹⁵.

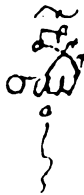
В Кормчей знак двоеточия (:) используется при завершении статьи; кроме этого, применяется точка (.), интонационно выделяющая разделы внутри статьи. Буквы, обозначающие цифры, выделяются не только знаком титла сверху, но и двумя точками — перед и после буквы, обозначающей число¹⁶.

Заголовки и некоторые заглавные буквы киноварные. На боковых полях рукописи киноварью выполнены знаки «зри», помещенные в круг буквы П (правило) и Т (толк), а также номера статей Кормчей.

Колонтитулы в рукопись были вписаны позднее. Они датируются XVII—XIX вв.

Переплет — имеется задняя крышка переплета, доски, обтянутые в кожу, плохой сохранности.

Записи. На л. 1 и 2 в правом верхнем углу — запись XIX в. - № 391. На л. 3 — 6 внизу, по листам находится вкладная запись, гласящая, что *сѦга ѦжвенаѦа книга правила сѦты апѦлѦ и сѦты ѦщѦ седми съѦборѦ вселенскѦ и помѦстнѦ съѦборѦ дана ѦѦ епѦпомѦ проѦхоро сарскѦ и подонскѦ в до прѦчтѦга Ѧца чѦнаго еѦа рѦжѦтва въ ферѦпонтовоѦ поѦустыню.* Запись завершается на л. 6 рукописной монограммой с именем вкладчика¹⁷ — Прохор, близкой к книжным знакам конца XV в. См.:

¹⁴ См.: Карский К.Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 196—197.

¹⁵ См.: ПК. Л. 62, 121об., 174, 270об. и др.

¹⁶ Аналогичное использование выносных гласных встречается в Иноческом сборнике конца XV — начале XVI вв., происходившем из скита Нила Сорского, в тексте проложного (?) жития Кирилла Белозерского (л. 156 и сл.). См.: РНБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 89/1166. Отмечу, что в статье Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV в... шифр этой рукописи указан неточно — 83/1166.

¹⁷ См.: ПК. Л. 6.

Монограмма епископа сарского и подонского Прохора известна. Она была описана Н.Н.Розовым и М.В.Кукушкиной¹⁸.

Настоятель Богоявленского монастыря Прохор был поставлен в 1470 г. в сан епископа Сарайского и Подонского и управлял этой епархией до 1493 г. Сарайский (сарский) епископ Прохор принимал активное участие в церковно-политической деятельности конца XV в. 17 июля 1483 г. он вместе с митрополитом Геронтием, ростовским архиепископом Иоасафом, рязанским епископом Симеоном, коломенским епископом Геронтием участвовал в избрании новгородского архиепископа. Тогда новгородским владыкой стал бывший троицкий старец Сергий. Спустя год с небольшим его сменил бывший чудовский архимандрит Геннадий, возглавивший борьбу против еретических движений, усилившихся на Руси в конце XV в.

В декабре 1492 г. Прохор отошел на покой в Московский Богоявленский монастырь. Как установили Н.С.Демкова и С.Я.Якунина, Прохор был записан в синодик Феодоронтова монастыря зимой — весной 1503 г.¹⁹

На л. 54 — внизу листа — запись крупным почерком XVI в. (?) Иоаннъ пописа — На л. 337об. — внизу листа — мелким почерком — Та^к оверѣто пино

Важной особенностью рукописи Кормчей стали вставки в текст, написанные иным, некириллическим шрифтом. В описании Кормчей, сделанном Н.С.Демковой и С.А.Якуниной, сведения об этих записях отсутствуют. Записи остаются мной непрочитанными. Не определены язык и графика, использованные здесь. Вставки двух типов. К первому типу относятся вставки, завершающие текст статьи. Таких вставок четыре. Они, несомненно, появились одновременно с созданием основного текста.

Первая вставка помещена на л. 131:

Та же вставка, но увеличенная, см.:

Вторая вставка — на л. 174:

Та же вставка, но увеличенная:

¹⁸ См.: Розов Н.Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей // ТОДРЛ. М., 1962. Т. 18. С. 296; он же. Когда появился в России книжный знак // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 88—91; он же. К истории русского книжного знака конца XV—XVII вв. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. с. 85—93; Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII вв. Л., 1977. С. 23, 74, 130.

¹⁹ См.: Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV в... С. 330—337.

Отметим, вместе с тем, что последняя пронумерованная статья в Пермской Кормчей — 108 — Црѣдъ Левна зачатокъ.²²

Среди русских статей Пермской Кормчей — Канонические ответы митрополита Иоанна II, Вопрошание Кириково, Правила митрополита Кирилла, Правила Максима, митрополита русского, антилатинские послания митрополита Иоанна, церковных устав князя Владимира и ряд других (См. описание).

Пермская Кормчая, как уже отмечено выше, объединена с Мерилом Праведным (л. 361—460). В составе Мерила Праведного находятся, в частности, Краткая редакция Закона Судного людем, а также Русская Правда. Завершает Кормчую краткий устав о церковных людях и церковных судах, называемый «Сии ряд и церковный...»

Литература. В отечественной историографии существует традиция изучения Кормчих книг²³. Особое место в этом ряду занимают публикации В.Н.Бенешевича²⁴.

Пермской Кормчей суждено занять в ряду памятников церковного и светского права заметное место. Эта Кормчая относится, как уже отмечалось, к так называемой Чудовской редакции Кормчих²⁵, особенно распространенных на Руси. Чудовская Кормчая датируется по писцовой записи²⁶ 1499 годом. Значение этой Кормчей для отечественного источниковедения было открыто М.Н.Тихомировым²⁷. Пермская Кормчая старше Чудовской. Это само по себе предопределяет необходимость специального изучения и издания по старейшим спискам памятников, включенных в состав Пермской Кормчей.

В свою очередь, могут появиться дополнительные сведения о времени и исторических условиях появления Кормчих, соединенных с Мерилом Праведным, ставших своего рода синтезом церковного и светского права на Руси, правовых связей русских земель, Византии и южных славян. Гипотеза М.Н.Тихомирова, что появление этого типа Кормчих приходится на 70-е гг. XIV в.²⁸, нуждается в проверке на основе новых данных.

Другим важным обстоятельством, определяющим научную актуальность изучения Пермской Кормчей, стала проблема использования именно этого списка Кормчей для последующей истории русского права и общественной мысли.

²² Две последних статьи, пронумерованных в кормчих Чудовской редакции — От книг Еноха праведнаго прежде потопа (109) и Суд Ярославль Володимерича правда русская (110) в Пермской Кормчей не пронумерованы.

²³ См.: Розенкамф. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829; Павлов А.С. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869. С. 22; Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. СПб., 1897. с. 106; Суворов Н.С. Вероятный состав древнейших Кормчих в восточной церкви // ВВ. Т. VIII. с. 357—434. Т. X. С. 378—417; Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика // Записки классического отделения Императорского археологического общества. Т. VII. 1914. С. 210—211; Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941; Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1978.

²⁴ См.: Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906; Т. 2. София, 1987.

²⁵ См.: Пихоя Р.Г. Пермская Кормчая (О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 171—175; Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV в... С. 330—337.

²⁶ Описание см.: Правда Русская. Тексты. Т. 1. М.—Л., 1940. С. 204—205.

²⁷ См.: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941. С. 107—142.

²⁸ См. там же. С. 120—122.

Владелец рукописи, сарский (сарайский) епископ Прохор, оказался в центре церковно-политических споров в конце XV в.²⁹ В объединении верхушки клира против еретиков новгородский архиепископ Геннадий отводил Прохору Сарскому особую роль³⁰. Первое из известных посланий архиепископа Геннадия против еретиков было отправлено уже в 1487 г. сарскому епископу. Послание носило отнюдь не личный характер: архиепископ Геннадий писал суздальскому епископу Нифонту в январе 1488 г., чтобы тот «посмотрел в владычню в Прохорову грамоту в первую, занеже тамо о их ересьх пространно изъявлено». В послании сарскому епископу Прохору новгородский архиепископ высказывает желание, чтобы «государь»³¹ прадеда своего славное христианство свободил».

Сарский епископ Прохор, судя по имеющимся данным, разделял взгляды новгородского архиепископа. О участвовал в церковном соборе 1480 г., объявившего новгородских вольнодумцев еретиками и предавшего их проклятию. Бывший чудовский архимандрит Геннадий, ставший новгородским архиепископом и возглавивший борьбу против еретических движений, попытался использовать против еретиков обвинения в неканоничности их деятельности. Это выразилось, по утверждению Геннадия, в том, что они «еретикки ставили в попы», то есть нарушали принципиально важные для ортодоксального православия положения — 2, 3 и 4-е правила Святых апостол. Геннадий выступал в этой критике как знаток Кормчей. Обвинения еретиков в маркианской ереси предполагали знание положений Халкидонского (IV вселенского) собора, осуждавших симонию, «поставление на мзде»; запретил «никому же незнаемоу священоу быти, ни попоу ни диакону». Это положение, содержащееся в 6-м правиле Халкидонского собора, не только подкрепляло 2-е правило св. апостолов о поставлении священников епископом, но и запрещало служить «канонически вполне доброкачественным» священникам без непосредственного согласия епископа.

Одновременно с этим Геннадий сетовал на отсутствие необходимых книг — сочинений Афанасия Александрийского, Дионисия Ареопажита, Козьмы Пресвитера против богомилов, библейских книг и ряда других, в которых нуждался новгородский иерарх в борьбе с еретиками. Положение было тем более сложным, что у еретиков — «жидовствующих» — такие книги были. Отыскивая их, Геннадий обратился с просьбой о присылке книг из Кириллова, Ферапонтова, Каменного монастырей. В этой связи вкладная запись епископа Прохора на листах Кормчей о вкладе кормчей в Ферапонтов монастырь наполняется определенным политическим смыслом.

Полагаю, что рукопись Пермской Кормчей стала, скорее всего, протографом Чудовской Кормчей, написанной к октябрю 1499 г. «при благовѣрном великом князе Иване Васильевиче всея Руси и при священном митрополитѣ Симанѣ всея Руси»³². Рукопись, судя по записи, имела официальный характер.

По нашему мнению, появление официальной Чудовской Кормчей 1499 г. связано с кругом сторонников архиепископа Геннадия и с Кормчей, переданной в Ферапонтов монастырь сарским епископом Прохором. М.Н.Тихомиров отмечал, что Кормчая чудов-

²⁹ О распространении еретических движений и их места в политическом процессе в стране см.: Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI в. М., 1960. 1955; Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960.

³⁰ Пихоя Р.Г. Пермская Кормчая... С. 172—173; Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Т. 27. С. 277; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 309; Бегунов Ю.К. Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси // ТОДРЛ. 1957. Т. XIII. с. 214—224; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения... С. 382—386.

³¹ Речь идет об Иване III. — Р.П.

³² Правда Русская. Т. 1. С. 204.

ского типа, статьи которой были подобраны в защиту церковных имуществ, епископов и клириков, могла вызывать спрос в церковных кругах. Кормчие подобного типа были источником аргументов в защиту извечных прав церкви.

Кормчая, которой располагал сарский епископ, сыграла важную роль в борьбе не только против еретиков, но и против попыток светской власти посягнуть на церковное имущество и монастырские земли. В книге находились церковные уставы Владимира и Ярослава, дважды помещено «Правило святых отец 165 на обидящих святых церкви» (л. 334—344об., 460—460об.).

В заключение отметим, что Чудовская Кормчая 1499 г. до последнего времени оставалась древнейшим списком особой редакции Кормчей. В связи с обнаружением Пермской Кормчей, которая может рассматриваться как протограф для кормчих Чудовской редакции, возникает необходимость новых текстологических исследований памятников церковного и светского права Древней Руси. Другой важной исследовательской задачей становится проблема отношения Пермской Кормчей и всей Чудовской (а сейчас, пожалуй, правильнее говорить о Пермской редакции кормчих) с другими редакциями кормчих³³.

В дальнейшем предполагаем опубликовать древнерусские памятники покаянной дисциплины, сохранившиеся в составе Пермской Кормчей.

Публикацию подготовил доктор исторических наук Р.Г.ПИХОЯ.

Описание:

1	...	флагонъскаго азъка ити тако же помѣстнымъ съворъ .Ѹ.
2 об.		Титлы правиломъ счетаниа и подобны коемъждо титла глава тителъ наши азъкъ именуетсяа гасиѣ съчтанне ли съвокупленіе грань .А. а неи же глава .ЛЛ.
17	.А.	Изложеніе правилъ апостолскы и учьскы имѣа толкованіе, Алеѳіа діакона и законохранителя Арстина правила стѣхъ апла правило пръвое
29	.В.	Стго апла Павла правила црковнаа правилъ .ѸІ.
30	.Г.	того * правило ш оусопши *
30 об.		Того * правило ш властелехъ
30 об.		Стын великын иже въ Никен .А. съворъ бы въ цотко Коьстантина велика съврашихса стѣхъ шць .Т. и .ІІІ.
37		В иже въ Анкурѣ стаго помѣстнаго съвора правилъ .КѢ.
42 об.		Прави стго свора иже в Новѣи Кесаріи влизь Понтъскаго съшѣшихса съворъ .В.
45 об.		Стго помѣстнаго свора иже в Гантгрѣ правилъ .К.

³³ См.: Пихоя Р.Г. Пермская Кормчая (О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г.) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 171—175.

- 47 Иже въ Антиохіи сѣрствѣн стго помѣстнаго събора правилъ .КѢ.
- 52 об Стѣи помѣстныи съборъ иже в Лавдикѣи фрѣгѣстѣи събраса ѿ различныхъ:
- 60 Вселенъскыи съборъ .В. вы в Константиноѣ градѣ стхъ ѿць .РН. на дѣворца при црн велицѣмъ фешѣи сѣи же правила изложиша
- 62 об .АІ. Правила стго вселенскаго .Г. го събора же въ Ефесѣ съшешихъса стхъ ѿць
- 64 Того събора ѿ посланіа соѣци въ Памфилиѣ еппѣмъ. Прави .Ф.
- 64 об. Правила вселенскаго събора .Д. го иже в халкидонѣ стхъ ѿць пра .А.
- 72 .ПІ. Събора помѣстнаго иже в Сардиніи сѣрѣчь въ средѣци прави .КД. предъ карфагенскѣи събора.
- 76 .АІ. Канони въ Карфагени съшешихъса стхъ ѿць сѣи правила трини шокна соѣ прѣсловіе шци в числѣ правилѣ иже въ Карфагени
- 97 об .ЕІ. Прави шестаго вселенъскаго събора иже в Константиноѣ градѣ въ Троулѣ полатнѣмъ рекше в теремѣ цркы пола при Оустиніанѣ блгочтѣвѣмъ и хѣлюбивѣ
- 123 .СІ. Прави сѣмага вселенъскаго събора иже въ Никен въторое събра Правилъ .КВ.
- 129 Сѣи правила .І. иже в Константиноѣ градѣ бывша перваго и втора събора къ цркви стхъ аплъ
- 131 .НІ. Правила три иже къ Констанътинѣ градѣ преимѣнитѣи цркви вжѣта мѣрти рекше в стѣ Софѣи събравшагося събора иже .З. съборъ оутверди:
- 131 .Ф. Стго и великаго Василіа ѿ посланіа иже къ Амфилохію еппѣу
об .І. иконіиному и къ Диодорѣ и къ инѣмъ нѣкъ посланіи правилъ .ГА.
- 148 .К. Правилъ .К. стго Василіа о времени съгрѣшающѣи прави .КС.
об Правилѣ .А. Поставляѣа чрезъ прѣделъ
- 149 .КД. ѿ книгъ вжтвныи повелѣніи вжтвеныа кончины Иоустѣана различныхъ заповѣди:

Публикация и исследование см.: Бенешевич В.Н. Синагога в 50 титулов и другие юридические сборники Иоанна Схоластика. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви. СПб., 1914. С. 22—23, 288—292.

- 162 Ѡ различныхъ титлъ рекше грании Ѡстїр рѣѣ новыхъ заповѣдїи главы по изванїи различны :
- 169 Изложенїе рекше въспоминанїе бывшаго црковнаго соединенїа при об Константинѣ и Романѣ .
- 174 Иѡстинїана црл .S.го съвѣра въ законенїи и тако побѣае поставляти епкпы и клирики и в коѣжо лѣто
- 176 Тъи же Василїоу превлженому епископоу об.
- 180 Ѡ безаконъны брацѣ сиречь в кровосмѣшенїи. Иже пагубѣ Хвѣ стаду ннѣ
- 185 Ѡ нѣкоемъ съчетавшемъ своемѣ снѣ дъщерь нѣкоего по властїю сущу без вола ѡца еѣ
- Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. С. 186—189.
- 188 .КН. Здѣ извѣстно раздѣленїе възбранены браковъ и законны .
Радинѣ Миѡанло братѣ и сестра Анна
Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 196—201.
- 190 .КФ. Писанїе патриарха изложено Ѡ Иоанъна книгохранителя Иполнта в поемше .В. ю бра ча свое мѣре и о подовнѣи ею запрѣщенїи об
- 191 .Л. Посланїе стго Тарасїа архїепкпа Конъстѣнтинѣ града къ Анрѣяноу папѣ рїмьскомѣ ѣ не поставляти епкпа на мьздѣ
- 191 .ЛД. Генадїа архїепкпа Црѣграда Ѡ посланїа въ всѣм епкпѣ
- 191 .ЛВ. Генадїа архїепкпа Конъстѣнтинѣ града и же тогда съшедшагоса съвора стго Ѡ посланїа къ всѣ епкпѣ об
- 192 .ЛГ. Тимоѡѣя архїепкпа алеѣзанрѣскаго едино Ѡ РН стхѣ ѡщѣ иже в

- об Конъстантинѣ градѣ на Македоніи съврашемса
- 193 .ЛД. Ѳеофила архіепкпа Алеѡан^л рьскаго възглашеніе зготовленію
наставшоу в недѣла
- 194 .ЛБ. Кирила архіепкпа Алеѡан^лрьскаго ѿ посланіиа иже к Домнѹ
- 195 Стго Діонвсія архіепкпа Алеѡан^лрьска в сѣщи безъ шщеніа
- об.. страха ради смртнаго приобщающіся
- 196 .ЛЗ. Ш томъ колика и какова сж^м мѣста опитеміа рекше запрѣщеніе^н
.Д. сж^м мѣста запрѣщеніемъ
- 197 .ЛИ. Иже на всякъ днь . причащатися бживны^{*} танинъ добро и
полезно^а
- 197 .ЛФ. Того же в нерадящихъ в епитеміахъ рекше в запрѣщеніихъ
Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 100.
- 197 .ЛМ. Петра архіепкпа Алеѡан^лрьскаго к венетьскомѹ архіепкпѹ вы^б же
при патрнарствѣ Конъстантина града Алеѡан
- 197 .ЛМД. Главы црковныа въпрои правнии и отвѣти стго съвора
- об бывшаго въ дни пресѣньнаго и вселеньскаго патрнарха Николы
Константина гра^л
- Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2.
С. 101—111.
- 201 Пртаго шца^л ншего Афанасіа архіепкпа Алеѡан^лрьскаго къ
- Антнохоу князю в мношанши възысканіи и в бжствены писаніи^х
- недовѣдомы^х и ѿ вств^х хртіанъ вѣдати должны
- 201 Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 39—42.
- об Лист недописан. На листе — 7 строк. Внизу — Не за-
вершающей тетради — .КС.
- 202 .ЛГ. Того Афанасіа посланіа иже къ Роуфианѹ епкпѹ .
- 202 .ЛД. Григоріа епкпа Новыа Кесаріа чюдотворца в бывши в нашествіи^х
варваръ

^а В колонтитуле, на л. сверху, непосредственно примыкая к статье 38 — современная и написанная основным почерком: Ш причащеніи стго Васіла

203 .МѢ. Стго Григоріа Нисѣскаго к Антонію епкпоу мелетінскомуу правил
.Н.

204 .МС. Стго Петра Аладанрьскаго сщнномуу яка ѿ Швергшихся въ
время гоненіа и паки кающа :я пра .ДІ.

205 .МЗ. Блажнаго Нила черноризца посланіе къ Хараклиу пресвитероу
соурово нападающоу на съгрѣшающа

207 .МИ. ѿ въ превлжнаго митрополита Ираклійскаго Никиты преложены
емоу въпрошеніе от Конъстянтина Памѣфильскаго :

209 .МФ. Иоанна митрополита Роуска нареченаго пррокѡ написавшаго
правило црковное ѿ стѣ книгъ вкратцѣ Іажвоу черноризцоу

Издания текста: см. библиографию в кн.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237 гг.). Изд. 2-е / Пер. А.В.Назаренко, под ред. К.К.Акентьева. СПб., Византинороссика, 1996 (Subsidia Byzantinorossica. № 1. С. 287;

Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. Т. 6. Вып. 1. Изд. 2-е. М., 1908. Стб. 1—20 (Далее — РИБ. Т. 6).

Исследования:

Никольский Н.К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). СПб., 1906. С. 211—225, 497; Пападимитриу С.Д. Иоанн II, митрополит киевский и Феодор Продром // Летопись ИФОНУ. 1902. Т. 10. С. 1—54; его же. Феодор Продром. Одесса, 1905; Васильевский В.Г. Труды. Т. 1. СПб. С. 174—175; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959. S. 610; Каждан А.П. Два новых византийских памятника XII столетия // ВВ. Т. XXIV. 1964. С. 66—67; Poppe A. Prodromos Jan // Slownik Starozytnosci Slowianskich. Т. 4. Р. 356; Пихоя Р.Г. Византийский монах — русский митрополит как канонист и дипломат // Античная древность и средние века. Свердловск, 1975. Т. 11. С. 133—138. См. также библиографию:

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси... С. 286.

- 213 ^Н. Се естъ въпрашаніе Кѣрѣикоу иже въпраша епѣпа новгородскаго
Нифонта и инѣхъ

Издания текста: см. библиографию в кн.: Памятники древнерусского канонического права // РИБ. Т. 6. Изд. 2-е. М., 1908. Стб. 21—76; Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912. С. 1—27; Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. 2. С. 90—94; Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси... С. 309.

Исследования: Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. С. 257—281; Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1966; Пихоя Р.Г. Опыт изучения ранних новгородских памятников церковного права (Правила «Аще двоеженец» и «Вопрошание Кириково» // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Вып. 1; Симонов Р.А. Кирик Новгородец, ученый XII века. М., 1980.

- 223 ^{НА}. Пракѣло Кѣрѣила митрополита и съшѣдшица епѣпа .

Издания: Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 111—114; РИБ. Т. 6. Стб. 84—100; Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 182—185.

Исследования: Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XII вв. М., 1978; (Творогов О.В.) Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 225—227.

- 227 Пракѣло Максима митрополита роусьскаго :

Издания: РИБ. Т. 6. Стб. 139—142.

- 229 (Лист чистый)

- 230 ^{НЕ}. Толкъ апостольтѣн съборнѣи цркви

- 231 .НЗ. О приносѣ ветха́ закона . почто повеле оубо бѣ жидоу
- 231 .НЗ. А се нова́ закона хр̄тіанска́ в просху рѣ вѣдѣніе извѣсто как
об повае́ мь кыти бжественомѹ приношенію к стѣн слѣжѣ о просху
и ш кинѣ
- 232 .НИ. Толкъ бжственыа́ слѣжы
об
- 244 .НО. Иліа архіепіпъ Новгородскыи исправилъс вѣлогородскы ппмъ
- Изд.: РИБ. Т. 6. Стб. 75—78; Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 75—76.
Исследования: Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // ЧОИДР. М., 1912. Кн. 3.
Библи.: Подскальски Г. Христианство и богословская литература Киевской Руси... С. 310—312.
- 244 .З. Стго Васи́ліа толкъ сщчньска чина что є́ іерен и почему глѣсьа
сщчникъ и что естъ встриженіе главы его
- Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 128—129.
- 245 .ЗД. Праки́ іерешм иже не облачаются в сщчныа ризы ли неразуміе
ли гордостію ли лѣбною
- 245 Праки́ стго Іованна млтѡа
- 245 .ЗВ. Правило шпомъ . Всею силою и всею мощію
об См.: Смирнов С.И. Древнерусский духовник. Исследования по истории церковного быта. М., 1913.
- 246 .ЗГ. Правило нгумѣно . Единою вѣслѣдовавшє Хѹ
- 247 .ЗД. Єга ѡстонтъ новосщчны попѣ оурокъ свои . оу сворны цркви .
ѡако обичан є́
- 249 Млтѡа ѡпѣ наа .бѣ же единъ прносущныи
- 249 .ЗЕ. Поученіе еппле к к іерешмъ : Слышите іеренскыи прѣдвныи сборє
- Издания: РИБ. Т. 6. Стб. 111—116; Бенешевич В.Н. Древнеславянская

Кормчая... Т. 2. С. 112—113.

- 253 .ЗС. Ш книгахъ ветхаго закона и новаго :
- 254 .ЗЗ. Сказаніе что є черноризецъ и что ѡдѣяніе :
- 254 .ЗН. Великому Пахомію аггавъ преданыи уставъ и чинъ мнишьскыи :
- об
- 255 .ЗФ. Великаго Васиіа посланіе къ Григорію Бгословѣ ш мнишьско строеніи :
- 258 .О. Мнишьскаго житіа завѣтъ юнымъ чернцемъ въ келіахъ :
- об 259 об. Сѣго Васиіа. аще сѣа съхранишь блѣтъ є в не съхранишь сѣ
- 260 .ОА. Велика Афанасіа архіеппа александръскаго къ Аммонѣ мнихоу ш съблажняющиха во снѣ :
- 260 Правила ш чернцѣ . Аще чернецъ въ вѣлицѣмъ шобразѣ впадѣ въ блѣ
- об

Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 67—71.

- 263 .ОГ. Чинъ како повае погребати братію :
- об
- 263 .ОД. Поученіе ппле всѣмъ холюбимъ князе и всѣ правовѣрны хртіанѣ и болюбивымъ
- об
- 266 .ОЕ. Бгословіе ш стѣи и живоначалѣи ш еднносущнѣи трѣи прѣсловне .
- 268 .ОЗ. Поученіа церковнаа ш стѣи вѣрѣ стхъ ѡцѣ . Впросъ кто є бѣ и почемъ бѣ
- об
- 271 .ОЗ. Истоковано ГИ Ісе Хе бѣ нашъ помилѣи нас аминь :
- 273 .ОИ. Слово стѣи трѣи стго Кесаріа брата Григоріева Бослова . его же въпросиша правовѣрніи глѡще
- об
- 275 .ОФ. Ш томъ еже не прекланати колѣнѣ в нелю :
- об
- 276 .П. Епистоліа на римляны в неи же сказаніе ш Іаковѣ братѣ гни и ш вѣ аплоу .

300 .ПА. Подъченіе ѿ седми съборъ на латинѣ :

Литературу о полемике с латинянами см.: Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875; Архим. Августин. Полемические сочинения против латинян, писанные в русской церкви в XI—XIII вв. // Труды Киевской духовной академии. Т. X. 1867; Чельцов М. Полемика между греками и латинянами по вопросу об опресноках в XI—XV вв. СПб., 1897; Синайский А. Отношения древнерусской церкви и общества к латинскому западу (католицизму) в X—XV вв. СПб., 1897; Еремин И.П. Из истории древнерусской публицистики XI в. (Послание к князю Изяславу Ярославичу о латинянах) // ТОДРЛ. Т. II. М.—Л., 1935; Сюзюмов М.Я. О разделении церквей в 1054 г. // ВИ. 1956. № 8. С. 44—57; Пихоя Р.Г. Византийский монах — русский митрополит Иоанн II как канонист и дипломат. С. 133—138.

303 .ПВ. Петра антиѡхінскаго патрiарха къ архіеппоу римскомоу ѡ
ѡпрѣсноцѣхъ

307 .ПГ. Иоанна митрополита рѣскаго къ архіеппу римскомоу ѡ опрѣсноцѣхъ^х
Публикация и исследование: Бенешевич В.Н. Кормчая Никифорова // Известия имп. Академии наук. 1903. Т. 18. № 4. С. 44.

310 .Никиты мниѡа и пресвитера манастира Студіинскаго порекло^х
ѡ скифита к латинномъ ѡ опрѣсноцѣхъ

313 ѡ постриженіи влады

313 ѡ растщии^х власы и красщихся ими латини

313 .ПЕ. ѡ власѣхъ же в .S. мъ спорѣ вселенствѣмъ ници правило .ЧС. ѡ
франзѣхъ и ѡ прочихъ латинахъ :

315 .ПС. Дмитрія митрополита Квзньскаго ѡ іаковитѣхъ^х и ѡ хацицарн^х

- 316 .ПЗ. Бл̄жнаго Епифаніа еп̄па кѣпрьска повесть въскорѣ написаныхъ
ересь и всѣ рекше повелѣніи
- 324 И еще в ренѣ ереси месалимстѣи живущи в монастыри и
об вѣрѣтающихся ѿ сказанія Феурита
- 326 В ѣтвѣ и о съставѣ яко нже ѿ Севира слава
326 ѿ того законъника . гла . ѿ .
- 329 И по снхъ же шѣчае тако па и меншаго и сѣцаго сѣцъсва не
приемле ре паки въ тон главѣ снцѣ :
- 332 .ПЗ. Тимофеа презвитера прѣтыга и великыа црке Конѣстантина
об града в различіи приходѣщи к непорочнѣи нашен вѣрѣ
- 341 .ПФ. В мелхиседекнѣи и в феодосіанѣ и кафинганѣ рекше
неприкосновны
- 342 .Ч. О Бѣмилѣ попѣ
об Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 134.
- 343^a .Ч. Оуставъ стго княза Владимира крѣтивша русьскую землю в
црковны сѣдѣ и в десятина : Во имѣ оца и сначстго дха Ге таз
кнзь Владимир нареныи в стѣмъ крѣщеніи Василіи снѣ Стославліи
внукъ Игоревъ .
- Издания: Бенешевич В.Н. Устав св. великого князя Влади-
мира о церковных судах и десятинах. Пг., 1915.
Исследования: Шапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в
Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972; его же. Государство и
церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 76—123. Биб-
лиографию см.: Подскальски Герхард. Христианство и бого-
словская литература... С. 312—317.
- 344 Прави стхъ щѣ .Р. и .ѿ. и .Ѣ. на шендѣцаа стѣта цркви :
- Бенешевич В.Н. Сборник памятников по истории церков-
ного права, преимущественно русского, кончая временем
Петра Великого. Вып. 1. Пг., 1914. С. 74—76.

^a В описании Н.С.Демковой и С.А.Якуниной (См.: Демкова Н.С., Якунина С.А. Кормчая XV вв... С. 330—337) пропущен лист между л. 341 и 343. Поэтому дальше в этом описании идет сбой на один лист.

Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси...
С. 97—106.

344 Пракѣло ѡ црковны^х люде^х и ѡ десѣтина^х и ѡ сѣдѣ^х еппьскы^х и ѡ
об мѣрилѣ^х градскы^х :

Щапов Я.Н. «Правило о церковных людех...» // АЕ за 1965 г.
М., 1966.

345 ѡ црковны^х соудѣ^х
об Древнерусские княжеские уставы. С. 110—115.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси.

346 ѡ мѣрилѣ^х :

Публикация: Бенешевич В.Н. Сборник памятников по
истории церковного права. С. 76—77.

347 Написаніе Афанасіа мниха Іерлѣм ка^{кѣ} Панкови ѡ древѣ^х
об развѣмѣль добрѣ и злѣ

349 .ЧВ. ѡ крѣ^хтѣ иже на земли и на ледоу пишють :

349 .ЧГ. ѡ крѣ^хтѣ Хвѣ^х :

349 .ЧД. Того же Афанасіа ѡ наузѣхѣх и ѡ стрѣлцѣх громнѣи :

об Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской
покаянной дисциплины.

Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2.
С. 121.

349 .ЧЕ. Премдрѣть Іса^х сна^х Сирахова въпрѣ и ѡвѣтъ^х всакомѣ хрѣтѣанноу^х
об съ жидовинномѣ :

351 .ЧС. Слово стѣхѣ ѡцѣхѣ ѡ пасцѣхѣ жидо^х

351 .ЧЗ. ѡ ереси арменстѣи :

Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2.
С. 178—181.

353 .ЧН. Чинѣхѣ бываѣи надѣхѣ обращающимисѣ ѡ сорочинѣхѣ къ чѣтнѣи^х
об нашем непорочнѣи истиннѣи вѣрѣхѣ хрѣтѣанстѣи :

- Издания: Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 135—147.
- 356 ^{ЧФ.} Чинъ како побѣе ^Апримати ^Мприходящи ^Хѿ жидовъ къ правон вѣрѣ христіанствѣн :
- Издания: Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 148—152.
- 359 ^{Р.} Чинъ аще кто въ ереси бывъ ^Крщень сы . и швратитса . любо хвалисингъ любо жидовн ^Н любо кын еретикъ
- Издания: Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2. С. 168—177.
- Исследования: Дмитриевский А. Богослужение в русской церкви в XVI в. Казань, 1884, прил. 54—60.
- 361 ^Сѣта книга Мерило праведное извѣсѣ истиннын . тмѣ свѣтило
об слѣпотѣ вождь оумѣ просвѣтъ . око словѣ .
- Издания: Мерило праведное по рукописи XIV в. Издано под наблюдением и с вступительной статьей академика М.Н.Тихомирова. М., 1961.
- Исследование: Калачев Н.В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 1. Изд. 2-е. СПб., 1876; Правда Русская. Т. 1. Тексты. Под ред. Б.Д.Грекова. М.—Л. С. 89—103; Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941. С. 88—99, 107—127.
- 362 ^{РА.} Избраніе ѿ закона ^{БГ}ѿ данаго ^ИИакогь ^ММшвсешмъ в соуде и в правдѣ
- Изд.: Мерило Праведное. Л. 118—125об.
- 366 ^{РВ.} Законъ соуднын людемъ
- Издания:
Мерило Праведное. По рукописи XIV века. М., 1961. Л. 125об—130 об.; Закон Судный людем краткой редакции. Подг. к печати М.Н.Тихомиров, Л.В.Милов. Под ред. акад. М.Н.Тихомирова. М., 1961.
- Исследования: Троицкий С. «Закон Судный людем» как памятник Византийского права // Actes du XII-e Congrès inter-

national d'Études Byzantines. T. 2. Beograd, 1964. P. 525—526; Флоринский Г.Д. Древнейший памятник болгарского права // Сборник статей из истории права, посвященный М.Ф.Владимирскому-Буданову. Киев, 1904; Андреев М. Является ли «Закон Судный людьмъ» памятником болгарского права? // Славянский архив. М., 1959; Oroschakoff H. Ein Denkmal des bulgarischen Rechtes Zakon Sudni Ljuden // Zeitschrift der vergleichenden Rechtswissenschaft. Bd. 33, 1915; Ганев В. Законъ Соудный. София, 1959; Prochazka V. Le Zakonъ Sudnyъ Ljudemъ et la Grande Moravie // Byzantinoslavica, 2/1967, XXVIII. Prague, 1967. P. 362; Вашица И. Кирилло-мефодиевские юридические памятники // Вопросы славянского языкознания. М., 1963; Ecloga. Collectio librorum juris Graeco-Romanum. E.E.Zachariae a'Lingenthal. Lipsiae, 1852; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступительная статья, пер., комм. Е.Э.Липшиц. М., 1965.

368

Ш малженѹ

об

См. выше, литературу о Законе судном людем.

368об

Толкъ Козмы Халкидонъскаго тако не подобаеть жены гжею звати :

370

.РГ. Закона граскаго главы различны в .М. гранѹхъ ѿ них же .К. и ѿ поставленіи еппъ и поповъ

Издания: Мерило праведное. Л. 231—331; Бенеманский М.О Proheiros νόμος императора Василия Македонянина. Сергиев Посад, 1906; Бенешевич В.Н. Прохирон в новейшей русской литературе // Юридические записки. Ярославль, 1909. Вып. 1. С. 102—110.

418

Слово да не шендѡ силнн меншихъ

418

Слова ѿ вдова^х и ѿ сирота^х не шендите и^х црн и князи и вси властели силнн

об

Издания: Мерило праведное. Л. 23об.—25.

419

Слово еже соудити право :

- 419 Глово стго Иоанна Злаоу^{тс} ѡ смѣющуѡмъ тако бжѣта заповѣдь естъ
Изданія: РИБ. Т. 6. Стб. 79—84.
- 420 .РД. Лешнѣ и Константинѣ вѣрнаѣ црѣ :
Изданія: Мерило праведное. Л. 165об.—196.
См. также: Эклога. Византийский законодательный свод
VIII века. Вступительная статья, пер., комм. Е.Э.Липшиц.
М., 1965.
- 437 Новая заповѣдь блгоч тиваго црѣ Алеѣѣ Комнина
Изданія: Мерило праведное. Л. 198—201.
- 438 .РС. Заповѣ новата бывша ѡ хюлюбнѣ црѣ нашего Алеѣѣ Комнина
Изданія: Мерило праведное. Л. 201—208.
- 441 .РЗ. Вспоминаніе хранителя великаго стража Іоанна Фракісіѣ
Изданія: Мерило праведное. С. 208—212.
- 445 .РН. Црѣ Лешна зачатокъ глава .А.
446 Црѣ Алеѣѣ Комнина ѡ новыхъ заповѣди
об
- 446 *
Того Алеѣѣ Комнина
об
- 446 ѡ книгѣ Еноха правднаго преже потопа
об
- 448 Глово ѡ томѣ еже соудити бжѣѣ достоиннства естъ
448 Вбразъ винамъ по четыре ѡбразо^м всака вина бывае^м
Изданія: Мерило праведное. Л. 70—70об.
- 448 Никиты митрополита працьлѣйскаго къ Константинѣ памфилѣнско^м
об штвѣ :
Изданіе: Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая... Т. 2.
С. 72—76.
- 448 Константина црѣ сѣдежни^к глава .Б.
об

- 448 Глава .Г. ш послоуѣхъ^х
 об
- 449 Того^{*} глава .КВ.
 449 Правило .РКН.
 449 Правило .РЛ.
 449 Того^{*} правило .РЛЛ.
 449 Правило .РЛВ.
 об
- 450 Володимера княза соудъ ш послоушьствѣ
 Правда Русская. Т. 1. С. 231.
- 450 Вселеньска^н свора .Д. го иже в Халкидонѣ правил :
 450 О моужи кровавѣ :
 Правда Русская. Т. 1. С. 231.
- 450 Соу^а . Гарославль Володимерича правда роусская :
 об
- Издания: Правда Русская. Т. 1. М.—Л., 1940; Т. 2. М.—Л., 1947; Т. 3. М., 1963 и др.
 Исследования: Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941; Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950; Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.
- 452 Оуставъ Володимера княза . А се оуставиль Володимеръ
 Всеколодичъ по Стополцѣ
- 457 Слово Сирахово на немилотивыѣ цри и князи иже неправдою
 соудя^н
- 457 Слово ш гордости
- 457 Слово ш соудѣхъ и ш властелехъ емлющихъ мздоу и не в
 об правдоу соудящихъ
- 457 Слово Аввакоума пррка на шендшаѣа и на насильствоушаѣа

об

457

Слово стго Василіа ш соудіахъ и ш властелехъ

об

460

Слово стхъ шць .Р. и .З. и патн ш обидящихъ цркви стым

Изд.: Бенешевич В.Н. Сборник памятников по истории церковного права. С. 77.

460

Сін радъ и соу црковны . Оуставили первін кизи своимъ

об

тнвоуномъ

Бенешевич В.Н. Сборник памятников по истории церковного права. С. 89.

Научная библиотека Пермского государственного педагогического университета. Р—1.

(Продолжение следует)

«ДАННЫЕ МНЕ ДИРЕКТИВЫ ВЫПОЛНЕННЫ»

Отчет Б.Г.Бажанова. 1926 г.

В годы горбачевской перестройки, когда был особенно значительный интерес к отечественной истории, вышла книга мемуаров, которая сразу привлекла внимание историков и рядовых читателей. Принадлежала она перу Бориса Георгиевича Бажанова (1900—1982)¹. Интерес к личности автора воспоминаний подогревался тем, что Бажанов некоторое время являлся помощником Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В.Сталина. В годы Гражданской войны Бажанов занимался партийной работой на Украине. В 1920 г. его, как молодого партийца, отправили на учебу в Москву. В 1922 г. он поступает на работу в аппарат ЦК, в 1923 г. становится секретарем Политбюро ЦК. Позже, 1 января 1928 г., Бажанов бежал из СССР через персидскую границу. Оказавшись во Франции, в 1929 и 1930 гг., он опубликовал свои первые записки, а затем появилась и книга, в которой он рассказывал о нэповской России и о причинах, заставивших его покинуть родину.

Когда книга Бажанова появилась в нашей стране, далеко не все поверили в реальность содержащихся в ней фактов, не все в ней вызывает доверие и сегодня. Однако, многие эпизоды, описанные мемуаристом, не являются вымыслом и могут быть подкреплены документами, хранящимися в отечественных архивах. К такого рода событиям, имеющим реальную основу, относится и описанная Бажановым поездка за границу в 1926 г. С этой поездкой в жизни Бажанова была связана его первая, ставшая неудачной, попытка бегства из страны. За границей он оказался с командой советских конькобежцев, в которую входили спортсмены Яков Мельников, Платон Ипполитов и некоторые другие. Бажанов, который в тот момент являлся одним из руководителей комфракции ВСФК², был откомандирован с командой в качестве ее капитана. В Осло и Хельсинки, куда прибыли советские конькобежцы, они были тепло встречены местной прессой и спортивной общественностью. Подробный рассказ о поездке Бажанов приводит в своих воспоминаниях. Там же он делится теми обстоятельствами, которые не позволили ему стать невозвращенцем уже в 1926 г. Но насколько написанное им соответствует действительности? В фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) удалось обнаружить документ, который подтверждает факт поездки советской спортивной делегации в Финляндию и содержит некоторые дополнительные штрихи к биографии и облику Бажанова³.

Публикацию подготовили кандидаты исторических наук О.И.ГОРЕЛОВ и Д.О.ЧУРАКОВ.

¹ См.: Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990.

² ВСФК — Высший совет физической культуры, был создан в 1923 г. при ВЦИК.

³ В архиве имеется также вариант документа на немецком языке (Там же. Л. 23—24).

Исполкому КСИ¹

1 февраля 1926 г.

Секретно

Отчет

представителя ВСФК при конькобежной команде,
ездившей на соревнования с Фин[ским] раб[очим]
спорт[ивным] союзом в январе 1926 г. т[оварища] Б.Бажанова^а

Довожу до сведения ИККСИ, что данные мне директивы мною целиком выполнены. В частности, по пунктам данных мне директив:

1. Основной задачей поездки была популяризация политики КСИ за единство мирового спортивно-гимнастического движения. Это было лейтмотивом речей и данных мною в рабочую спортивную газету и политическую газету (ком[мунистическую]) интервью.

2. Симпатии КСИ и русской секции к Фин[скому] Раб[очему] Спорт[ивному] Союзу, основанные на его твердой и правильной борьбе за единство, все время подчеркивались. Отношения нашей команды с рабочим Фин[ским] Раб[очим] С[портивным] С[юзом] были все время превосходные — самые теплые и дружественные.

3. Борьба КСИ против буржуазных организаций была освещена полностью. Возможность наших состязаний с буржуазными организациями Финляндии исключалась.

4. Общая цель оргработы КСИ — создание во всех странах сильных рабочих спортивно-гимнастических союзов — освещалась.

5. Команда была инструктирована и проявила очень высокий уровень политического такта и правильного понимания линии своего поведения.

6. Команда строго подчинялась руководителю. Никаких переговоров ни с какими организациями команда не вела. Никаких разговоров и переговоров с буржуазными организациями не велись ни ее руководителем, ни участниками.

7. Задача популяризации КСИ и его лозунга о единстве все время преследовалась.

8. Финансовые вопросы разрешал только руководитель. О результате финансовых вопросов Фин[ский] Раб[очий] Спорт[ивный] Союз был очень доволен, абсолютно никаких разногласий в этом пункте, как и во всех прочих, не было.

9. Отчет представляю.

10. Директивы об осторожности в общении с финскими коммунистами, работающими нелегально, выполнены.

Привожу основные данные о поездке. Из Москвы команда выехала 21-го января, приехала в Гельсингфорс² утром 23 января. Днем 23-го января состоялось первое выступление, после которого вечером в Рабо-

^а Заголовок документа.

чем доме состоялся вечер — товарищеская встреча, прошедшая очень тепло. 24-го января был второй день соревнований, в результате которого нашими конькобежцами были выиграны четыре первые места (технические результаты подробно напечатаны в газете). Вечером 24-го состоялся торжественный вечер — раздача призов в Рабочем доме, речи представителя Фин[ского] Раб[очего] Спорт[ивного] Союза и моя (в духе директив КСИ). 25-го Полпред организовал в Полпредстве ответную встречу. 26-го января сотрудники Полпредства и Торгпредства устроили в честь русских конькобежцев вечеринку. 27-го января мы выехали в Москву.

Никаких недоразумений и разногласий во все время нашего пребывания в Финляндии не было.

Бажанов

РГАСПИ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 99. Л. 21—22.

Примечания

¹ Красный Спортивный Интернационал — основан в Москве в июле 1921 г.

² Гельсингфорс — ныне г. Хельсинки.

14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев

Сост. П.В.Ильин, при участии А.А.Кононова,
вступит. ст. П.В.Ильина. Комм. А.А.Кононова,
И.В.Осиповой, П.В.Ильина, Н.И.Веденяпиной.

СПб.: «Академический проект», 1999. 750 с.

Свод документов, собранный под обложкой названного тома, во многих отношениях представляет собой значительное явление. Прежде всего, это самый полный на сегодняшний день комплекс свидетельств об историческом событии, которое стало «знаковым» в политическом и культурном времени России XIX века. Но если говорить о его воздействии на наблюдателя, то здесь перед нами открывается протяженный ряд чрезвычайно разнообразных субъективных его восприятий. Это декабристский мегатекст, не умшеленный, не искусственно сконструированный, а органичный и подлинный. Все время он существовал как «вещь в себе», будучи разбросан по сотням изданий, и вот теперь извлекается на поверхность усилиями публикаторов.

Появление этой книги особенно замечательно в современной ситуации декабристоведения, которая отмечена тенденцией явного упадка, свертывания конкретно-исторических исследований о декабристах, резкого уменьшения количества документальных публикаций. Главной причиной всего этого кажется исчерпанность традиции конъюнктурного, идеологического прочтения декабризма, которой следовали и дореволюционная либеральная историография, и декабристоведение советских лет. Если первая смотрела на историю декабристов как на «духовную составляющую» истории русской интеллигенции, то ультрапартийным декабристоведением 20—70-х гг. XX в. события 14 декабря и вся их предыстория изображались как стартовый момент непрерывного революционного движения против самодержавия. Для современного читателя идеологизированные декабристы перестали быть привлекательными. У историка же сложилось ощущение фактической исчерпанности темы. Хочется надеяться, что фундаментальные публикации, подобные рецензируемому, помогут изменить ситуацию к лучшему, откроют новые грани изучения декабристов: возможность историко-социологической, или, поскольку тема, как никакая другая, обеспечена мемуарными и эпистолярными источниками, историко-психологической ее интерпретации. Да, собственно, в этом направлении уже пройдена первая часть пути — Ю.М.Лотманом и теми исследователями индивидуальных биографий декабристов, которые пытались вскрыть мотивацию их поведения, систему нравственных и политических ценностей, выявить ряд готовых идеологических и культурных образов, реализуемых ими через тайные политические общества.

Коллектив молодых исследователей, в течение нескольких лет скрупулезно работавший над подготовкой тома 14 декабря 1825 года в воспоминаниях очевидцев — это коллектив единомышленников, принадлежащих к тому же к одной научной школе. Все они учились у Ю.Д.Марголиса, и отсюда, из семинара по истории общественного движения XIX — начала XX вв. на историческом факультете Ленинградского (С.-Петербургского) университета, идет их интерес к декабристоведческим штудиям. Кстати, насколько нам известно, и замысел настоящего издания сложился у них еще в студенческие и аспирантские годы. Ныне П.В.Ильин является ответственным редактором ежегодника «14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография», вокруг которого группируются исследователи из Петербурга, Москвы, Кишинева, Петрозаводска и других городов. Это издание ориентировано на выход к новому конкретно-историческому и концепту-

альному пониманию декабризма. В том же направлении увлекает нас и возможность анализа документального комплекса, помещенного в рецензируемом сборнике.

Если хрестоматийность и кажущаяся одномерность декабристской темы отталкивают от нее профессиональных историков, то широкому читателю, желающему получить образное, живое и вместе с тем конкретное представление о декабризме как явлении, мешает концептуальная узость и в то же время перегруженность деталями, фактографичность многих исследований о декабристах. Знакомство же с «Воспоминаниями очевидцев...», несомненно, поможет оживить картину полуполюгендарного для неспециалиста происшествия.

У авторов-составителей «Воспоминаний очевидцев...» были весьма именитые предшественники. Первым, кто специально обратился в 1840-х гг. к личным воспоминаниям участников событий 14 декабря, был М.А. Корф. Он, кстати, побудил многих государственных сановников, кто играл значительную роль в этих событиях, систематизировать осколки памяти. Собственную реконструкцию произошедшего предложил в юбилейном 1925 г. А.Е. Пресняков в своей классической работе «14 декабря 1825 г.», при этом широко привлекая записки современников. Его исследование было дополнено очерком Г.С. Габаева. Мажорным аккордом советского декабристоведения стала версия дня 14 декабря, созданная М.В. Нечкиной. Концептуально различные все эти исследовательские реконструкции единичного исторического события разворачивались в процессе группирования и систематизации данных источников, критики многочисленных документальных версий. Но только теперь читатель получает возможность, имея в руках практически все дошедшие до нас версии, уснащенные деталями и подробностями, в том числе такими, которых по ряду причин исследователи часто избегали, строить собственную картину происшествия 14 декабря. И картина эта претендует на то, чтобы быть отнюдь не воспроизведением во всей полноте того, что «было в действительности», поскольку подобное, увы, не дано, но, в сущности, становится опытом восстановления комплекса индивидуальных и групповых восприятий, а также оценок этого происшествия в исторической ретроспективе.

По существу, комплекс мемуаров о коротком эпизоде «уличных беспорядков» в столице, спровоцированных кризисом междоусарствия, сам по себе оказался явлением историческим, подобно русским мемуарам о 1812 годе, и столь же масштабным. Совокупность этих документов доносит до нас не только понимание их авторами чрезвычайной важности описанного события, но и их зависимость от конъюнктуры: подчеркнутую приверженность одной из двух генеральных версий событий 14 декабря: официальной или неофициальной. Последняя становится все более привлекательной и прослеживается со второй половины 1850-х гг., причем нетолько в текстах, вышедших из декабристского лагеря.

Рецензируемая книга хороша тем, что может удовлетворить как запросы широкого читателя, так и потребности историка-специалиста. Историк, занимающийся декабристской проблематикой, не пропустит это издание и обратит внимание на его фундаментальность и фактически новации. Ряд текстов, здесь помещенных, впервые публикуются в русском переводе, сделанном специально для данного издания. Это, например, воспоминания принца Евгения Вюртембергского, записки кавалергардского полковника Р.Е. Грюневальда, чиновника министерства духовных дел и народного просвещения П.П. фон Гетце, письмо А.Х. Бенкендорфа М.С. Воронцову, изложение воспоминаний дочери М.М. Сперанского Е.М. Фроловой-Багреевой. Кроме того, многие публикуемые тексты, напечатанные лишь однажды в редких дореволюционных изданиях, стали библиографической редкостью, и их современное воспроизведение было настоятельно необходимо.

Собрание под одной обложкой «декабристских» и «недекабристских» текстов, а последних большинство, само по себе обеспечивает стереоскопичность интерпре-

тащи хрестоматийных сюжетов декабристского выступления, многоплановость в передаче городских происшествий этого дня. Авторы-составители по мере возможности усиливают впечатление стереоскопичности, предлагая читателю систему перекрестных комментариев, благодаря которым можно проверить и дополнить каждого мемуариста, стоит только обратиться к параллельным свидетельствам о том или ином эпизоде. Это открывает и способ определения достоверности самих свидетельств и, что еще важнее, помогает выявить различия в восприятии разными людьми одного и того же поразившего их воображение события, систематизировать эти восприятия. Среди мемуаристов оказываются «люди толпы», оставившие о происходящем стороннее и в чем-то более объективное суждение (как моментальный снимок бывает иногда точнее многолетних наблюдений): сапожник, купец, юнкер, рядовой одного из восставших полков, помощник квартального надзирателя, дьякон, рассыльный журнала. Среди этих «маленьких людей» оказывается и знаменитый «дядька» Пушкина Никита Козлов. Часто отзывы этой группы фиксируют только недоумение, непонимание, эмоциональное потрясение при виде гибели десятков невинных людей, наконец, и это понятно, верноподданные чувства.

Другая группа откликов — это взгляд с позиции дворянских интеллектуалов, способных оценить происшествие «с дистанции истории». Это Н.М.Карамзин, З.И.Левцельтерн (урожд. Лаваль), В.А.Жуковский, семейство Блудовых, Н.И.Греч, А.М.Горчаков, М.Д.Нессельроде, Н.Г.Устрялов, супруги Оленины. Их отклики отличаются друг от друга проявленным отношением к «безголовым нашим либералистам», которое может колебаться от проклятий до сочувствия. Объединяет их сожаление об утраченных в этот день перспективах «бесконфликтного» развития России.

При структурировании тома и организации текстов составители следовали принципу исчерпывающей полноты корпуса мемуаров. Выявлено и републиковано в настоящем томе в общей сложности около 150 свидетельств.

В комментарии уделяется особое внимание разночтениям в описаниях, так как зачастую трудно сказать, кто из авторов более точен. Оговариваются ошибки мемуаристов. Малейшая деталь описания становится значимой. Продуманная организация комментария создает возможность для сопоставления различных документальных версий. Все это придает публикации редкую при таком объеме концентрированность.

Следование указанному принципу предельно расширяет список мемуаров за счет включения в него устных рассказов, записанных третьими лицами: потомками, биографами героев. Подобные рассказы, которые появлялись в дореволюционных журналах среди «мелочей и анекдотов», зачастую проходили мимо внимания исследователей, так как им не оказывалось того доверия, которое сообщалось автобиографическим описаниям 14 декабря. Но в контексте данного сборника короткие рассказы, выхватывающие иногда всего одну, но чрезвычайно значимую деталь, добавляют картине 14 декабря рельефность и правдоподобие. Нужно ли говорить, что эти тексты, сокращенные составителями иногда до размера нескольких строк, необходимо было напечатать? Здесь, однако, открывается проблема структурирования различных по происхождению (а, значит, по степени достоверности) свидетельств, но об этом ниже.

Концептуально важна вступительная статья составителя сборника П.В.Ильина как заявление взгляда авторов на место событий 14 декабря в историографической и источниковедческой перспективе (с. 12—36). Она вводит читателя в круг дискуссионных историографических оценок междоусарствия, планов восстания, меры их реализма, конституционной программы деятелей тайных обществ.

Однако назначение предисловия, как представляется, понято достаточно узко — ввести читателя в политическую подоплеку выступления 14 декабря, которая

открывается в кризисе власти (династическом) и кризисе движения тайных обществ, ввиду преждевременно наступившей ситуации государственного переворота. При этом заметно преувеличивается «организованность» действий декабристов, влияние тайного общества в столичных полках и «частные» причины катастрофы декабризма, разыгравшейся в этот день, такие как нестойкость лидеров (С.П.Трубецкого, А.М.Булатова и др.), авантюризм А.И.Якубовича, опоздание с выводом полков. Но ведь известно, что даже планы, составленные накануне выступления, не отличались никакой четкостью, а реальное протекание «попытки возмущения» состояло почти сплошь из экспромтов и неожиданностей. История тайных обществ в России имеет, конечно, прямое отношение к этому уникальному эпизоду открытого военного противостояния правительству. Полагая между историей декабризма и феноменом 14 декабря прямую связь, П.В.Ильин выступает последователем А.Е.Преснякова и других авторитетов. Но нельзя не видеть, что элемент импровизации в событиях этого дня заслонил подлинные цели и планы государственного переворота, которые вынашивались целых 10 лет. Поэтому 14 декабря несколько не напоминает «пронунсиamento», европейские революции 1820-х годов. Исключая введение в обиход слова «конституция», оно осталось в традициях российских переворотов, совершаемых силами гвардии в XVIII веке. По документам можно видеть, как мало людей «активной стороны» субъективно оценивали свою активность как «делание революции». В этом смысле рефлексирующая мысль лидеров декабризма, облекшая (гораздо позже!) в монументальные и возвышенные картины забывающуюся конкретику того дня — это проявление их стремления к коллективной автореабилитации, начало которой было положено еще в Сибири, а вернулся этот процесс на волне общественного интереса конца 1850-х — 1860-х гг. к возвратившимся оттуда. У тех же из декабристов, кому довелось не коллективно, а в одиночку «припоминать» детали 14 декабря (А.П.Беляев, М.И.Пушин), нет того ощущения абсолютной правоты и «правильности протекания» события, характерного для мемуаров братьев Бестужевых, И.Д.Якушкина, А.Е.Розена и им подобных. К сожалению, предисловие не дает читателю повода для наблюдения поразительных различий в субъективном восприятии 14 декабря теми из участников тайных обществ, кто был осужден, и теми, кто смог оправдаться и сделал карьеру (как, например, А.А.Суворов). Но читатель, надеемся, проделает этот труд сам.

Особо следует сказать о комментарии, занимающем около четверти объема книги. Безупречность его (в том числе стилистическая) обнаруживает редкую добросовестность молодых авторов, вкус к точности и содержательности этого вида исследования, при соблюдении ограничений, заданных жанром комментирования. При этом широко привлекается материал петербурговедения: уточняются все названные мемуаристами адреса, приводятся сведения о расквартировании военных частей, восстанавливаются детали городского ландшафта и быта. Предельно точны и подробны биографические сведения не только о мемуаристах, но и обо всех упомянутых лицах. Таким образом, эта книга — еще и ни с чем не сравнимый по напряженности, «сгущенности» времени и информативности «петербургский» текст. Ведь петербуржец, безразлично, интеллектуал он или обыватель, и сегодня воспринимает 14 декабря 1825 г. как один из самых «знаковых» дней в жизни столицы, ставший рубежом двух политических (и культурных) эпох. Что дает рецензируемое издание такому читателю? Конечно, не только документированное, более отчетливое, чем прежде, представление о хронологии и топографии перемещения фигурантов исторической драмы: мятежных и правительственных полков и отдельных лиц. «Знаковая» роль Петербурга как места действия так или иначе фиксируется в самих текстах. Потому-то в глазах потомков и историков события 14 декабря прочно ассоциируются с петербургским культурным пространством и интерпретируются через него.

Но любой самый добросовестный труд не бывает свободен от незаметных создателю, но видимых постороннему глазу недостатков. Возникают определенные вопросы и открываются отдельные изъяны и при внимательном чтении «Воспоминаний очевидцев...»

Главная претензия к авторскому коллективу состоит в размытости источниковедческих подходов, не все из которых оговариваются, возможно, потому, что создатели книги боялись «перегрузить» этим широкого читателя. Это упущение проявилось на уровне отбора текстов и повлекло неверную интерпретацию ряда документальных материалов как свидетельств «очевидцев», хотя их авторы таковыми в действительности не являются. Это справедливо, к примеру, в отношении писем графини М.Д.Нессельроде брату Н.Д.Гурьеву. Все, что зафиксировано в них, это — квинтэссенция городских и светских толков, ибо «очевидцами» ни кавалерственная дама, ни ее супруг, статс-секретарь по иностранным делам К.В.Нессельроде, конечно, не могли быть. «Объективным» их информатором мог стать брат графини полковник А.Д.Гурьев, находившийся при Николае I, но для усиления впечатления от письма графине понадобились именно «острые моменты» и преувеличения, почерпнутые из других, сомнительных источников. Вот почему «поправлять» М.Д.Нессельроде в комментариях, как это делают публикаторы, бесполезно. То же можно сказать о содержании дневника П.Г.Дивова. В обоих случаях мы сталкиваемся не с фиксацией непосредственных впечатлений, а с *информацией* о событии, передаваемой как «новость» от одних лиц другим, причем, в уже препарированной форме. Исключение в этом ряду составляет дневник Н.Д.Дурново, насыщенный яркими подробностями увиденного. Заслуживают специального внимания попытки мемуаристов уже в тот момент дать «историческую оценку» событиям, произошедшим 14 декабря. Это должно заинтересовать того, кто попытался бы исследовать отношение различных кругов и лиц к выступлению декабристов с историко-психологической и историко-социологической точки зрения.

Еще одним недостатком публикации представляется нам неверная классификация всех помещенных в данном томе текстов как «воспоминаний». Очевидно, что некоторые из них по своему происхождению к воспоминаниям отнесены быть не могут и представляют собой иные типы источников: дневники, выдержки из писем, семейные предания, позднейшие записи устных рассказов действительных «очевидцев», сделанные другими лицами. Последняя форма ближе к историческому анекдоту.

Проблема *типологии* мемуаров по их происхождению не решена однозначно, многое зависит от их назначения и конкретного содержания. И все же принято говорить о видовых различиях воспоминаний и дневников, при этом большинство исследователей «мемуарами» называет как воспоминания, фиксирующие впечатление от события на временной дистанции, так и дневники, содержащие непосредственное отношение к событию. Родовым же понятием для того и другого вида источников признается термин «мемуары». Такая расширительная трактовка мемуаров характерна как для историков прошлого века, так и для многих современных авторов. Подобное определение «мемуаров» встречаем у К.Н.Бестужева-Рюмина и С.Р.Минцлова, М.Н.Тихомирова и А.Г.Тартаковского¹. Этой традиции следуют новейшие публикации С.С.Миц, А.Е.Чекуновой о русской мемуаристике XVIII—XIX вв.²

¹ К.Н.Бестужев-Рюмин писал о «записках» вообще (*mémoires*), относя к ним и источники личного происхождения XVII в.: сказания, исторические сочинения, журналы или дневники. С.Р.Минцлов также считал мемуарами все вообще источники личного происхождения, основанные на человеческой памяти и факте личного участия в описываемом событии. (См.: Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 51; Минцлов С.Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напеча-

Строго говоря, и название книги по указанной причине не отвечает ее содержанию, так как наряду с воспоминаниями публикуются и письма, и дневники, и зафиксированные другими лицами рассказы подлинных очевидцев, то есть то, что в широком смысле называется *мемуарами*. Последний термин шире, чем «воспоминания» и в нашем случае точнее. А поскольку мы имеем дело с объединением в данной книге текстов «очевидцев» и «неочевидцев», о чем уже было сказано, то, наверное, более подходящим названием было бы не «14 декабря 1825 года в воспоминаниях очевидцев», а просто: «14 декабря 1825 года в *мемуарах*».

Теперь о выраженности того самого личного, индивидуального отношения авторов (основного признака «мемуаров») в представленных здесь текстах. Поскольку по своему назначению и степени индивидуализации повествования они весьма разнообразны, целесообразно дифференцировать и то значение, и ту степень доверия, которые сообщаются тому или иному тексту. Может быть, это нужно было более четко сделать в комментариях. И конечно, следовало бы, отступая от принятого единого «формуляра» комментария, представить обстоятельство создания хотя бы некоторых текстов. Рядом с «классическими» воспоминаниями, окрашенными личным переживанием и написанными по внутреннему побуждению, в издании присутствуют тексты, по происхождению явно заказные. Так, А.И.Философов представил свое письмо в 1848—1849 гг. по просьбе М.А.Корфа, зная, что оно послужит созданию официальной хроники. Есть тексты, которые приближены к деловым сообщениям. Так, весьма официален «журнал» К.Ф.Толя, составленный в той же стилистике, что и его воспоминания о польской кампании 1830—1831 гг., и, вероятнее всего, по заказу. Непонятны отступления составителя от заявленной в предисловии ориентации на «очевидцев». Почему же тогда такие сочинения, как рассказ Н.К.Имеретинского, явный апокриф, или рассказ С.Н.Бибиковой (семейное предание, зафиксированное уже в начале XX в. А.Бибиковой, фактически во втором «пересказе»), или рассказ И.В.Васильчикова (хотя и богатый невыдуманными деталями, но переданный сыном, В.И.Васильчиковым, со слов отца), фантазии престарелого Н.Р.Цебрикова в изложении Д.Д.Оболенского, — попали в том, а донесения и записки иностранных послов — нет? Или почему нужно отказываться от попытки хотя бы в некоторых случаях сверить тексты с оригиналами, если эта проверка возможна?

танных на русском языке. Вып. 1. Новгород, 1912. С. 3). М.Н.Тихомиров в первом советском учебном пособии по отечественному источниковедению отнес к мемуарам и дневники, считая главной особенностью последних субъективность. И, напротив, о видовом отличии воспоминаний от дневников и личной переписки писали С.С.Дмитриев и М.Т.Белявский, авторы учебника по источниковедению 1973 года. А.Г.Тартаковский отнес к мемуарной традиции воспоминания («мемуары в узком смысле слова», «собственно мемуары») и дневники «как исторически первейшую и простейшую форму запечатления личностью опыта своего участия в исторической жизни» (См.: Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. От рукописи к книге. М., 1992. С. 8). Традиция отнесения и дневников, и воспоминаний, и путевых записок, иных источников личного происхождения к *мемуарам в широком смысле* стала принципом составления фундаментального указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях...» (1976—1986), осуществленного под руководством П.А.Зайончковского.

² См.: Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998; Чекунова А.Е. Русское мемуарное наследие второй половины XVII—XVIII вв. Опыт источниковедческого анализа. М., 1995.

Хотелось бы еще раз коснуться принципов комментирования, в основе которых подчеркнутая любовь к деталям и стремление отделить деталь точную или правдоподобную от вымышленной, но не забыть ни одной, даже малозначащей, если она была «на самом деле». Об иллюзорности последней установки уже сказано. Стремление комментаторов к точности, доведенное до *plus ultra*, как раз в современном состоянии методологической переходности отечественной исторической науки может быть интерпретировано как издержки позитивизма. Утешимся тем, что явных или скрытых позитивистов больше, чем можно предположить на основании публичных деклараций новаторства. Специфика предмета исследования порой оправдывает верность позитивизму. Так и в нашем случае. Но очень жаль, что даже в этом фундаментальном труде, подчиненном идее реконструкции «позитивной» истории 14 декабря, обнаруживается недостаток внимания к историко-психологической стороне мемуаротворчества.

Большая часть публикуемых текстов — позднейшие по времени записи. Совершенно очевидно, что содержание и тональность каждого свидетельства уже *скорректированы* временем, а сами свидетели испытали на себе влияние чужого опыта: общепринятой, генерализующей, официальной, как угодно, — версии о происшествии. Последняя должна была оказывать воздействие на уровне подсознания на всех, поскольку никто ведь не зафиксировал отношение к увиденному немедленно, в тот же день, до появления официальных сообщений 15-го числа. «Очевидцы» помимо воли оказывались психологически несвободны, в большей или меньшей, конечно, степени, в зависимости от времени, обстоятельств, объема их памяти о происшествии 14 декабря, механизмов ее передачи. И это даже несмотря на субъективную установку на точную передачу увиденного, которая была у некоторых из них и наиболее точно выражена А.А.Суворовым в ремарке: «Если я это пишу, то не потому что слышал, а потому что видел сам...» (с. 324).

Вот почему, как нам показалось, документальная ценность единичных сообщений публикаторами явно завышается, что явствует из скрупулезнейших контекстуальных вставок информационного характера, которыми насыщены комментарии. Стоит ли абсолютизировать единичный материал? И, напротив, взгляд на собрание этих текстов как на комплекс социо-психологических характеристик русского общества, «пережившего» 14 декабря как «историческую травму», составителям не близок. Но, так или иначе, — эта книга существует, и не только как максимально полная и детализированная документальная реконструкция события, но и одновременно, если отталкиваться от авторства, мотивации мемуаротворчества и содержания текстов — реконструкция общественного отклика на 14 декабря, даже если составители не подчиняли материал такой задаче.

Если следовать логике данной работы, следующим за ней важным шагом для авторского коллектива должны стать выявление, систематизация и подготовка к изданию неопубликованных мемуарных свидетельств, местонахождение которых известно или предполагаемо, а также тех документов, которые, может быть, не совсем обоснованно оставлены за рамками данного издания по формальному признаку: описаний, включенных в докладные записки, служебных рапортов, составленных по свежим следам произошедшего, донесений иностранных посланников и т.п. А мы будем ждать продолжения.

Т. Н. ЖУКОВСКАЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие читатели! (В.П.Козлов)	3
АРХИВ ВОЖДЕЙ	
« Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все ». Справка Информационного отдела ЦК РКП(б) И.В.Сталину. 1925 г. (О.И.Горелов)	4
РОССИЯ В КОСМОСЕ	
« Движение вперед техники полетов шло гораздо быстрее, чем это можно было ожидать ». К 90-летию со дня рождения академика М.В.Келдыша (Е.Ю.Башилова)	14
НАРОДЫ И СУДЬБЫ	
История вне факта и события . Из дневника Ф.Е.Ширнова. 1932—1938 гг. (Н.М.Корневская)	28
РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ	
« Реакция солидарна во всем мире ». Письма П.А.Кропоткина Д.В.Соскису. 1901—1916 гг. (Дж. Слэттер, Великобритания)	54
« В Вас я верю. Но иногда Вам не верю... » Письма П.Н.Милюкова Е.Д.Кусковой. 1922—1936 гг. (М.Г.Вандалковская) (<i>Окончание</i>)	64
ФОТОЛЕТОПИСЬ	
Мастера русской историографии: Николай Михайлович и Елена Иоасафовна Дружинины (А.А.Чернобаев)	93
ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ	
« Крепостное право развращало и рабов, и господ ». Главы из рукописи Н.И.Кареева «О причинах культурной отсталости от Запада». 1920-е гг. (Ю.В.Дунаева)	107
РОССИЯ НА ПЕРЕЛОМЕ	
« Милый мой аракчеевец ». Переписка великого князя Константина Константиновича с сыном Константином. 1901—1915 гг. (Т.А.Лобашкова) (<i>Окончание</i>)	124
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	
Особые совещания по внешней политике . Записка П.А.Сабурова и замечания на нее В.Н.Ламздорфа. 1905 г. (В.И.Куликов)	145
К 175-ЛЕТИЮ ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ	
« Государь! Исповедую тебе яко боящийся бога ». Прошения родственников декабристов о помиловании арестованных. 1826 г. (П.В.Ильин)	156

«Кто это на скале, окруженной морем...» Стихотворение декабриста В.Л.Давыдова «Napoléon-Bounaberdi». 1837 г. (В.С.Парсамов)	178
ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ	
Пермская Кормчая. 1. Описание (Р.Г.Пихоя)	187
АРХИВНАЯ РОССЫПЬ	
«Данные мне директивы выполнены». Отчет Б.Г.Бажанова. 1926 г. (О.И.Горелов, Д.О.Чураков)	211
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ	
14 декабря 1825 года. Воспоминания очевидцев (Т.Н.Жуковская)	214
 CONTENTS	
Dear readers! (V.P.Kozlov).....	3
LEADERS' ARCHIVES	
«Members of the Party and the Komsomol and practically everybody go in for drinking». Russian Communist Party (Bolsheviks) Central Committee's Information Department's explanatory memorandum to J.V.Stalin. 1925. (O.I.Gorelov).....	4
RUSSIANS IN OUTER SPACE	
«Development of cosmic flight equipment was progressing much more rapidly than it was possible to foresee». On the 90 th anniversary of Academician M.B.Keldysh's birthday (E.Iu.Bashilova).....	14
PEOPLES AND DESTINES	
History regardless of fact and event. From F.E.Shirnov's diary. 1932—1938. (N.M.Korenevskaya)	28
RUSSIANS ABROAD	
«Reactionaries are united in the whole world». P.A.Kropotkin's letters to D.V.Soskis. 1901—1916. (John Slatter, Great Britain).....	54
«I believe in you. But sometimes do not believe you». P.N.Miliukov's letters to E.D.Kuskova. 1922—1936. (M.G.Vandalkovskaya) (<i>The End</i>)	64
PICTORIAL REVIEW	
Pillars of Russian historiography: Nicolai and Elena Druzhinins. (A.A.Chernobaev)	93

 HISTORY AND HISTORIANS

- «**Serfdom corrupted not only serfs but also their masters**». Chapters from N.I.Kareev's manuscript «On reasons of cultural backwardness from the West». The 1920s. (Iu. V.Dunaeva)..... 107

RUSSIA AT A TURNING POINT

- «**My dear Arakcheevets**». Grand Duke Konstantin Konstantinovich's correspondence with his son Konstantin. 1901—1915. (T.A.Lobashkova) (*The End*)..... 124

FOREIGN POLICY

- Special conferences on foreign policy**. P.A.Saburov's memorandum and V.N.Lamzdorf's comment on it. 1905. (V.I.Kulikov) 145

ON THE 175TH ANNIVERSARY OF DECEMBRIST ARMED COUP

- «**Your Majesty! Confess to you like God-fearing subjects**». Clemency application submitted by relatives of the imprisoned Decembrists. 1826. (P.V.Ilyin) 156

- «**Who is it on the cliff surrounded by sea...**» Decembrist V.L.Davydov's poem «Napoléon-Bounaberdi». 1837. (V.S.Parsamov) .. 178

FROM ANCIENT TIMES

- Permian Kormchaya**. 1. Description (P.G.Pikhoya)..... 187

MISCELLANEA FROM THE ARCHIVES

- «**All instructions given to me fulfilled**». B.G.Bazhanov's account. 1926. (O.I.Gorelov, D.O.Churakov)..... 211

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- The 14th of December, 1825**. Eye-witness reminiscences (T.N.Zhukovskaya) 214

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- БАШИЛОВА** Елена Юрьевна — специалист 1-й категории РГАНТД
- ВАНДАЛКОВСКАЯ** Маргарита Георгиевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- ГОРЕЛОВ** Олег Игнатьевич — кандидат исторических наук, доцент РАГС при Президенте РФ
- ДУНАЕВА** Юлия Вячеславовна — научный сотрудник ИНИОН РАН
- ЖУКОВСКАЯ** Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент Петрозаводского государственного университета
- ИЛЬИН** Павел Владимирович — кандидат исторических наук, ответственный редактор сборника «14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография»
- КОЗЛОВ** Владимир Петрович — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, руководитель Федеральной архивной службы России
- КОРЕНЕВСКАЯ** Наталья Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Российского независимого института социальных и национальных проблем
- КУЛИКОВ** Владимир Иванович — кандидат исторических наук, преподаватель Техникума реабилитационного центра для инвалидов
- ЛОБАШКОВА** Татьяна Анатольевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского экономико-статистического института
- ПАРСАМОВ** Вадим Суменович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Саратовского государственного университета
- ПИХОЯ** Рудольф Германович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории российской государственности РАГС при Президенте РФ
- СЛЭТТЕР** Джон — доктор философии, преподаватель Института исследований Центральной и Восточной Европы Дарэмского университета (Великобритания)
- ЧЕРНОБАЕВ** Анатолий Александрович — доктор исторических наук, главный редактор журнала «Исторический архив»
- ЧУРАКОВ** Дмитрий Олегович — кандидат исторических наук, старший преподаватель МПГУ

Издатель: АНО Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

Компьютерная верстка *А.А.Афанасьев, А.Ю.Егоркина*
ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 10.01.2001.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,06. Тираж 800 экз. Заказ № 1088

125256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71 (дирекция);
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Фонд по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария, учрежденный Московским Патриархом, Правительством Москвы и Российской Академией наук, продолжает прием научных работ на конкурс 2001 года. Принимаются авторские труды по трем номинациям: история Православной Церкви, история России, история Москвы, опубликованные в 1998–2000 гг. или в виде компьютерного набора.

Адрес Фонда: 107120, Москва, ул. Нижняя Сыромятническая, д. 10-а, стр. 1 (метро «Курская кольцевая», «Чкаловская»).

Подробные условия конкурса можно узнать по тел.: 916-81-85, добавочный «15».

Победители конкурса будут удостоены денежных премий в сентябре 2001 г.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ!

ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ НА ДАННОЕ ИЗДАНИЕ
ПО КАТАЛОГУ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Тел.: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Факс: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

ATTENTION OF FOREIGN SUBSCRIBERS!

YOU CAN SUBSCRIBE TO THIS EDITION
THROUGH THE «ROSPECHAT» AGENCY CATALOGUE

«RUSSIAN NEWSPAPERS & MAGAZINES-2000».

Phone: /007 095/ 195 6677, 195 6418
Fax: /007 095/ 195 1431, 785 14 70
E-mail: ovs@rosp.ru
Web site at <http://www.rosp.ru>

Подписку и доставку издания в Латвии
осуществляет «Подписное агентство PKS»

г. Рига, тел. (10-371) - 7320-148

тел./факс: (10-371) - 7324-411

e-mail: media@apollo.lv

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»

проводит подписку на журнал

«ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ»

на I полугодие 2001 г.

Периодичность издания 3 номера в полугодие

Стоимость полугодовой подписки **270 руб.**

для оформления подписки переведите сумму –
270 руб. на расчетный счет издательства через любое отделение
Сбербанка

Образец заполнения квитанции в Сбербанке:

АНО «Издательство РОССПЭН»

ИНН 7717098296

Р/сч 40703810638090103673 в Московском банке АК СБ РФ

Мещанском отделении 7811 для филиала № 1585 г. Москва

К/сч 30101810600000000342 БИК 044525342

Просьба в квитанции точно указывать свой почтовый адрес с
индексом, фамилию, имя и отчество; в графе «вид платежа»
укажите: «Исторический архив» и подписной период.

Цены указаны с учетом почтовых услуг в пределах
Российской Федерации.

Вы также можете заказать по почте отдельные номера или комплект
номеров журнала за 1999 и 2000 год. Стоимость
1 экземпляра за 1-е полугодие 1999 г. (№№ 2-3) — **65 руб.**,
За 2-е полугодие 1999 г. (№№ 4-5) и
за 2000 г. (№№ 1-4) — **95 руб.**, включая стоимость почтовой
пересылки.

Для сотрудников Федеральной архивной службы и для
подведомственных Росархиву учреждений при подписке в
издательстве (а также при покупке номеров журнала за
предшествующий подписной период 1999 – 1-е полугодие 2000 г.)
устанавливается специальная цена 180 руб. за полугодовой
комплект номеров.

Подписаться на журнал «Исторический архив» или приобрести его в
розницу можно также в офисе издательства:

129256, г. Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 2

Тел./факс: (095) 181-34-57

E-mail: rosspen-publishers@mtu-net.ru